

АНДРЕЙ ВОРОНЦОВ

НАЗЫВАЙТЕ МЕНЯ ПРОРОКОМ

РОМАН

Часть первая

1

Не знаю ничего хуже пустынных улиц. Это как жизнь, ушедшая из тела. Ты ходишь по мертвому телу города, по улицам-венам, из которых выточили кровь. Пустота. Светофоры. Собаки. Ты встречаешь людей, но они словно призраки. В неживом свете фонарей кажется, что они только что вышли из морга. Здравствуйте, морлоки! Наступил наш час.

Ночной город — это разоблачение города дневного. Ночью видишь, что это всё обман — дневная суета, деловитость, жизнелюбие, болтовня по мобильным телефонам. Это спектакль, придуманный чубайсами. Все знают, что нас ждет гибель. Вы стряхиваете с себя энергичность, заимствованную из рекламных роликов, как только захлопываете за собой железные, весом не меньше центнера, двери. Посмотрите на себя в зеркало, когда вы приходите домой. Вы увидите лица покойников. Каждый новый день в стране победившего капитализма накладывает на ваши лица жестокие и неизгладимые черты, как у портрета Дориана Грея. Вы не верите никому и ни во что. Ва-

ВОРОНЦОВ Андрей Венедиктович родился в 1961 году в Подмосковье. Окончил медицинское училище, работал фельдшером на “Скорой помощи”, одновременно учился в Литературном институте им. А. М. Горького. Автор романов “Огонь в степи” (“Шолохов”), “Тайный коридор”, “Необъяснимые правила смерти”. Член Союза писателей России.

Журнальный вариант. Полная версия романа выйдет в московском издательстве “Вече”.

ша национальность неопределима. Вы говорите на русском языке, но это русский язык для лексикона автоответчика. У вас славянские лица, но неславянская пустота в глазах. Вы знаете, что вы живые мертвецы, но врете себе и другим, называя свое корпение в мерзких офисах, при виде которых меркнут фантазии Замятина и Оруэлла, жизнью. Иногда вы позволяете себе шутить, говоря, что вы, дескать, офисный планктон. Не надейтесь! Планктон живет, а вы мертвы. Вы мертвые рыбы в отравленной реке жизни.

Я иду по городу, от светофора к светофору. Ночью всё — насмешка, даже их мигание. Улица пуста, ни одной машины, но я стою на красный свет, жду, когда электронный указатель отсчитает секунды и мне будет позволено пройти по “зебре”. Всё — обман, и настолько явный, что даже нет смысла его нарушать. Ну, пройду я по “зебре”, не дождавшись “зеленого” на электронном секундомере. Это что — свобода? Это — свобода? — молча кричу я промчавшемуся мимо с грохотом черному байкеру. Твои гонки по пустым улицам ничем не отличаются от моего бессмысленного стояния на красный свет. Несколько часов назад ты, как и другие, вышел из поганого офиса, сбросил пропотевший под мышками пиджак, напялил на себя черную кожу, надел шлем-горшок и завел свой урод-мотоцикл, грохотом которого ты хочешь отсечь от себя позор очередного бездарного дня. Слуги развлекаются в отсутствие господ!

В темных домах загораются окна, но я не верю в их свет. Я не верю в домашнее тепло, уют за этими окнами. Там такая же имитация жизни, как в городе днем. Вы ужинаете, пьете чай, смотрите телевизор, ложитесь в постель, не забыв прихватить контрацептивы. Вы — люди-контрацептивы, говорю я вам. А я жажду встретить человека. Но я даже не вижу глаз редких прохожих, потому что они их прячут от меня.

* * *

При этом Енисеев попытался взглянуть в глаза сидящих напротив проституток и ничего не увидел из-за густой туши на их ресницах.

— Наверное, они думают, что вы маньяк, — сказала одна из девушек.

Другая девушка, с детской челкой, налезавшей на глаза, но с таким обильным пирсингом на бровях, что колечки звенели, когда она брови поднимала, прыснула, но тут же с некоторым испугом закрыла ладошкой рот. Ага, стало быть, она не исключает, что я и впрямь маньяк, отметил Енисеев. Впрочем, ему к этому было не привыкать.

Они сидели в ночном кафе, в котором кроме Енисеева, девушек-проституток, бармена, официантки и человека в футболке с портретом Че Гевары и лицом президента Франции Саркози, никого не было. Саркози-Че Гевара был пьян уже, наверное, год или два без перерыва, поэтому не обращал на слова Енисеева абсолютно никакого внимания. Он всё смотрел куда-то в угол рядом со стойкой, где, вероятно, находился его персональный черт. Девушки же сидели за соседним столиком и, неопределенно ухмыляясь, слушали, пока одна из них, плоскогрудая, но с полными ножками, не позволила себе прервать Енисеева. Официантка дремала, а бармен смотрел футбол по спутниковому телевидению. Енисеев уже не помнил, завершал ли он свой монолог, зайдя в это кафе, или же, напротив, здесь его и начал. Представителей офисного планктона, наиболее часто упоминавшихся в его монологе, в заведении не было. Но Енисеева это не очень смущало, потому что импровизация только в сочинениях Пушкина и Достоевского доходит до прямого адреса. А ты, если захочешь привести в пример проституток, никогда не найдешь, хоть ты тресни, в качестве слушательниц этих самых проституток, а захочешь сказать о мертвецах из офисов, то нипочем не привлечешь внимания этих мертвецов.

Девушка с пирсингом, которая в глубине души не исключала, что Енисеев — маньяк, сказала, однако, подруге:

— Ну что ты, зая? Он же интеллигентный человек!

Енисеев в сердцах крикнул, достал сигареты и закурил. Интеллигентный

человек! Клеймо на всю жизнь! Но разве хоть один из знаменитых пророков или проповедников был так называемым “интеллигентным человеком”?

— Далась вам эта интеллигенция! — сказал он девушке с челкой. — Вы что — часто встречаете интеллигентов?

За нее ответила плоскогрудая:

— Да нет, нечасто. У них денег нет. Они хотят провести время с девушкой на халяву. Типа поговорить красиво, как вы, поиграть в любовь-морковь и слинять.

— Да вы что думаете: я вам понравиться хочу?

— Вряд ли. Вам, наверное, идти некуда, как этому, — она кивнула в сторону Саркози-Че Гевары.

Мармеладов! Мармеладов во веки веков! С Че Геварой или без! Идти им, видите ли, некуда! При этом куда идти они и не пытаются. Однако этим маньяком она меня сбила. Юмор — вот враг истины. Он убивает любое откровение. Проповедь должна быть совершенно лишена слабых мест, чтобы нельзя было ее разрушить остротой.

— Ну, а что вы можете сказать по поводу людей-мертвецов? — помолчав, спросил он.

— Я запомнила насчет людей-презервативов, — ответила проститутка. — А вы что: ходите по ночам, тренируетесь?

— Вроде того.

— А зачем?

Енисеев махнул рукой. “Зачем”, “зачем”! Как будто они сами знают, зачем сидят здесь! У них что — есть в жизни цель? Скажем, стать профессиональными проститутками? А туда же: зачем, зачем?

— Он и есть маньяк, — сказал вдруг Саркози-Че Гевара, по-прежнему не сводящий глаз со своего черта.

В глазах девушки с челкой снова пробежал испуг. Енисеев подмигнул ей, подошел к стойке и заказал сто граммов водки и стакан томатного соку. “Ну а что же пророки? Они всё время попадали в такие ситуации. Сказано, что они проповедовали некому “народу”. Что же: этот народ толпами сбегался к ним, когда они приходили в город? Да ничего подобного. Они сами шли туда, где собирался этот народ — на рынки, в харчевни. А там было хоть отбавляй таких же зубоскалящих блудниц и отморожков, как и здесь. Хорошо, если на сто слушателей попадался один понимающий. Правда, были еще храмы, синагоги. Но едва ли и там публика проявляла дружелюбие к чужакам, бичующим пороки. Как это у поэта? “В меня все ближние мои Бросали бешено камня”.

— Причем маньяк опасный, — снова заговорил Саркози-Че Гевара.

— А кто такой, по-вашему, Че Гевара, изображенный на вашей футболке? — обратился к нему Енисеев.

— Опасный... маньяк, — на тот же лад проскрипел забулдыга, не отвоя взгляда от своего угла, но из-за замедленности его реакции было непонятно, кого он имеет в виду, Че Гевару или Енисеева.

— А вы тоже маньяк?

Саркози-Че Гевара молчал: может быть, осмысливал вопрос.

— Он — неопасный, — ответила за него плоскогрудая проститутка.

Звякнул колокольчик над дверью; в кафе вошли два мента.

— А, сектант, — сказал один из них, узнав Енисеева.

— Сколько раз вам говорить, — с досадой отозвался тот, — что я не сектант и ни в какой секте — ни в тоталитарной, ни в нетоталитарной — не состою.

— А чего ты тогда волнуешься? Ну, не состоишь — и хорошо.

— Не называйте меня сектантом. Вы представители закона и должны употреблять точные формулировки.

— Как же тебя называть?

— Он маньяк, — хихикнула плоскогрудая.

Менту почему-то ее вмешательство не понравилось.

— Тебе кто давал слово? Ты видишь: люди разговаривают? А ну-ка, покажи свою регистрацию!

— Щас, разбежалась! У Зульфии Исмаиловны спросишь, она тебе платит.

— Что-что? На “субботник” захотела?

— Че Гевара — не маньяк, — запоздало бормотал из своего угла забулдыга. — Он настоящий мачо.

— Называйте меня пророком, — сказал Енисеев.

2

Давным-давно, в детстве, солнечным зимним днем маленький Илюша Енисеев бежал вокруг избушки во дворе детского сада, то ли убегая от кого-то, то ли, напротив, догоняя. Звонко разносились детские крики, визжали полозья санок, над головой кружилось солнце, перед глазами мелькали бревенчатые венцы домика, шибко скрипел свежеутоптаннный снег. И был ли тому виной пьянящий запах снега, или сверкающее по всей его зернистой белизне солнце, или закружилась голова от однообразного мелькания бревен, но Енисеев вдруг остановился, не обращая внимания на толчки и снежки, разбивающиеся о его грудь и спину, и произнес раздельно и медленно: “СОЛНЦЕ. СНЕГ. ДОМ. ПТИЦЫ”.

Он произносил слова и впервые отчетливо понимал, что непостижимым образом его язык, губы, дыхание порождают не просто звуки, а вполне определенные названия. Дыхание, столкнувшись с движением языка, разбивалось о небо, и в облачке морозного пара вылетал изо рта звук, другой, третий, они соединялись, и получалось: “ЧЕ-ЛО-ВЕК”. Если бы Енисеев захотел сказать, что он сейчас делает, то без труда бы получилось: “Я стою и говорю”. Но как такое могло быть? Он не только мог назвать солнце солнцем, а снег снегом, он мог подумать о солнце и снеге и тут же сказать, что думает о них. А мог думать и одновременно говорить, о чем думал. Мысль возникала в голове, беззвучная, и тут же озвучивалась дыханием, движением языка и губ. Каким образом она переходила именно в те звуки, какие нужно, он не понимал. А как можно думать и знать, что ты думаешь, и сказать: “Я думаю”? И почему это “думаю” появляется в голове в виде слова “думаю”, а не как-нибудь иначе? Что же, выходит, если бы он не знал этого слова, то и не знал бы, что думает?

Это было второе открытие после того, как Енисеев понял, что он говорит то, что думает, и думает то, что говорит. Но он думал именно словами, и не был уверен, смог ли бы думать вообще, если бы не было слов. Он видел небо, мог подумать, что это небо, и сказать: “Небо”. Однако слово, как и само небо, существовало прежде мысли и звука. Думая о небе, говоря “небо”, он имел дело с тем, что видел, и что называлось другими людьми небом еще до его рождения. Не он с помощью дыхания, языка, рта сделал звук словом, а увиденное глазами небо пришло ему в голову словом, стало мыслью и зазвучало с помощью языка, дыхания, рта. Слово связывало его, Илью Енисеева, с миром, потому что всё в мире имело название: солнце, небо, снег, деревья, дома, птицы, люди. Только подумаешь: “солнце” — видишь солнце, подумаешь: “небо” — видишь небо...

Прежде он делил мир на “свое” и “чужое”; в своем, ближнем мире жили папа, мама, дедушки, бабушки, дядя, тетки, подальше — соседи, и уж совсем далеко — люди из другого дома. Своим был двор возле их дома, собаки и кошки во дворе, а люди, собаки и кошки в другом дворе были уже чужими. Мир как бы расходился от Енисеева кругами, словно круги от брошенного в воду камня. Был ближний круг, и были круги дальние. Сейчас же он почувствовал примерно то, что испытывал, когда бежал вокруг избушки, а вокруг него кружилось небо, солнце, птицы, деревья, сверкающие сугробы, дети, дома... Енисеев стоял в центре мира, который уже не убегал от него кругами, а накатывался на него, достаточно было дать жизнь одному из слов. Расстояние не имело значения, он легко преодолевал его, говоря: “солнце”, “облака”, “самолет”, “небо”, “птицы”, “дома”, “березы”, “сугробы”, “дети”, “я”. Мир был цепочкой, зажатой в его руке и заканчивающейся неведомо где, а звеньями цепочки были слова.

Енисеев вздохнул, и мир пришел в движение, устремился вместе с морозным, пахнущим арбузом воздухом в его легкие, как густой кисель из стакана, когда стягиваешь его в рот губами, с присвистом. На секунду, между двумя ударами сердца, он стал с миром одним целым, он ощущал его как продолжение своего тела. Казалось, шевельни Енисеев пальцем, и мир отзовется далеко за теми пределами, что были доступны его глазам. Мир сдержанно гудел, как огромная, бесконечная, никогда не останавливающаяся машина. Всё, что видел и слышал Енисеев: солнечные блики, гул самолета в вышине, воробьиное чириканье, детские крики, нежно опущенные снегом деревья, бриллиантовый блеск над сугробами, жамкающий снежный скрип, запах арбуза, скрежет саночных полозьев, автомобильные гудки с улицы, тончайший, микроскопический узор снежинки, превратившейся в капельку на ладони, — всё это было результатом работы невидимой, ежесекундно творящейся по всему миру. Он не видел, как стучит его сердце, но слышал, как оно стучало, — так и невидимый им мир пульсировал — то ли от биения его собственного сердца, то ли от биения сердца, общего для всего мира. Но не было никаких сомнений, что оба этих сердца — енисеевское и сердце мира — были неразрывно связаны и бились в унисон.

И тут, словно отозвавшись на эту мысль, его сердце ударило сильнее и раньше, чем положено, а ответного удара мирового сердца он не услышал. Связь между Енисеевым и миром внезапно порвалась, оставив в груди томительное ощущение. Что-то было не так. Мир вокруг него был таким же, как и прежде, но что-то в нем нарушилось. В сладком морозном воздухе вдруг грозно пахло железом, маслом, дымком солярки — так пахли танки на параде 7 ноября. Неизвестно откуда родилось грозное слово “ВОЙНА” и вместе с ним непоколебимая уверенность, что война эта началась.

— Война началась, — тихо сказал он подошедшей к нему воспитательнице.

— Нет, солнышко, закончилась! — весело возразила она. — Марш в группу! Обедать и тихий час!

— Взрослая война началась!

— Какая война? Бог с тобой! — воскликнула она. — Ты хоть знаешь, что это такое? Как мы в детстве голодали-то во время этой войны? Нет, партия и правительство не допустят!

Однако непонятная уверенность в том, что война началась, Енисеева не оставляла. Поэтому он и дома сказал о войне папе.

— Не болтай, — отмахнулся отец. — С кем война? Ты знаешь, сколько у нас атомного оружия? Нас сама Америка боится! К тому же в Америке скоро зимняя Олимпиада! Потом летняя — у нас! А во время Олимпиад не воюют.

Но в девять вечера, когда Илью уже отправили спать, по телевизору в программе “Время” сообщили, что по просьбе нового руководства Демократической Республики Афганистан в страну введен ограниченный контингент советских войск.

Илья, впрочем, этого сообщения из своей комнаты не слышал, да и едва ли бы понял, если бы и услышал, потому что в нем слово “война” не звучало, а вот родители его переглянулись и одновременно покосились в сторону двери сына.

— Наверное, по радио в саду услышал, — пробормотал отец. — Да и разве это война? Сказано: по просьбе руководства Афганистана... Помогать будут их армии. В Чехословакию тоже войска вводили — но войны же не было.

* * *

Илья учился в пятом классе, когда к родителям приехали в гости мамыны братья из Винницы — Станислав и Виктор. Они втащили в прихожую огромные мешки с грецкими орехами и две канистры, в которых, как впоследствии выяснилось, был чистейший этиловый спирт. Мешок с орехами по-

меньше и несколько бутылок спирта, разлитых из канистры с помощью воронки, достались в подарок Енисеевым; остальное же предназначалось для продажи на рынке.

Маленький Енисеев был потрясен. Старшего дядьку, Станислава, он помнил в солидной синей форме железнодорожника с молоточками в петлицах, а младшего, Виктора, в парадной солдатской форме с блестящими пуговицами, — он служил в Подмоскovie и приезжал к ним в увольнение. Это были советские люди — один машинист огромного локомотива, водивший поезда дальнего следования, другой — защитник Родины, воин Советской Армии. А сейчас они, дыша винным перегаром, заявили в тулупах, капелюхах, с мешками этими и канистрами, словно пресловутые Никулин, Вицин и Моргунов из фильма “Операция “Б1”.

Эстетические чувства Енисеева, а равно и этические, были оскорблены. От дядьев откровенно пахло презренным словом “спекуляция”. Он даже не пытался представить их стоящими на рынке с горой грецких орехов на прилавке и канистрами спирта под прилавком, — его начинало подташнивать. К удивлению Енисеева, и мать его, и отец отнеслись к отвратительной метаморфозе, произошедшей с винницким дядьями, как к чему-то само собой разумеющемуся. Но ведь он отлично знал, что родители не любили людей, торговавших на рынках, и частенько поругивали их за алчность и недобросовестность. Почему же теперь они даже не удивились (во всяком случае, внешне) появлению Станислава и Виктора в образе торгашей?

Енисеев уже в ту пору не мог что-то долго держать в себе и прямо спросил дядьев:

— Вы что — спекулянты?

Станислав и Виктор переглянулись. Вопрос им не понравился. Задай его какой-нибудь другой хлопец, они дали бы ему подзатыльник, и дело с концом, но они слышали, что их племянник — хлопец не совсем обычный и даже предсказал войну в Афганистане.

— А ты знаешь, кто такие спекулянты? — после некоторой паузы осведомился Станислав.

Енисеев был начитанным и любознательным мальчиком. Он без запинки ответил:

— Спекулянты — это люди, наживающиеся на недостатке продуктов.

Молодой Виктор отвернулся, а старшего Станислава, судя по лицу, такая постановка вопроса еще больше покорибила.

— Вот видишь! “Наживающиеся”! — воскликнул он. — А какая же с нашей стороны нажива? В наших краях, знаешь, сколько этих орехов? На деревьях вдоль дорог растут! Бесхозные! Что же им, гнить? А в ваших краях их нет! И у государства не дошли руки их довести. Пойди, найди грецких орехов в магазинах! А они очень полезны для здоровья. Что же плохого в том, что мы помогли государству привезти их из наших краев в ваши? — Про спирт Станислав благоразумно не упомянул.

— Но вы продаете их за деньги.

— А как же? Я же свои деньги потратил, чтобы купить их гуртом! А перевоз их сюда, по-твоему, ничего не стоит? — Здесь Станислав Васильевич снова слукавил, потому что приехал на казенный счет и за багаж тоже денег не платил. Но он недооценивал маленького Енисеева.

— Я читал, что наше государство, — звонко заявил тот, глядя прямо в глаза Станиславу Васильевичу, — выпускает столько продуктов, сколько нужно человеку. Не больше и не меньше. Потому что наше государство — социалистическое, и у него плановая экономика. Оно не выращивает лишних грецких орехов. Те, что растут вдоль дороги — не бесхозные, а народные, они тоже кому-то предназначены. Может быть, их должны были привезти в наши магазины. Но их нет, потому что какие-то люди забрали их себе, продали вам, а вы их привезли продавать на рынке.

— Да я это к слову насчет “вдоль дороги”! — спохватился Станислав Васильевич. — У нас в садах эти орехи растут! А то, что в садах — личная собственность! Советское государство разрешает продавать на рынке продукты с собственного огорода!

— А спирт тоже с собственного огорода?

— Да что ты знаешь за спирт? Спирт... — Но дядька осекся и эту чувствительную тему развивать не стал. Побагровев, он устался, как бык, на племянника и выпалил: — Да ты что: решил, что мы враги советской власти?!

Енисеев не отвел глаза.

— Да, вы враги советской власти, — тихо ответил он и добавил вдруг: — Потому что губите ее и гибнете сами.

Еще секунду назад он не предполагал, что скажет так резко, и уж совсем не думал пророчествовать. Это получилось как-то само собой. И удивительное дело: дядьки вместо того, чтобы поставить зарвавшегося племянника на место, почему-то отвели глаза в сторону, и лица их приняли какое-то невеселое выражение. Первым встряхнулся Виктор.

— А очереди — это как?

— А что — очереди?

— Ну, если человек имеет кое-какие деньги и готов заплатить на рынке побольше, чтобы не стоять в очередях? Некогда ему, допустим? Кто-то же должен ему предоставить такую возможность?

— Да! — обрадовался поддержке брата Станислав. — Очереди! Партия сказала, что очереди со временем исчезнут, но сразу, как видишь, это не получается. Значит, и мы зачем-то нужны?

— Нет, не нужны. Если партия сказала, что не будет очередей, то сказала неправду.

Станислав Васильевич словно поперхнулся. К такой постановке вопроса он был не готов, хотя в глубине души, наверное, был согласен с племянником.

— Как так — неправда? Ты же сам говорил! Про социализм и прочее.

— При социализме цены низкие, — значит, всегда будут очереди. Государство рассчитывает, что человеку нужно, скажем, две пары ботинок в год, а кто-то пойдет и купит три или четыре. А кто-то, может быть, возьмет десять и повезет продавать в другие края, как вы грецкие орехи. А это значит, что где-то будет не хватать ботинок, и за ними люди встанут в очередь.

— И при коммунизме будут стоять? — поинтересовался Виктор.

— Конечно. Если существуют очереди, когда товары продаются за деньги, то тем более будут, когда их станут выдавать бесплатно. Ну и что? Людей на земле становится всё больше, невозможно им дать всё сразу и без очередей.

Енисеев не помнил, чем кончился тот разговор (кажется, в комнату вошли родители), и не знал, действительно ли дядьки были среди тех, кто губил советскую власть. Но он знал, что Виктор через несколько лет спился, работая охранником товарных поездов с “бормотухой”, и умер вскоре после развала СССР. Станислав, выйдя на пенсию в “незалежной” Украине (а пенсию украинское государство назначило ему в 54 гривны), ни сил, ни здоровья заниматься негодиями уже не имел и умер от рака. Неизвестно, напророчил ли им их судьбу Енисеев, но мелкий бизнес при социализме им точно счастья в жизни не принес.

Позднее Енисеев относился к очередям не столь спокойно, как в детстве, когда он в них почти не стоял. Но в целом, надо сказать, очередей на его долю выпало немного, поскольку во взрослую жизнь он вступил уже при капитализме. И вот однажды суждено ему было вернуться в социализм. Он зашел в большой супермаркет купить какую-то мелочь. Найдя то, что ему нужно, Енисеев пошел к кассе и наткнулся на длинную очередь. Так бывало и при капитализме, если другие кассы почему-либо не работали, но, поглядев по сторонам, Енисеев с удивлением убедился, что все шесть касс супермаркета работали и ко всем стояли такие же огромные очереди — преимущественно из пожилых людей. Вяло размышляя, уйти ли ему или продолжать стоять, он вдруг услышал такую знакомую по “перестроечным” временам, но совершенно невозможную в рыночные времена фразу: “Отпускаем только по две в руки!”. По очереди волной прокатился недовольный ропот. Енисеев тоже с неудовольствием поймал себя на давно забытом желании со-

ветского человека взять чего-нибудь больше, чем “по две в руки”. Он поглядел в корзины и тележки стоявших перед ним людей и увидел в них... пачки обыкновенного рафинаду. У Енисеева возникло ощущение, что он попал в провал во времени. Он недоуменно спросил стоявшую впереди бабу:

— В чем дело? Разве сахар исчез из продажи?

— Да не исчез! — ответила та раздраженно, не зная, видимо, что делать с лишними четырьмя пачками рафинаду, что лежали у нее в тележке. — Сахар просроченный, они продают его по двенадцать рублей вместо двадцати четырех! Послушайте! — вдруг сказала она, бросив взгляд в корзину Енисеева. — Вы сахару не берете, возьмите для меня две пачки! Вот деньги!

Но Енисеев уже не глядел на нее. Его детские представления о политэкономии социализма подтвердились! Снижение цен мгновенно вызвало очередь. Он сразу припомнил свой давний спор с дядьями и неожиданно для самого себя (как это часто у него бывало) сказал на весь зал:

— А может, это не советская власть была виновата в очередях, а вы? Смотрю я на вас, господа-товарищи пенсионеры, и вижу, что вы в очередях словно родились. Вы продали Советский Союз за колбасу, а сами стоите за просроченным сахаром. Где логика? И сервелат этот, о котором грезили при социализме, вы не покупаете. Вот же он, без всякой очереди! Берите! Нет, вы давитесь в “Пятерочках” за дешевой колбасой из сои и крахмала, которую так ругали при советской власти. Своим шипением насчет дефицита и очередей вы отвращали нас от социализма. А сами по-прежнему готовы стоять в очередях и день и ночь. Это, оказывается, ваша жизнь. Так чем же вам не нравился социализм? Чему вы учили нас? И чему сейчас учите своих внуков? Скажите им правду, что голосовали за власть, от которой сами вымираете по миллиону человек в год!

Енисеев не получил ни от кого ответа. Народ, как в “Борисе Годунове” у Пушкина, безмолвствовал и на бичующего его витию старательно не глядел. Только стоявшая впереди Енисеева бабка спросила:

— Уважаемый, так вы возьмете мне две пачки сахару или нет?

3

Дело не в том, сбываются или нет предсказания, а в том, могут ли люди ими воспользоваться. Пока еще это никому не удавалось. Предсказаниям либо верили, либо не верили, но ничего не предпринимали, чтобы изменить судьбу, и убеждались в справедливости пророчества, когда оно становилось необратимым фактом. Те же, кто верил и пытался не допустить предначертания, делали это так, что лишь приближали его свершение. Так повелось со времен царя Эдипа. Борясь против рока, он лишь быстрее способствовал его наступлению. Что из того, что Нострадамус умел предвидеть будущее? Оно наступило, и никто не смог помешать этому.

Стало быть, не имеет никакого значения, предсказано будущее или нет? Но мы отлично знаем, что люди не потеряли интерес к прорицаниям. Им почему-то важно не только то, что напророчено о будущем, но и то, что было напророчено в прошлом. Вероятно, если судьба человека предопределена, то сообщение об этом говорит о некоей доступности предопределения, а стало быть, о возможности его корректировки. Страшна неумолимость, полнейшая закрытость предначертания. Кто-то свыше знает о твоём жизненном пути всё, а ты не знаешь ничего. Невыносимо!

Итак, люди по-прежнему нуждаются в прорицателях, чем активно пользуются жулики, называющие себя астрологами, хиромантами и предсказателями судьбы. Это паразиты, дискредитирующие сам феномен пророчества. Нам пытаются доказать, что он связан со сверхъестественными способностями человека, а они здесь вовсе ни при чем. Ничего сверхъестественного просто так, за здорово живешь, не бывает. Пророчества без морали — цирк, не более того. Пророчества — это действенная сторона морали. Иеремии иудеи били не за пророчества как таковые, а за заложенную в них мораль. Он не мог изменить ход событий, но он довел до сведения людей причину их несчастий.

*Провозглашать я стал любви
И правды чистые ученья:
В меня все ближние мои
Бросали бешено камня.*

Судьба человека темна и трагична, если он не слышит голоса совести. Если же он слышит его, то она может быть трагична, но вовсе не темна. Предопределение есть форма судьбы, но не ее содержание. Содержание людям помогают узнать пророки, и они же помогают людям связать их отдельные судьбы в общую судьбу — племени, народа, государства. Осмеянная не раз тяга обывателей к прорицаниям — не предрассудок, а неосознанное стремление обрести снова ту утраченную идеальную форму бытия, когда во главе народа стоит вождь-пророк, а его, в свою очередь, направляет Бог на небесах.

— Сколько занимаюсь гаданием по руке, не припомню, чтобы людей интересовали моральные проблемы, — сказал уличный хиромант, подле которого размышлял вслух Енисеев. — Их интересует только личное будущее.

— Будущее — чушь. На бытовом уровне люди умеет предвидеть это самое будущее. Но они в подавляющем большинстве не знают смысла и цели жизни и не видят связи между моралью и судьбой. Поэтому они нуждаются в пророках, а за неимением таковых обращаются к жуликам-предсказателям.

Хиромант оскорбился или сделал вид, что чувствует себя оскорбленным. Это был худой смуглый мужчина средних лет, похожий на грека или грузина, но говоривший по-русски довольно чисто.

— Если предсказать будущее так просто, как вы говорите, то предскажите мое, — предложил он. — Хотя бы ближайшее.

— И мое, — сказал краснолицый мужчина с банкой пива в руке, стоявший у столика уличного предсказателя и слушавший разговор Енисеева и хироманта.

— А, вы мне предлагаете роль Воланда, — оживился Енисеев. — Хорошо. Вы, мужчина, в ближайшем будущем допьете свое пиво, и не исключено, что возьмете еще баночку. А вас, господин хиромант, ожидают неприятности с милицией, коей, видимо, вы не заплатили положенную мзду.

И тут же, как по заказу, за спиной хироманта вырос милиционер.

— Гражданин! Ваши документики!

Потрясенный хиромант разинул рот.

— Ничего сверхъестественного, — снисходительно объяснил Енисеев. — Я видел, как он подходит к вам сзади. На какие-то секунды Господь позволил мне узнать больше о вашем ближайшем будущем, чем это знаете вы, предсказатель судьбы. Но я в данном случае сыграл ту же роль шарлатана, какую играете вы.

— А, пророк! — узнал его мент. — Ты что — устраняешь конкурентов? Учти, будешь пророчествовать за деньги, я тебя тоже оштрафую. Гражданин, следуйте за мной, — приказал он хироманту.

Тот покорно сложил свой столик и поплелся за ментом.

— Может, по пиву? — предложил ослабившийся краснолицый.

— Нет, пиво пейте один, как предсказано, — отказался Енисеев. — Не стоит играть с судьбой.

* * *

Енисеев сидел в приемной заместителя председателя Государственной думы. Он вышел к Енисееву сразу, как тот пришел, но сказал:

— Ко мне приехали две делегации — с Урала и Украины, и я должен их принять. Не думаю, что это будет долго. Вам придется немного подождать. Как только мы закончим, я — полностью в вашем распоряжении.

Гостей вице-спикер принимал часа три. Енисеев от нечего делать смотрел трансляцию пленарного заседания Думы. Кресло вице-спикера в президиуме пустовало. Когда объявили перерыв, он выглянул в дверь и сказал секретарше:

— Заберите, пожалуйста, из зала заседаний папку с моими бумагами.

Заместитель председателя Госдумы был нестарым, цветущим человеком с вкрадчивой улыбкой. Он возглавлял политическую партию и готовился к выборам. Газета, в которой сотрудничал не знавший, куда приткнуться со своим филологическим образованием Енисеев, послала его взять у вице-спикера интервью. Это был оплаченный из избирательного фонда материал, поэтому, видимо, политик не боялся, что Енисееву надоест ждать.

Наконец он позвал его в кабинет. Но на плечах Енисеева вошел какой-то партийный активист и объявил вице-спикеру, что два человека, включенных в их избирательный список, подали заявление о выходе из него. Политик думал недолго.

— Передайте им, что это не они выходят из списка, а я их изгоняю — с позором, — тоном цезаря объявил он.

Вице-спикер был популярен — прежде всего в оппозиционной патриотической среде, и мог себе позволить не переживать из-за каких-то двух ренегатов. Активист, неопределенно усмехнувшись, исчез, и дальше дело пошло быстро. Политик неглупо, уверенно, аргументированно отвечал на вопросы Енисеева, говоря, главным образом, о первых шагах своей партии в случае успеха на выборах. В самом же успехе он насколько не сомневался. Вице-спикер славился красноречием, остротой постановки вопросов и политической непопотапливаемостью. В его карьере наступил период, когда ему стало тесно в рамках избирательных объединений и блоков, и он решил идти со своей партией на выборы самостоятельно. Поскольку лично политик еще не проиграл ни одних выборов и был фигурой, как говорят, харизматической, то считалось, что он, по примеру Жириновского, послужит для своей партии хорошим локомотивом и вытянет ее в Думу.

Енисеев в принципе думал так же, но кое-что насторожило его еще до того, как он начал разговаривать с вице-спикером. Дело было даже не в двух ренегатах, в последний момент покинувших корабль партии вице-спикера, — такое происходило сплошь и рядом даже в больших думских партиях, если невысокое место в списке не гарантировало кандидатам попадания в Думу. Еще уславливаясь о встрече с политиком, Енисеев попросил, чтобы его помощники подготовили необходимые материалы — программу, фотографии, эмблему партии. Утром, зайдя в секретариат вице-спикера, Енисеев ничего этого не получил. Худой очкастый глава секретариата, похожий на молодого Сулова, лишь беспомощно рылся в гигантской, доходившей почти до потолка стопке бумаг на подоконнике. Вероятно, Шерлок Холмс смог бы определить возраст этих бумаг по цвету их слоев: внизу они были грязновато-желтые, а по мере возрастания стопы постепенно светлели. Но и без Шерлока Холмса было ясно, что такой плавный переход из одного оттенка желтого в другой мог быть достигнут лишь в том случае, если бумагами на подоконнике никогда не пользовались. Енисеев понял, что искать здесь что-либо бесполезно. Поэтому он попросил вице-спикера дать своему секретариату прямое указание найти материалы, пока он дожидается приема.

Кидая не интервьюера не очень дружелюбные взгляды, помощники политика, тем не менее, довольно быстро, не прибегая к помощи стопы на подоконнике, нашли фотоальбом и программу. Заминка вышла за малым: не могли, как ни странно, обнаружить эмблемы. А она, между тем, в пропагандистском смысле значила больше фотографий вице-спикера и его соратников, потому что воспроизводилась на избирательных бюллетенях. Сказав об этом функционерам, Енисеев направился было назад в приемную. Но тут один из помощников воскликнул:

— Вспомнил! Есть! — Это прозвучало, как знаменитое “Эврика!”.

Он полез в шкаф, где размещались неперменные в думских кабинетах кубки, грамоты и вымпелы, и вытащил оттуда немаленькое блюдо с позолотой.

— Вот!

— Что — вот? — не понял Енисеев.

— Логотип! На блюде!

Енисеев взглянул: на блюде, очевидно, подарочном, действительно красовался логотип партии вице-спикера.

— Так, — несколько растерянно пробормотал он, — а что мне с ним прикажете делать? Фотоаппарата я не взял. Я могу его отнести в газету и отсканировать, если оно поместится в сканер.

Не без сожаления посмотрев на блюдо, помощники согласились, взяв с Енисеева обещание вернуть раритет. Сейчас партийное блюдо лежало в его сумке. Именно оно и было, скорее всего, источником сомнений Енисеева. В Думу проходили те партии, эмблемы которых красовались на пригородных заборах, а не на подарочных блюдах. Ренегаты, кладбище партийных документов на подоконнике, не очень радивые помощники, выдвижение вице-председателем своей кандидатуры одновременно по одномандатному округу — всё это само по себе не столь уж много и значило, потому что могло происходить в любой партии, но вот блюдо с логотипом придавало этим явлениям некую последовательность и законченность.

Енисеев задавал вице-спикеру свои вопросы и записывал на диктофон ответы, а роковое блюдо не выходило у него из головы. Оно, казалось, обесмысливало всё, что говорил его собеседник. Под конец Енисеев всё же не выдержал:

— Позвольте задать личный вопрос, что называется, не для протокола?

— Пожалуйста, — благосклонно кивнул политик.

— Вы и вправду верите, что ваша партия сможет пройти семипроцентный барьер?

На лице заместителя председателя Думы мелькнуло выражение, какое бывает у человека, застигнутого врасплох в не самый подходящий момент. Но оно омрачилось, если Енисееву это не показалось, лишь на долю секунды. Вице-спикер снисходительно улыбнулся, обнаружив вдруг странное сходство с котом.

— Я в политике не первый год. Неужели вы думаете, что я это всё затеял бы, если бы твердо не верил в победу?

Енисееву полагалось из вежливости согласиться с ним и распрощаться, но он издевательски четким голосом сказал:

— Вы побеждали на выборах, когда на вас надевали наручники и записывали в “воронок”. А теперь хотите их выиграть из кабинета. Вы рассчитываете на своих помощников, которые тоже сидят в кабинетах. Но реальная партия, особенно новая, — это сообщество чокнутых на какой-нибудь идее людей, а не кабинетных бюрократов. Лично я вашей программе сочувствую, но помяните мое слово: ваша партия не получит и одного процента. Однако сами вы по одномандатному округу в Думу пройдете.

Откуда, как возник этот “один процент”? Задав свой вопрос о семипроцентном барьере, Енисеев в этих пределах шансы партии вице-премьера и оценивал, и вдруг... Улыбка с лица политика исчезла.

— Посмотрим, — сухо сказал он и кивнул, не подавая руки.

Перед уходом из Думы Енисеев зашел в секретариат вице-спикера позвонить по телефону. Когда он повесил трубку, в дверях вдруг появился сам заместитель председателя со здоровенным букетом роз в руках.

— Уезжаю в театр, — бросил он помощникам. — Надо поздравить юбиляра. — На Енисеева взгляд его задержался лишь на мгновение, как на постороннем предмете, и скользнул дальше.

Блюдо с логотипом поместилось в сканер. Но Енисеев так и не вернул его в секретариат, потому что на первой же редакционной пьянке блюдо использовали по прямому назначению — то есть для колбасы и сала. А помощники вице-спикера о нем не напоминали: видимо, больше логотип партии никому не потребовался.

На парламентских выборах партия заместителя председателя Думы получила 0,9 процента голосов — точно по прогнозу Енисеева. Сам политик, опять же по прогнозу, прошел в Думу, но заместителем председателя, конечно, уже не стал.

С бывшим вице-спикером Енисеев повстречался снова где-то через год, на открытии Московского кинофестиваля. Они столкнулись в проходе. В руках у политика был букет роз. Он явно опять намеревался поздравлять кого-то. Енисеев поздоровался с ним. В глазах отставного вице-председателя он

прочитал желание не узнать интервьюера-пророка. Но он справился с секундной слабостью и, нейтрально улыбнувшись, подал Енисееву руку. У того чесался язык напомнить о том, кто же на самом деле оказался прав, но он не сделал этого. Поданная политиком рука и была косвенным признанием правоты Енисеева.

4

А еще Енисеев предсказал политическое будущее Владимира Путина и Юлии Тимошенко.

В ту пору, когда Путин был назначен Ельциным премьер-министром вместо нерешительного Степашина, не сумевшего организовать отпор отрядам Басаева, вторгшимся в Дагестан, Енисеев читал книгу Светония “Жизнь двенадцати цезарей”. В ней была фотография бюста Юлия Цезаря из Британского музея. Глядя на нее, Енисеев вдруг поймал себя на мысли, что видит лицо Путина, только постаревшего лет на пять.

Надо сказать, что тогда, несмотря на высокое назначение, преемником Ельцина Путина никто не видел. Енисеев убедился в этом, полистав интернет. Егор Гайдар в августе девяносто девятого говорил о возможном президентстве Путина: “Пока это трудно себе представить”. Соратник Гайдара Сергей Юшенков: “Нет, ведь слова президента о преемнике можно понимать как стремление политически уничтожить Путина”. Георгий Сатаров, бывший помощник Ельцина: “Назначение Путина преемником сыграет на руку остальным кандидатам, прежде всего Примакову”. Олег Морозов, лужковско-примаковское “Отечество — вся Россия”: “Нет, и думаю, что и сам Владимир Владимирович этого не видит. Но он вынужден принять правила игры”. Алексей Митрофанов, тогдашний сподвижник Жириновского: “С какой стати?” Екатерина Лахова, движение “Женщины России”: “Путин практически неизбираем”. Игорь Бунин, политолог: “Такая любезность Ельцина может испортить карьеру любому политику”.

Этот согласный хор отрицания настораживал сам по себе, ибо безволие предшественников на посту премьера выгодно подчеркивало волевые поступки Путина, от которых народ уже отвык (решительное наступление в Дагестане, обещание “замочить” басаевцев хоть в сортире). Кроме того, глядя на портреты Путина и Цезаря, Енисеев всё больше находил сходство неслучайным, хотя Путину раньше никогда не симпатизировал как соратнику презираемого им Собчака.

Поразмыслив над всем этим, Енисеев написал для журнала, в котором тогда был обозревателем, полушуточную статью под названием “Пришел, увидел, победил” и подзаголовком “До свидания, куклы!”:

“Во внезапном возвышении Путина есть некая совершенно обескураживающая, а потому и неназываемая политологами правда. Это — полная беспомощность, несамостоятельность и некомпетентность той “политической элиты”, что существовала до назначения Путина председателем правительства. Она таращит глаза на Путина, как будто на политическом небосклоне появился НЛО, затмивший враз померкшие полусветила. Надо же! Такие “бабки” получать и так обмишуриться... Как не стыдно!

И телешоу “Куклы” на НТВ сразу как-то поблекло — вы заметили? Полагаю, нас ждет постепенное отмирание этих “Кукол”, — во всяком случае, в прежнем качестве. Ельцинский балаганчик закрывается. До свидания, куклы! Первый симптом краха балаганчика — в том, что кукла Путина не очень-то вписывается в ряд привычных персонажей шоу Пичула–Шендеровича. Ведь какова его концепция? Все куклы делятся на две части — Ельцин и остальные. И это, в принципе, верно: ведь личностью среди них, пусть и с отрицательным знаком, являлся только Ельцин. Когда ввели Лукашенко — тоже, безусловно, личность, — его пришлось сильно окарикатурить, чтобы не “перетягивал”. А вот “концепция Путина”, кроме вариаций на тему “мочить в сортире”, кукловоды с НТВ не нашли — потому и не “вписался” он.

Вы видите здесь два портрета — Юлия Цезаря и Владимира Путина. Удивительно: разделенные двумя тысячами лет, они всматриваются друг

в друга, как в свое зеркальное отражение. Казалось бы, кто такой Цезарь, а кто такой бывший подполковник КГБ Путин? Но вспомним Аристотеля, одного из основателей науки “физиогномики”, которая учит, что между внешним обликом человека и его принадлежностью к определенному типу личности существует нерасторжимая связь. Сравнивая портреты Цезаря и Путина, попытаемся составить некий интеллектуальный и психологический фоторобот.

Итак, прически у Цезаря и Путина одинаковые, только Цезарь, в отличие от Путина, зачесывал волосы на лоб, сзади наперед. Волос немного, но и то правда, что при длинных волосах ум бывает короток. Цезарь охотно соглашался, когда ему советовали прикрывать часть “волосной поляны” лавровым венком. Лбы, как у Цезаря, так и у Путина, всеми специалистами-френологами оцениваются по высшей шкале. Высокий, ровный лоб говорит о бесспорной одаренности.

Теперь посмотрим на уши обоих властителей. Если ухо расположено выше уровня бровей, то это свидетельство высокого интеллекта, а если ниже — то можно претендовать только на мандат депутата городской думы. Так вот, у Путина этот показатель, пожалуй, лучше, чем у Цезаря.

Без крупного, длинного носа в политике вообще делать нечего (пример — Лужков). Он — признак стратегического склада ума и характера. Древние шутили, что человек с длинным носом влезет туда, куда другие не дотянутся и руками. Выраженная “носатость” — это внешнее проявление такого весьма ценного качества, как упреждающая реакция на ход событий. Таких людей ценят среди охотников и диверсантов.

Обратите внимание на желобок, идущий у Цезаря и Путина от носовой перегородки к верхней губе. Чем глубже и четче он вырезан, тем решительнее и напористее является его хозяин. Такие люди охотно берутся за новое дело, не без основания считая, что только так и можно подняться над серостью и обыденностью. Наш Путин этим желобком ничем не уступит ихнему Цезарю.

Челюстной аппарат — это механизм захвата и удержания добычи. Плебеи стараются развить его непрерывным жеванием чунгама, а есть люди, которым он достается от рождения. Крепкие, почти квадратные челюсти Цезаря и Путина говорят о том, что эти своего не уступят.

Не надо пытаться заглядывать в глаза людям типа Цезаря и Путина: это связано с риском для вашего благополучия. Их постоянно суженные зрачки отражают ежеминутную готовность к активным действиям. Это о них говорят, что они смотрят, как сквозь прицел. Не надо добровольно становиться мишенью!

Всё вышесказанное дает основание считать, что Путина выберут президентом, и его президентство будет более успешным, чем предыдущее ельцинское. С большой долей вероятности можно сказать, что к своим противникам Путин будет так же милостив, как и Цезарь, про которого рассказывали, что, когда он попал в плен к пиратам, то в ответ на их издевательства обещал им смерть на кресте. Когда через некоторое время пираты попали в плен к самому Цезарю, он сжалился над ними и велел заколоть их кинжалами, и только потом приказал прибить к крестам.

Надеемся, что сходство героя античности и героя нашего времени не заставит Путина разделить судьбу Цезаря, который погиб от двадцати трех ударов кинжала, нанесенных его ближайшими друзьями. Напомним слова римского историка Гая Светония Транквилла: “Из его убийц никто не прожил после этого больше трех лет и никто не умер своей смертью. Все они были осуждены и погибли по-разному... А некоторые поразили себя тем же кинжалом, которым они убили Цезаря”.

Енисеев отнес статью с фотографиями главному редактору журнала. Она была лучшей из всех когда-либо написанных Енисеевым, не стремившимся к успеху в этом жанре, поскольку тяготился им. Но у лучшего, как известно, в российской прессе незавидная судьба. Редактор прочел, почесал затылок и вычеркнул фамилию Енисеева под материалом, написав: “Аналитическое агентство”. Зачем он так сделал, один Бог знает: вероятно, считал, что

не Енисееву заниматься иронической физиогномикой Путина и предсказывать исход президентских выборов.

На статью тогда не обратили особого внимания, но потом, после 26 марта 2000 года, когда Путин победил на президентских выборах, завоевал снова Чечню, сокрушил Гусинского, Березовского и Ходорковского, о нем стали писать то же самое, только всерьез и не упоминая Цезаря.

29 декабря 2002 года прекратила свое существование программа “Куклы”.

* * *

С Тимошенко же дело было так. Накануне украинских выборов 2009 года Енисеев с женой отдыхал в Крыму. По всему полуострову висели белые, лишенные признаков партийной символики билборды и растяжки:

“Вони відпочивають (отдыхают),

ВОНА — працює (работает)”;

“Вони грабують,

ВОНА працює”;

“Вони зраждують (предают),

ВОНА — працює”, — и т. п.

Совершенно очевидно, что авторы “ВОНЫ” действовали в полном соответствии с учебником коммерческой рекламы, предписывающим в течение достаточно долгого периода времени вбивать в сознание потребителей непонятное интригующее слово, а перед распродажей разъяснить, наконец, какой именно продукт оно означает. Исходя из этой логики, полагал Енисеев, “ВОНА” непосредственно перед выборами должна была превратиться в Тимошенко. Он ошибся ненамного, упростив схему данного “пиара” на одно звено. На самом же деле планировалась не одна, а еще две смены слоганов: сначала “ВОНА — це Україна”, а потом, где-то за месяц до выборов — “Україна — це Тимошенко”. Последнего, кстати, так и не произошло.

Енисеев еще был в Крыму, когда туда пожаловала Тимошенко. Она провела встречи с избирателями, а потом дала пресс-конференцию. Енисееву позвонили из одной газеты и попросили аккредитоваться и сделать материал. Лишние деньги ему бы не помешали, а под такой материал уверенно можно было просить аванс. Его тут же прислали, и Енисеев поехал с Южного берега в Симферополь. По дороге, помимо пресловутой “ВОНЫ”, он неоднократно встречал другой проект пиар-шарлатанов: из грязных зеленовато-коричневых пятен на билборде проступало лицо бывшего председателя Верховной Рады Украины Арсения Яценюка и слоган: “АРСЕНИЙ. СПАС-ТИ СТРАНУ”. Один Бог ведал, почему этот похожий на кролика длинный лысый юрист предстал в камуфляжных цветах. Смех смехом, а халтурные билборды и растяжки в духе наглядной агитации Остапа Бендера стоили немалых денег, поскольку висели на главной крымской трассе, ведущей к Южному берегу.

На пресс-конференции Тимошенко выступала, как на митинге, с воздетым кверху правым пальчиком, к которому часто добавляла левый, словно показывала, какую рыбу поймала. Дали задать вопрос и Енисееву, хотя он к этому не очень стремился. Он спросил первое, что пришло в голову:

— Что вы будете делать в случае проигрыша на выборах?

— А кто вам сказав, що я програю? — отпарировала Тимошенко. Ее риторический вопрос не подразумевал ответа: здесь по законам жанра полагалось рассмеяться, и всё. Во всяком случае, так сделали украинские журналисты. Но Енисеев тут же воспользовался опрометчиво данной ему Тимошенко возможностью и ответил:

— Как минимум две вещи говорят об этом. Во-первых, ваша наглядная агитация, которая осуществляется по законам коммерческой, а не политической рекламы. Ведь если внедряемый в сознание с помощью незнакомого слова товар конкурентам трудно высмеять, то “ВОНА” легко уязвима с этой точки зрения, потому что о ней, по крайней мере, известно, что она женско-

го рода и имеет отношение к Тимошенко. Во-вторых, вы приехали в русскоговорящий Крым и говорите только по-украински. Ваши сторонники на западе Украины легко простили бы вам, если бы вы говорили в Крыму по-русски, оставаясь на их позициях. А вот вашим русскоязычным сторонникам в Крыму важно, чтобы вы говорили именно по-русски. Вы же делаете реверанс в сторону Львова, в данном случае ему не очень важный, и теряете Крым. Заметьте, при этом я не упоминаю ни о Черноморском флоте, ни о НАТО: здесь голоса между вами и Януковичем разделятся традиционно, и не факт, что в вашу пользу. В итоге вам не хватит именно тех голосов, которые будут поданы в Крыму за Януковича, и вы проиграете выборы. — Незаметно для себя начав пророчествовать, Енисеев остановиться уже не мог и предрек Тимошенко: — После этого вы никогда уже не вернетесь к власти. Вас затаскают по судам.

В зале повисла тишина. На миг Юлия Владимировна опустила глазки, а когда снова их подняла, они абсолютно ничего не выражали, словно Тимошенко успела надеть на них какие-то защитные линзы. Столь же нейтральной была и улыбка ее длинных пухлых губ. Не выставляя пальчика, Тимошенко сказала (снова по-украински), что не боится быть смешной, потому что известно, кто хорошо смеется; затем, всё же выставив пальчик, заявила, что говорить в Крыму на “державной мове” Украины честнее, чем говорить по-русски и обещать сделать русский язык вторым государственным, как Янукович, но не делать этого. На предстоящих выборах будут решаться более важные, насущные проблемы для граждан Украины, чем проблема второго государственного языка. Например, борьба с коррупцией. Судами же ее не удивить. Что же касается результатов выборов, то она верит не в пустые прогнозы, а в здравый смысл украинского народа. Украинцы ей похлопали.

“ВОНА” накрылась месяца через два. Сначала народ повеселила никому не известная женщина по фамилии Вуна, зарегистрировавшаяся кандидатом в президенты Украины, а потом пропагандисты Януковича нанесли второй удар, окончательно разрушивший кропотливо возводимое здание “долгоиграющей” “ВОНЫ”. Они использовали то, что уже носилось в воздухе, щекотало кончики языков людей, но еще не родилось как слово. Пирарщики “Партии регионов” сняли и запустили по ТВ видеоролик, в котором демонстрировались тимошенковские баннеры на фоне разрушающихся украинских заводов, бомжей, беспризорных, проституток, наркоманов, а под конец дали свой вариант слогана: “Коли ВОНА так працює, нехай ВОНА відпочиває”. Это было, что называется, простенько и со вкусом. Народ заржал — и миллионы тимошенковских долларов, потраченных на “ВОНУ”, вылетели в трубу. Оттого и не дошло дело до заключительной части “ВОНЫ” — “Україна — це Тимошенко”.

Во втором туре выборов Тимошенко уступила Януковичу 887 909 голосов. В Крыму за Януковича проголосовали 821 244 человека.
5 августа 2011 года Тимошенко арестовали в зале суда.

5

Мы знаем много пророков в человеческой истории, но мы не знаем, как ими становились. Происходило ли это так, как в стихотворении Пушкина?

*Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился, —
И шестикрылый серафим
На перепутье мне явился.
Перстами легкими как сон
Моих зениц коснулся он.
Отверзлись вещи зеницы,
Как у испуганной орлицы.*

Или пророки развивали свой дар так, как развивал его косноязычный Демосфен, учившийся дикции, набив камнями рот?

Мне дана некая возможность предвидения, но я не знаю, зачем. Я умею заставить людей слушать себя, но не умею зажечь их сердца. Что это — отблески случайного дара, которым не суждено развиваться в подлинный дар, как не суждено поэту-импровизатору, сочиняющему стихи на ходу, писать стихи гениальные? Или, напротив, я обладаю начатками тайного божественного знания, которые требуется неустанно возвращать? Но как? Я должен личным примером доказать свое право быть пророком? Как у Лермонтова?

*Посыпал пеплом я главу,
Из городов бежал я нищий,
И вот в пустыне я живу,
Как птицы, даром Божьей пищи.*

Стало быть, надо ходить в рубище, питаться акридами, просить подаяние, показывая гноящиеся язвы? Однако времена почтения к юродивым на Руси прошли, и сегодня прорицателя в рубище безоговорочно сочли бы жуликом, не считая при этом за жуликов респектабельных шарлатанов, камлающих в окружении пентаграмм, семисвечников и зеркал.

Мои “демосфеновы камни” — что это?

Может быть, я обращаюсь не к тем людям и не тогда, когда это действительно необходимо? Но как найти нужных людей и выбрать правильный момент? Если бы имел возможность пророчествовать по телевидению или радио, нужные люди сами бы нашлись, но электронные СМИ для того и существуют, чтобы не вернулась на Землю эра пророков. Есть еще интернет. Можно открыть свой блог и пророчествовать сколько угодно. Но это точно такое же занятие, как писать статьи и книги, а я не писатель. Я и журналист-то никакой. То, что мне нравится писать, печатают крайне редко, а то, что нравится издателям, вызывает во мне отвращение. Даже лучшие мои статьи и очерки лишены того запала, который появляется у меня, когда я вдруг начинаю резать правду-матку совершенно случайным людям. А потом, писательство — это ведь низший вид творчества по сравнению с пророчеством; во всяком случае, так считали люди, знавшие в писательстве толк — Пушкин, Лермонтов, Гумилев... Писательство, в сущности, — такая же замена древнего искусства пророчества, как гадание по руке и по картам — замена искусства прорицания. Мы знаем пророков, ставших писателями (в том смысле, что записывали свои откровения), но не знаем писателей, ставших подлинными пророками. Какой же смысл постигать секреты мастерства, являющегося эрзацем более высшего мастерства?

А может быть, я никакой не пророк, а просто так называемый аналитик, не нашедший применения своим способностям? Но откуда, из какого анализа родились эти цифры: меньше одного процента голосов у партии вице-спикера или число голосов избирателей Крыма, которых недосчиталась Тимошенко? Да никакой анализ и не смог бы позволить уверенно сделать эти выводы.

А какому анализу обязано мое детское предсказание о войне в Афганистане и пророчество дядькам, что они губят страну и гибнут сами?

Эти и другие предсказания, как бы невзначай сделанные мной, говорят, что я не лишен некоего наития. Но что это — искра Божья или игры со мной в кошки-мышки лукавого? Мне нужен знак, который, как луч фонаря, осветил бы мой путь, но знака нет. Или я его не вижу. Я блуждаю впотьмах и не знаю, когда смогу выйти на свет.

— А в спиритических сеансах вы участвовали? — спросил священник, к которому пришел за советом Енисеев.

— Было дело, но к так называемым медиумам не отношусь. Когда я сам пытался повторить эти сеансы с друзьями, у меня ничего не получалось. Впрочем, всё это было очень давно — в отрочестве.

— Что ж, какие-то способности и впрямь у вас есть, — задумчиво промолвил священник. — Ведь, спрашивая про спиритические сеансы, я на самом деле именно медиумические способности и имел в виду. И вы сразу разгадали суть вопроса.

— Это всего лишь логика, не имеющая отношения к тому, что мучит меня, — уныло сказал Енисеев. — А то, что доводилось мне предсказывать, выходит за рамки логики.

— Скажу честно, кроме нескольких старцев, никогда не встречал людей, которых можно отнести, что называется, к пророкам. Экстрасенсов, астрологов, несостоявшихся спасителей Отечества доводилось встречать и даже исповедовать, а вот пророков никогда. Да и как бы это произошло? Это мы, грешные, должны исповедаться пророкам, а не пророки нам. Сказано: “Бога человеком невозможно видеть, на Него же не смеют чины Ангельстии взирати”, а с библейскими пророками разговаривал Господь и даже являлся им в каком-нибудь образе. Что же я могу сказать вам о даре пророчества? Вы, как я понял, верующий человек?

— Я хотел бы верить.

— А что вам мешает?

— Ничего. В данном случае это местоимение. Моей вере нужна опора, а я барахтаюсь в этом Ничего, не зная, то ли я пророк, то ли страдаю магией величия.

— М-м-м... А какой образ жизни вы ведете?

— В смысле? — не понял Енисеев.

— Библейские пророки были праведниками. Вы праведник?

— Во всем, что не относится к моим попыткам пророчествовать, я обыкновенный обыватель.

— Но обыватели не становятся пророками.

— Я знаю. Я и пришел вас спросить: кто ими становится? Вы, как я понял, мне ответили: нужно быть праведником. Так?

— Полагаю, это необходимое условие.

— Однако, судя по вашим словам, вы даже среди праведных людей, если не считать старцев, пророков не встречали.

— Да.

— Стало быть, я должен поставить себе цель стать праведным человеком, а не пророком.

— Вам кажется это слишком большой жертвой? Ведите праведную жизнь и положитесь на Господа, и Он рано или поздно даст вам знать, пророк вы или нет. Со старцами, во всяком случае, так и происходит.

— Мне кажется, это было бы с моей стороны не очень нравственно.

— Отчего же?

— Ну, получается, что праведная жизнь, с моей стороны, есть лишь средство для достижения цели — стать пророком. А праведная жизнь, наверное, должна быть самоцелью. Что же это: я буду год за годом вести праведную жизнь и думать: когда же, наконец, я стану пророком?

— К чему вы клоните?

— К тому, что развить свой дар одной лишь праведной жизнью мне не удастся. Для этого, наверное, нужна какая-то сверхправедная жизнь. Но какая?

— Я не являюсь вашим духовным отцом и не могу вам советовать вести какую-то сверхправедную жизнь. Я не знаю, насколько вы к ней готовы.

— Я готов. Но не готов мучиться сознанием, что она не помогает мне развить свой дар. Как мне быть?

Священник задумчиво глядел на Енисеева.

— Знаете, что? — наконец, сказал он. — Давайте, чтобы хоть как-то решить этот вопрос, подключим ваши способности. Что я, по-вашему, сейчас вам скажу?

— Ну, это просто. Вы мне скажете примерно следующее: если вне Церкви нет спасения, то тем более никакого дара свыше вне Церкви развить невозможно. Но меня-то интересует, что мне дальше делать, уже завтра: искать ли тихого безмолвного жития или пытаться пророчествовать?

Батюшка был удивлен, но опытом, кажется, остался доволен.

— Да, вы необычный человек, — откашлявшись, признал он. — Я думаю, вам не пришло еще время спасаться. Пророчествуйте.

— Но кому, батюшка, кому? Я же с этого и начал, что некому!

— Не вы с этого начали. С этого начал испытывать Вас Господь, если Он действительно одарил вас способностью к пророчеству. Не ищите тех, кто захочет вас слушать. Идите к тем, кто вас слушать не хочет.

— Стало быть, тот путь, которым я сейчас иду впотьмах, правильный?

— Откуда вы знаете, что идете впотьмах? Может быть, вы идете с закрытыми глазами?

6

Ночь. Пустота. Фонари. Светофоры. Всё неподвижно — на земле и на небе. И только далеко вверху, как живая звезда, мерцал огоньками самолет. Где-то в ночи на одном из таких самолетов летела его жена. Она была стюардессой. Енисеев не знал, любила ли она его, не знал даже, верна ли она ему, но всегда в ее отсутствие, видя в ночном небе мигающую звездочку самолета, думал: “Это — Надя”.

Однажды он летел в командировку в Иркутск. Тогда еще в самолетах курили, в специально отведенных местах. Обычно они располагались возле туалетов. После взлета Енисеев поглядывал в ту сторону, но курящих не видел. В то же время с другой стороны, из-за занавески, разделяющей салоны, слабо доносился запах табака. Он решил заглянуть туда. Там, в маленьком “предбанничке” возле кухни, курила в кресле у окошка молоденькая стюардесса. Енисеев обратил на нее внимание, когда она еще разносила воду. Светлоликая, тонкая, с ладной фигуркой, она очень точными, выверенными движениями подавала стакан. При этом рука у нее ни разу не дрогнула, и Енисеев тогда подумал, что нипочем бы не выучился такому искусству.

— А мне нельзя покурить возле вас? — спросил он.

— Курите, — легко согласилась она и улыбнулась.

Енисеев зажег сигарету и подумал, что хорошо еще что-нибудь спросить у такой красивой приветливой девушки, чтобы снова увидеть ее улыбку, но ничего такого не пришло ему в голову. Не скажешь же ей, что она очень изящно подает стаканы? Енисеев, высокий шатен с падающей на глаза спутанной челкой и резким профилем, в котором было что-то гофманское, нравился женщинам, но не умел непринужденно начинать с ними разговор. Чаще всего это делали сами женщины. Между тем стюардесса затушила сигарету, встала и так же легко, как разрешила ему курить, предложила:

— Присаживайтесь, если хотите.

— Нет, что вы, что вы, — прижав руку с сигаретой к сердцу, отказался смущенный Енисеев и так энергично помотал головой, словно она предложила ему пакетик героина.

Улыбнувшись желанной светлой улыбкой, девушка ушла в подсобку. Енисеев докурил и вернулся на свое место. Через некоторое время ему показалось, что в самолете что-то изменилось. Ровный шум двигателей стал тише. Прислушавшись, он понял, что гудение стихло только с левой стороны. Енисеев повернулся к своему соседу, подполковнику авиации. Тот тоже сидел, наставив ухо в сторону левого крыла. Сходу прочитав в глазах Енисеева направление его мысли, подполковник шепнул:

— Идем на правых двигателях. Только прошу вас, молчите, не создавайте панику. Мы можем лететь и на одном двигателе.

Енисеев кивнул, вспомнив, однако, что у большинства разбившихся самолетов, о которых он слышал, тоже продолжали работать один или даже два двигателя. Он снова испытал желание покурить, на этот раз острое. Енисеев встал и пошел за ширмочку, ответив на предупреждающий взгляд соседа:

— Молчу.

Улыбчивая девушка сидела в своем креслице с белым, как снег, лицом. Напротив нее, с закрытыми глазами, сидела другая стюардесса и, кажется, молилась. Вид у них был несчастный и смертельно уставший. Енисеев, забыв о сигарете, вдруг сказал им:

— Не бойтесь. Через двадцать минут заработают все двигатели. Наш самолет сядет нормально, в штатном режиме. Вы прекрасно отдохнете неделю в Иркутске, пока его будут проверять и ремонтировать.

Стюардессы уставились на него, как на привидение, а потом вторая сдавленно пробормотала:

— Пассажир, пройдите в салон на свое место.

Енисеев, как соннамбула, послушно пошел назад. По пути он глянул на часы. Двадцать минут! Что это? Опять накатило его скрытое призвание? Ну, ладно, ему хочется верить, что левые двигатели заработают. Но откуда взялись эти двадцать минут? И, что интересно, когда он шел курить, то испытывал страх, а теперь ни малейшего. Даже и курить расхотелось. Енисеев поудобней устроился в кресле, закрыл глаза. Ему было хорошо и покойно. О неработающих двигателях он не думал. Он даже задремал, как сквозь дрему в его сознание проникло знакомое гудение с левой стороны. Енисеев взглянул на часы. Прошло ровно двадцать минут.

Самолет сел точно по расписанию.

— Ну, что я вам говорил? — сказал Енисееву сосед, лоб которого, однако, был покрыт испариной.

— Да я ведь и не спорил.

Никто из пассажиров, кроме них, остановки левых моторов, похоже, не заметил. На выходе Енисеев поймал на себе пристальный и несколько растерянный взгляд светленькой стюардессы и улыбнулся ей в ответ:

— Вы обратили внимание? Прошло ровно двадцать минут.

Она ему серьезно кивнула. “Эх, спросить бы у нее телефончик!” Но сзади напирала толпа пассажиров, в тамбуре стояли другие стюардессы. Причем вторая, черненькая, которая прогнала Енисеева, увидев его, старательно отвела взгляд. Подобная реакция на сбывшееся предсказание была знакома Енисееву, а вот с уважением, промелькнувшим в глазах светленькой, он столкнулся, пожалуй, впервые. Это был, что называется, успех.

Вечером судьба приготовила Енисееву подарок: он узнал, что поселился в одной гостинице с экипажем самолета. В холле он буквально нос к носу столкнулся со светленькой, одетой цивильно — в джинсах и маечке, что лишало ее той недоступности, которую придает стюардессам форма. Узнав Енисеева, девушка всплеснула руками и без всяких предисловий выпалила:

— Самолет действительно поставили на ремонт, и мы будем здесь жить около недели!

Об этом предсказании Енисеев вообще не задумывался и не мог бы определить его генезис, даже если бы умел: никакого дела до того, сколько экипаж пробудет в Иркутске, ему не было, в отличие, скажем, от желания, чтобы двигатели через двадцать минут заработали. Может быть, в данном случае сказалось тайное желание Енисеева снова встретиться со светленькой? Но откуда он мог знать, что окажется в одной с ней гостинице? Никогда прежде ему не доводилось видеть в гостиницах летчиков и стюардесс гражданской авиации. Думалось, они живут в каких-то специальных отелях при аэропортах, как, наверное, и было во времена безраздельного царствования “Аэрофлота”.

Однако Енисеев постарался не дать отразиться на лице пронесшимся в его голове сомнениям и скромно сказал:

— Я рад, что всё так получилось.

— Но как... как вы это смогли узнать?

— Вам интересно?

— Очень, — призналась девушка. — Меня подобные вещи вообще интересуют. Но лично я с ними никогда не сталкивалась. Это первый раз. А знаете, что думает моя подруга? Что вам это всё сказал ваш сосед, военный летчик.

— Отдаю должное ее наблюдательности и логике. Я действительно говорил с ним о заглохших двигателях, но он мне сказал только то, что мы можем лететь и на одном моторе. Присядем? — Енисеев указал на кресла в холле, возле бара.

— Давайте, — тут же согласилась девушка.

Вот он — первый искренне заинтересованный, неввраждебно настроенный слушатель! Так, может быть, и поведать ей всё — с самого начала? Енисеев уже физически страдал от невозможности высказать людям всё, что чувствовал он и не чувствовали они. И тут он впервые, пожалуй, понял весь

ужас своего положения. А что рассказывать? О напророченной им в детстве войне в Афганистане, которая началась, когда девушка и на свет-то, небось, еще не появилась? Его предсказание в самолете было самым эффектным и приятным для тех, кто его слышал. Другие пророчества — особенно политические — были и непонятны ввиду их сложной предыстории, и неэффектны, и малоприятны. Исключение составляло предсказание о Путине, но оно без фотографии бюста Цезаря выглядело бы не очень убедительным. Лично для Енисеева политические пророчества были ценны тем, что были связаны с его нравственными обличениями окружающего мира, но эта связь была еще ни для кого не очевидна, кроме него самого. Да и сам он скорее предполагал наличие связи между своими обличениями и предсказаниями, чем наблюдал их воочию. В этом, в сущности, и была его главная проблема. О чем же он мог поведать этой ждущей необычных объяснений девушке? О тайной его мечте, что он и такие люди, как он, в существование которых он верил, помогут человечеству снова обрести ту утраченную идеальную форму бытия, когда во главе народа стоит вождь-пророк, направляемый Самим Богом? Тогда она подумает, что связалась с каким-то сектантом, как, например, решили выслушавшие его как-то в участке милиционеры.

Енисеев приуныл. Он, ссутулившись, сидел за столиком, глядел на пельяницу, а девушка глядела на него. Пауза затянулась.

— Чай, кофе? — встрепенулся Енисеев.

— Чай... или кофе, неважно. Вы обещали рассказать мне...

— Да, то есть нет. Я ничего не обещал. Мне бы хотелось, конечно, удивить, поразить вас, привлечь ваше внимание, но...

— Не понимаю, о чем вы. Расскажите, как вам удалось узнать про двадцать минут и неделю? Вы разбираетесь в авиации?

— Совершенно не разбираюсь, — рассмеялся Енисеев и, подумав, признался: — Я пророк.

— Как? Пророк? Типа Глобы?

— Глоба — астролог. А я пророк или думаю, что пророк. Если вы предполагаете, что я знаю, как предсказал насчет двадцати минут и недели, то вы ошибаетесь. Лично я объясняю это просто: вы мне, наверное, понравились.

Однако девушка совершенно не была настроена на игривый лад.

— Но как это связано с работой двигателей? — допытывалась она.

— Стало быть, как-то связано. Вы удивитесь, но всё в этом мире связано. Даже человеческая приязнь и работа авиационных двигателей. Надо лишь уметь видеть узелки. Но это дано не каждому.

— А вам дано?

— Увы, не дано. И это меня мучит. Я вас просто с подружкой успокаивал, видя ваши несчастные лица. Но всё вышло именно так, как я сказал. Такое уже со мной бывало, но, правда, это никогда не имело отношения к избавлению от какой-то опасности. Тем не менее, я должен вам сказать, что, напророчив вам в самолете хороший конец, я и сам тут же преисполнился уверенности, что так всё и будет. Ну, если не считать недели в Иркутске: я это брякнул и забыл. Приятно было увидеть, что напророчил правильно.

— Так вы никогда этим специально не занимались?

— Специально — никогда. То есть мои пророчества были, конечно, связаны с тем, что я делал, но меня о них никто не просил, и сам я еще за секунду до предсказания ни о чем подобном не думал.

— Здорово... — девушка задумалась, от чего ее изогнутые тонкие брови забавно превратились в треугольники. — Так, может быть, ваше предсказание оттого и сбылось, что вы нас с подружкой пожалели?

— А, вы намекаете, что для меня необходимым импульсом могут являться добрые чувства. Должен вас разочаровать: предыдущие удачные пророчества вызывались чувствами совсем не добрыми. Хотя отчасти вы, наверное, правы: последний опыт показал, что и добрые чувства способствуют предвидению.

— Как жаль, что это у вас всё получается случайно! — воскликнула девушка. — Слушайте, а может быть, вам стоит поучаствовать в “Битве экстрасенсов”?

— Нет, не стоит. Это же шоу.

— То есть вы думаете, что там всё ненастоящее?

— Насчет всего не знаю, но вижу, что участники появляются и в других телешоу, причем идущих в тот же день. А потом, я ведь не экстрасенс и не собираюсь развивать свои скромные способности для того, чтобы разгадывать загадки и раскрывать преступления. Я хотел бы стать пророком, если мне, конечно, это суждено, но меня совсем не прельщает карьера колдуна или бытового предсказателя.

— А в чем разница? Чем занимаются пророки?

— Занимаются — не то слово. Пророки живут, но мир ощущают по-другому, нежели остальные люди, с полным проникновением в суть всего, происходящего в мире. *Всего*, понимаете? В том числе и того, что другие люди не видят и не слышат. Помните, у Пушкина в стихотворении, которое вы, наверное, учили в школе?

*“Отверзлись вещи зеницы,
Как у испуганной орлицы.
Моих ушей коснулся он, —
И их наполнил шум и звон:
И внял я неба содроганье,
И горний ангелов полет,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье”.*

Мне довелось испытать нечто подобное лишь в детстве, перед тем как я предсказал войну в Афганистане...

— Наконец-то я поняла, о чем в этих стихах идет речь! — призналась девушка. — А то меня всегда сбивали эти гады морские...

Енисеев и Надя, как звали стюардессу, подружились. Судьба неожиданно подарила им недельный отпуск, лучше которого Енисеев не проводил за всю свою жизнь. Летнее кафе на берегу Ангары, чувство беззаботности и свободы, солнце, играющее в водах мощной реки, опрокинутое в них высокое чистое небо с перистыми облаками... Причудливые каменные купеческие дома на широких улицах, дивные цветники, такие неожиданные в сибирском городе... Легкая грациозная фигурка Нади, взбирающейся на гранитную кручу возле Кругобайкальской железной дороги... Необозримая синяя гладь Байкала, на которой внезапно появлялись усатые морды и маслянистые спины нерп...

И полдень в номере с задернутыми шторами, разбросанная по комнате одежда; светлое лицо Нади на подушке, изгибы ее гладкого тела, от прикосновения к которым перехватывало дыхание у Енисеева, быстрый, как у птицы, стук ее сердца, неожиданная сила ее тонких рук, задрожавших и обмякших, когда она тихо застонала, но вскоре сомкнувшихся на его спине с новой силой; короткие провалы в сон и внезапные, с ударом сердца, пробуждения, после которых, еще не открыв глаз, они снова, как капельки ртути, льнули друг к другу, гибко сплетаясь руками и ногами, словно не желая оставлять и малейшего зазора между собой.

День мелькнул и пропал. Тихо дыша, Надя спала на груди у Енисеева. Ночью она вдруг вскочила с постели.

— Сколько времени? Где часы? Где мобильник? Сумочка?

Не открывая глаз, Енисеев зашарил рукой по тумбочке, ища ночник. Вспыхнул свет. Нагая Надя, гибко наклоняясь, поднимала и бросала в беспорядке разлетевшиеся по всей комнате вещи. При взгляде на нее у Енисеева снова перехватило дыхание.

— Первый час! Я же не пришла ночевать! Что подумает моя соседка? — Она в спешке, теряя равновесие, путалась в паутинке трусиков.

Енисеев схватил ее за руку.

— Не уходи.

— Как так “не уходи”? Если не приду, не сокру ей чего-нибудь, завтра обо всем командир узнает. Нет, надо идти!

— Давай, чтобы ты не врала, я тебе предскажу кое-что.
— Да ну тебя! Илюша, пусти, мне, правда, надо идти.
— Мы прилетим в Москву, и ты выйдешь за меня замуж. И не надо будет никому ничего объяснять.

Девушка замерла, подняла брови. Несколько секунд она глядела в глаза Енисееву, потом лицо ее осветилось улыбкой:

— Вот как? А когда же ты сделаешь мне предложение? В Москве? Или ты его делаешь сейчас?

— Ну, конечно, сейчас.

— И это не предсказание?

— Почему — предсказание. Но только от тебя зависит, сбудется ли оно. Надя подбоченилась, покачала тонкими бедрами.

— Тогда я подумаю.

Но у Енисеева не осталась.

Она пришла утром со стаканчиком кофе и, отдав его Енисееву с той же точной грацией, как это делала в самолете, сказала: “Да”. Надя не раз потом повторила это “Да”: в постели, когда торопила сладкую муку, обнимая его с не женской силой, и когда слабела у вершины любовных трудов, и руки ее начинали дрожать.

Никогда больше им не было так хорошо, как в эту неделю. Вернее, было еще хорошо, но не так. Жизнь постепенно разводила Енисеева и Надю по разным углам. У них не было, в сущности, общей жизни, кроме интимной. Да и та выдалась странная, урывками: они не видели друг друга половину дней в году, поскольку из стюардесс Надя не ушла. Поначалу Енисеев настаивал на этом, но Надежда спросила, сколько он зарабатывает в месяц, и, когда узнала, что в иные месяцы нисколько, сказала: “Вот видишь”, и отправилась в очередной рейс. Енисеев не успевал к ней толком привыкнуть, когда она возвращалась из рейса, а Надежда уже уходила от него — в точности, как после первой их близости в иркутской гостинице.

Курьезным в этой ситуации с семейным заработком являлось то, что общие деньги им были почти не нужны: из-за встреч урывками они не имели возможности их вместе тратить. Это касалось даже еды и питья, потому что холодильник был забит “невостребованными” пассажирскими пайками и маленькими бутылочками спиртного, которые привозила из рейсов Надя. Одежду она покупала на дешевых распродажах во время заграничных рейсов, а стирать ее относила в автопрачечную при авиакомпании. Прочим домашним хозяйством “по умолчанию” занимался Енисеев, а “хозяйства” того оставалась уборка да плата по счетам. Идеальная жизнь для тех, кто плачет, что их “заедает быт”! Но Енисеев с удивлением обнаружил, что этот самый презренный быт цементирует семейную жизнь, а без быта она похожа на состояние незакрепленных предметов в условиях невесомости.

Жили они в квартирке Енисеева, которой им вполне хватало, но Надя копила на большую, для будущих детей. Это уже являлось элементом семейной жизни, однако от разговора о том, чтобы родить ребенка уже сейчас, Надя уходила, отговариваясь общепринятым “надо встать на ноги”. Хотя, что это за “ноги” и откуда они растут, было не очень понятно, ибо Енисеев карьеры никакой не делал, а карьера стюардесс — понятие весьма относительное. Надя не заставляла его предохраняться, но сама из месяца в месяц с бухгалтерской пунктуальностью принимала противозачаточные таблетки. Енисеев боялся у нее спрашивать, пила ли она их с тем же постоянством прежде, до встречи с ним, потому что это означало бы, что она вела регулярную половую жизнь до него, но с кем? Молва говорила, что стюардессы живут с пилотами, и, видимо, молва не всегда была не права, потому что в ночь после свадьбы Надя призналась, что в ее жизни был летчик, которого она “из своей жизни давно вычеркнула”. Ну, этого вычеркнула, а летчиков еще много. Работа у пилотов и стюардесс тяжелая, а жизнь в чужих городах, в перерывах между рейсами не слишком веселая и разнообразная, и самый верный способ расслабиться — секс. Енисеев не был слишком ревнив, он не рисовал в своем воображении картин Надиных измен, но от одной мысли о том, что какой-то летчик делит с ним дрожь ее тонких рук, ему

делалось нехорошо. Как бы в шутку он однажды спросил у жены, не изменяет ли она ему между рейсами с пилотами, а она в той же тональности отвечала, что не смеет, потому что живет с пророком, которому сразу всё станет известно.

Но шутки шутками, а способности Енисеева не помогали ему узнать, верна ему его жена или нет. Он и так-то не знал, как ему их применять, эти способности, если они вообще были, а тут откровенно терялся. Та светлая Надя, с которой он познакомился когда-то в самолете, не могла ему изменять, но та молодая красивая женщина, которая ровным деловым голосом отвечала ему по мобильному из другого города, могла себе позволить всё, что угодно, если считала это необходимым и удобным. Так Енисеев думал, но выводов никаких не делал, потому что ничто не подсказывало ему этих выводов, как это бывало во время его внезапных пророчеств.

В глубине души Енисеев понимал, что сомнения его связаны с некоторыми несбывшимися ожиданиями — как с его, так и Надиной стороны. Она вышла замуж за необычного человека — во всяком случае, таким Енисеев ей тогда казался, но более необычным, чем тогда, в Иркутске, Енисеев за несколько лет совместной жизни не стал. Он был всё тем же непризнанным и несостоявшимся пророком. Но он не состоялся и на других поприщах — и как педагог, и как филолог, и как журналист. Его призвание или то, что он считал таковым, мешало ему реализоваться в обычной жизни, а работа мешала призванию. Он всё более и более ощущал себя в роли вечного студента из чеховского “Вишневого сада”. Всего этого не могла не ощущать и Надежда — пусть и на свой, женский лад. Это только так говорится, что женщины любят в нас лишь успех: женщины любят в мужчине и устремленность к чему-либо без видимого успеха, если он идет к своей цели, не сворачивая. Они это считают настоящим мужским качеством и готовы простить мужчине отсутствие результатов на этом пути, но не могут простить ему бездействия, даже если он им докажет, как дважды два, что действовать в этой ситуации невыгодно и неразумно.

Енисеев понимал, что он не похож на человека, настойчиво преследующего какую-то цель. Дело даже было не в участии в “Битве экстрасенсов” или какой-нибудь другой телепрограмме. Он не был одержим своим даром, не впадал в транс, не метался с горящими глазами, не вещал трубным голосом — короче, не вел себя так, как, по общему мнению, должны вести себя прорицатели. Он просто задумывался на некоторое время, а потом неожиданно начинал говорить. Надя стала свидетелем еще нескольких его предсказаний, эффект которых, впрочем, был ослаблен тем, что они свершались не так быстро, как это произошло в самолете. Как ни удивительно было каждое пророчество само по себе, оно было ничем не лучше предыдущего, и это придавало им некую обыденность. Енисеев чувствовал, что его странные способности стали для Нади привычными, и она не ждет от него большего. А помимо этих способностей в нем не было, на его взгляд, ничего оригинального, ничего такого, за что женщина могла его любить. Всё чаще Енисеева посещала мысль, что молодая красивая жена живет с ним по некой инерции, и едва ли он ей кажется столь же привлекательным, как те же бравые летчики и пассажиры бизнес-класса. Он так привык к этой мысли, что перестал спрашивать Надю, что она делает в других городах между рейсами: боялся, что она, отвечая, чем-нибудь выдаст ложь, и это станет искрой, от которой в нем вспыхнет ревность. Стоило Наде заговорить о работе, как Енисеев сразу отворачивался или под каким-нибудь предлогом выходил из комнаты. И, как следствие, между ними повисла недоговоренность, от которой в отношениях стали исчезать простота и легкость. В незабываемую иркутскую неделю они стали настоящими друзьями, а сейчас, после нескольких лет супружеской жизни, были больше похожи на приятелей.

Но они по-прежнему неподдельно радовались друг другу, когда Надя возвращалась из рейса, и Енисеев никогда не забывал, что она была первой, кто поверил ему, и всегда думал о ней с теплотой, глядя на огоньки пролетающих в ночи самолетов.

Низкий свист авиационных двигателей донесся со стороны летного поля, стекла тонко задребезжали. Енисеев с фотографом поднялись с банкетки, распрямили затекшие члены и, позевывая, пошли к барьерчикам, ограждающим от публики маленький зал прилетов. Не выспавшийся солдат из оцепления, завидев их, выставил обе руки вперед. Они показали ему аккредитационные карточки.

— Ладно, — кивнул он, — только стойте здесь, дальше не ходите.

Фотограф занялся аппаратурой, а Енисеев, облокотившись о барьерчик, глядел сквозь мутное стекло на затянутое лениво колыхающимся туманом летное поле, над которым занимался хмурый рассвет. Он не видел ни самолета, ни пассажиров. Минут через пятнадцать из клубов тумана наконец появились люди. Как ни странно, впереди шли не охрана и не первые лица делегации, а тележурналисты со снимающей техникой. Такое бывало, когда телевизионщики забегали вперед для съемки, но эти ничего не снимали и даже не расчехляли аппаратуры. Гомоня, они ввалились в аэропорт. Судя по шипящим и жужжащим звукам их речи, это были поляки. За телевизионщиками, наконец, показалось несколько “вип-персон”, то есть людей с холеными лицами и в дорогих костюмах, но коротышки Леха Качиньского с супругой среди них не было. Шествие замыкала журналистская сошка помельче, вроде Енисеева и фотографа. А где же Качиньский?

Недоумевающий Енисеев ждал, когда прибывшие пассажиры пройдут паспортный и таможенный контроль. На выходе из турникета он поймал за рукав одного поляка — носатого светловолосого парня в ветровке.

— Слушай, пан! А где ваш президент? Где правительственная делегация? Польске керовництво?

— Летят за нами, — на чистом русском языке с едва уловимым акцентом ответил парень. — По инсайдерской информации. — Он подмигнул. — Через полчаса или час будут здесь. Так что ждите.

— Через полчаса или час? — удивился Енисеев. — Но туман сгущается, видимость метров двести! Вы-то, наверное, с трудом сели, а они?

— Не беспокойся. Их самолет набит электроникой. Они сядут и с завязанными глазами. Слушай, а где здесь бар?

— Нигде. Это же военный аэродром.

— А “дьюти фри”?

— Тоже нет.

Белобрысый заметно расстроился.

— С меня причитается. За “инсайдерскую информацию”. — Енисеев вынул из кармана куртки маленькую бутылочку “Ред Лэйбл” из Надиных запасов и протянул поляку.

От радости тот перешел на польский:

— О-о! Дзенькую! Дзенькую! Спасибо! Вчера перед вылетом сильно выпили, а в самолете сухой закон! Вот так вы, русские, поляков покупаете!

— И неполяков тоже, — уточнил Енисеев.

Белобрысый загоготал, мигом открутил голову бутылочке и отхлебнул половину.

— А ты будешь?

— Пей, у меня еще есть. — Енисеев достал другую бутылочку, “Джек Дэниэлс”, и тоже отхлебнул.

— Да у тебя полные карманы виски! — с завистью воскликнул поляк. — А еще говорят, что русские непрактичны! Я вот не додумался взять с собой!

— Всё же, я думаю, они не прилетят... — сказал Енисеев, щурясь на туман, уже вплотную подступивший к окнам аэропорта. — Разве можно рисковать в таком тумане, даже если самолет набит электроникой? Они, наверное, уйдут на запасной аэродром.

— Да ты что? Какой запасной аэродром? Только Смоленск! Церемония назначена на утро! Там, в Катыни, уже люди собрались!

Енисеева как будто что-то толкнуло в спину. Знакомо, с томительной тяжестью, ударило сердце. Он еще и не думал ничего говорить, как услышал, словно со стороны, свой голос:

— Самолет Качиньского через сорок минут разобьется при посадке. Все люди на борту погибнут.

Поляк остолбенел, а потом ослабил:

— А, понимаю, шутка, черный юмор! Или, как у вас говорят... прикол! — Он погрозил пальцем: — Не любите вы Леха Качиньского! Ох, не любите! Или ты стрингер и хочешь сенсации? Но сенсации приходят, когда их не ждешь. Ладно, пойду к своим. Спасибо за виски!

Он ушел, а Енисеев невидящими глазами смотрел ему вслед. Потом глянул на часы: 10:01.

— Ты чего его пугаешь? — недоуменно спросил фотограф. — Это же не шутка — самолет с людьми! Ну, допустим, Качиньский — сволочь, а другие-то здесь при чем? Стюардессы, например? У тебя же жена — стюардесса! Она, случайно, не в полете? Готов спорить, что сейчас этот журналюга будет своим рассказывать, какие русские папарацци кровожадные.

Енисеев ничего ему не ответил и отошел в сторонку. Ему было страшно. Никогда он еще ничего не предсказывал о гибели людей и не желал ничьей гибели. Не хотел же он гибели своим дядьям, когда сказал им в детстве, что они гибнут! Если речь шла о жизни людей, для него не имело абсолютно никакого значения, сволочь или не сволочь Качиньский, русофоб или не русофоб, и так ли уж невинны люди, летящие с ним. Не он им давал жизнь, не ему отнимать ее. Енисеев читал о колдунах и экстрасенсах, потаенные злые желания которых материализовались помимо их воли. Но ни по пути в Смоленск, ни во время ожидания на этом убогом аэродроме он не испытывал и тени желания, чтобы самолет Качиньского разбился. Он даже ни о чем подобном и не думал, и сама эта тема возникла всего несколько минут назад в связи со сгустившимся туманом. Енисеев закрыл глаза, представил разбившийся лайнер, разлетевшиеся на несколько десятков метров окровавленные кресла и вещи, искромсанные человеческие останки... На спине его выступил холодный пот.

Впервые за историю своих предсказаний Енисеев стоял перед необходимостью что-то делать. От него совершенно не зависело, начнется война в Афганистане или нет, заработают или нет остановившиеся моторы во время памятного иркутского рейса. Он лишь сказал, что война начнется и что через двадцать минут двигатели заработают. Он не мог ничего изменить в будущем Путина, независимо от того, пойдет тот путем Юлия Цезаря или нет. Он лишь написал, что Путин из того же, что и Цезарь, типа людей и политические клоуны — ему не конкуренты. Но самолет Качиньского, если верить польскому журналисту, был еще в воздухе, и будет еще не меньше получаса. Пророчество гласило, что он разобьется при посадке, — стало быть, пока он в воздухе, еще можно что-то изменить. И, хотя история человеческих пророчеств ясно говорила о том, что все попытки не допустить предсказанного лишь способствовали его свершению, он не мог просто так сидеть и ждать. Хотя бы из-за того, что Надя тоже могла быть в воздухе, как верно сказал фотограф. Ничего не предпринимать сейчас было бы предательством по отношению к ней. Или, во всяком случае, дурным предзнаменованием того, что могло случиться и с ней. Ведь они познакомились, когда он предсказал нечто прямо противоположное тому, что предсказал сейчас.

Но куда идти? К руководителю полетов? К диспетчерам? Он потратит драгоценные полчаса только на то, чтобы пробиться к ним, а если пробьется, время для принятия решений уйдет на выяснение, не сумасшедший ли он. Енисеев дрожащими руками вынул из кармана бутылочку виски и отхлебнул. Время таяло неумолимо. Он встал и пошел к полякам.

Белобрысый парень, завидев его, взмахнул руками:

— О! К нам пожаловал ходячий склад виски! Не нужна ли еще какая-нибудь эксклюзивная информация в обмен на бутылочку?

— Отойдём в сторонку, — предложил Енисеев.

— Добже, одеждем в бок! — с готовностью отозвался поляк, которого, видимо, не оставляла мысль о дармовой выпивке. — Но если ты насчет самолета Качиньского, то он еще не упал, — сострил он.

— Я именно насчет самолета, — понизив голос, сказал Енисеев. — Понимаешь... ведь я не пошутил. Я вообще предпочитаю не шутить, когда дело касается чьей-нибудь смерти. Просто я иногда, ни с того ни с сего, говорю вещи, которые... сбываются. Понимаешь?

— Ты предсказываешь будущее? Как Нострадамус?

Енисеев вложил ему в руку “мерзавчик” с виски.

— Выпей еще, но послушай меня внимательно и серьезно. У нас мало времени. Я не Нострадамус и не предсказываю специально будущего, но иногда это у меня получается. Я познакомился со своей женой в самолете, и тут внезапно отказали два двигателя. Я сказал, и сам не знаю, почему, что они заработают через двадцать минут. И ровно через двадцать минут они заработали. Не исключено, что это случайность, но они заработали! Я сказал Юлии Тимошенко, и тоже не знаю зачем, сколько голосов она не доберет для победы. И именно столько она не набрала. И вот теперь, когда я точно таким же образом вдруг предрек гибель самолета, я спрашиваю себя: что будет дальше? Я сказал, что он разобьется при посадке, стало быть, еще есть время предотвратить крушение. Но его с каждой секундой остается всё меньше.

Белобрысый, слушая Енисеева, даже забыл о виски.

— А чего ты хочешь от меня? — пролепетал он.

— Как чего? У вас наверняка есть какая-то связь с людьми в президентском самолете! Надо убедить пилотов, чтобы ушли на запасной аэродром. Надо сказать, что здесь на расстоянии вытянутой руки ничего не видно, да что угодно соврать, лишь бы они не селились! Тем более, что это почти правда, посмотри в окно.

Поляк молчал, в нерешительности теребя молнию своей ветровки.

— Ну! Это же ваш президент! Ваше руководство!

— Но что я скажу? Кто поверит в твоё предсказание? Про туман и так все знают. И вообще, такого рода информацию передают диспетчеры. Почему бы тебе не пойти к ним?

— А почему я пошел к тебе? Ты, журналист, еще мне можешь поверить, а военные диспетчеры пошлют меня на “три”! Время уйдет, и изменить что-либо будет уже невозможно!

Белобрысый задумался и с неохотой согласился:

— Хорошо... Есть тут у нас один куратор... из “дефензивы”. Поговорю с ним.

— Только побыстрее!

Поляк ушел, и через несколько минут вернулся с круглолицым седоватым плотным человеком с внимательными глазами.

— Хочу спросить вас, пан, — сказал он Енисееву, обнаружив, как и белобрысый, хорошее знание русского языка, — а вы не посмотрелись, случайно, американских фильмов о предсказателях авиакатастроф?

— Мне самому доводилось предсказывать избавление от катастрофы. И поэтому я встревожен, впервые предсказав ее. Тем более, что для этого есть реальные основания. Разве вы не видите, какой туман? Сейчас еще можно что-либо изменить, а потом будет поздно. Подумайте об этом.

— Я думаю о том, не угодно ли русским сорвать церемонию в Катини, убедив пилотов президентского самолета сесть на запасной аэродром?

— А церемония состоится, если самолет разобьется?

“Куратор” сдержанно рассмеялся.

— И всё же: откуда мне знать, что пан не работает в КГБ?

— Потому что КГБ давно уже нет! А ФСБ, наверное, без меня нашло бы способ посадить президентский борт на запасной аэродром. Они просто закрыли бы этот аэропорт, и всё.

Поляк поглядел прямо в глаза Енисееву. Енисеев ответил ему столь же прямым взглядом.

— Ну что ж, — кивнув каким-то своим мыслям, промолвил “куратор”, — допустим, вы не похожи на провокатора. А туман и впрямь сильный. Русский “Ил-76” минут сорок назад не стал здесь садиться. Правда, это большой транспортный самолет. В общем, независимо от того, что вы тут предсказали, есть повод поговорить с пилотами нашего “Як-40”. Они могут связаться с президентским бортом.

— Только помните, что осталось уже не сорок, а двадцать две минуты.

— Я это учту, — слегка улыбнулся “куратор” и ушел.

Енисеев остался с белокрысым журналистом. Тот вспомнил про бутылочку виски в руке и в несколько приемов осушил ее. Потом он с опаской и любопытством посмотрел на Енисеева.

— Слушай, — сказал он, — я не знаю, как предсказывают будущее, но если ты увидел, как самолет упадет, не можешь ли ты сделать, чтобы он не падал?

— Нет, не могу, — ответил Енисеев. Его знобило, кровь стучала в висках. — Я не маг. Я и сам не понимаю, как получаются предсказания. На меня неожиданно накатывает что-то, а потом исчезает. В детстве я так предрек афганскую войну. А однажды я смотрел на портрет Юлия Цезаря и увидел лицо Путина. Через несколько месяцев он стал президентом. Но я предсказал нечто, существующее помимо меня. Управлять этим я не умею.

— А ты попробайся. Может быть, получится.

— Не получится. Это не зависит от моих желаний. Мне не дано влиять на ход событий. Я еще могу обличать на манер пророка, но не могу, как пророк Илия, засушить источники вод.

Енисеев снова посмотрел на часы. 10:26. Осталось пятнадцать минут. Значит, самолет уже снизается. Где этот чертов “куратор”? Один разговор, другой, третий — так и пролетят бездарно все сорок минут... А может быть, надо было просто молиться о спасении людей? И настоящие пророки — потому пророки, что молятся? И пророчества их исполняются по молитве? А я не умею молиться и иду с закрытыми глазами, как сказал батюшка.

Енисеев попытался молиться. Ничего, кроме “Господи, спаси их!”, в голову не шло. “Господи, уведи их на запасной аэродром!” Он вспомнил, что есть молитва “Живый в помощи”, 90-й псалом, но наизусть его целиком не знал. А ведь его написал пророк! Как там сказано? “Не убоишия от страха нощнаго, от стрелы, летящая во дни...”

В этот момент появился поляк-“куратор”.

— Мы стучимся в открытую дверь, панове, — объявил он. — Буквально несколько минут назад пилоты президентского борта сами связались с нашими пилотами, и те сообщили им всё о здешних плохих погодных условиях. Командир президентского лайнера не исключил, что уйдет на запасной аэродром. Решение он будет принимать при заходе на посадку.

— Но ведь он, наверное, уже заходит на посадку! Скажите ему, чтобы немедленно поворачивал!

— Друг мой, — недовольно пожевав губами, сказал “куратор”, — вы забываете, что изменить направление полета может только командир корабля. Между прочим, в самолете находитесь и командующий польскими ВВС. Наверное, эти люди понимают в своем деле больше нас. Так что оставим решение за профессионалами. Тем более, что, как выяснилось, они имеют объективную информацию о погодных условиях. А вам от лица нашей делегации хочу выразить благодарность за проявленную тревогу о польском руководстве, что весьма необычно при нынешнем состоянии польско-российских отношений. Вы благородный человек!

Енисеев вяло пожал полякам руки и отошел. Никакого облегчения от того, что сообщил пожилой поляк, он не испытал. Что изменилось с тех пор, как полчаса назад он предрек гибель самолета? Да ничего. Правда, пилоты президентского борта уже знают про сильный туман, но они ничего не знают о предсказании. А ведь он не из-за тумана пошел к полякам! Главное было то, что устами Енисеева неведомая сила напроначала катастрофу, а пилотам по-прежнему было известно только о тумане и том, что “Як-40” всё же в этом тумане сел. И последнее могло для них быть важнее первого. Наверняка они чувствовали себя большими профессионалами, чем пилоты “Яка”. Склонить к решению уйти на запасной аэродром их может нечто более весомое, чем та информация, которую они имеют. Но именно эта информация до них так и не доведена!

Оставалось восемь минут. Он хотел встать и пойти снова к полякам, но ощутил внутри себя бессилие, природа которого не зависела от него само-

го. Это было бессилие перед судьбой. Впервые он почувствовал ее как нечто почти материальное, сковавшее его движения. Несмотря на все его пророчества или полупророчества, понятие неумолимости судьбы было до сих пор для Енисеева не более чем образом, а теперь на примере бесплодных по сути разговоров с поляками он увидел, сколь тщетны попытки противостоять судьбе. Дело было, очевидно, не в том, что это в принципе невозможно, а в том, что предсказание, будучи непостижимым по сути своей, развивается в пределах естественных, постижимых, привычных. Чтобы поломать предначертанное, требуется немедленно выйти за эти пределы, а мы неохотно покидаем всё привычное. Побороть судьбу — это значит решительно, без оглядки повернуть в другую сторону, как это должны сделать пилоты самолета Качиньского. Но они тоже подчинены инерции привычного и зависят от решений других людей, в том числе и тех, что предупреждены, как собеседники Енисеева. А они предупреждению не вняли. Видимо, чтобы вовремя поверить предсказанию, необходимо верить в предопределение вообще, а современные люди полагают, что пророчества — это удел немногих избранных вроде Ванги.

Мысли его смешались, хаотично бежали куда-то. Он не мог ни на чем сосредоточиться, не пытался уже молиться. Енисеев смотрел на людей, болтающих, слоняющихся, дремлющих внутри маленького аэропорта, на приблудившуюся собаку, чешущую за ухом в углу, на линирующий к окнам туман, на циферблат электронных часов и видел в них, внешне мало чем связанных, работу огромного, отлаженного механизма судьбы. Все они — и люди, и предметы, и явления — были винтиками судьбы, неотвратимо свершающейся в свой срок.

Свершающейся ли? Ответа осталось ждать недолго. Последние минуты Енисеев не сводил глаз со стрелок своих часов. Две минуты... одна... Ему казалось, что он уже слышит приближающийся шум самолетных двигателей, но наверняка сказать было нельзя — туман, как вата, гасил звуки снаружи. Когда секундная стрелка обошла последний круг, а минутная неотвратимо скакнула к отметке 41, ничего не произошло. Но еще через пару секунд сжавшийся в комок Енисеев услышал отдаленный глухой удар и скрежет, как будто тяжелая лодка толкнулась в причал, и заскрипели в ржавых уключинах весла. Стекла слегка задрожали. Он с трудом оторвал взгляд от циферблата. Ничего не изменилось. Туман за окнами был так же неподвижен, как и прежде. Енисеев пытался уловить еще какие-то звуки, но их больше не было. Туман, тишина. Те же слоняющиеся, дремлющие люди. Только собака в углу вскочила на ноги, поджав хвост, ее тусклые глаза блеснули, уши встали торчком. И тут, разорвав пелену тумана, раздался страшный вой пожарных сирен и загрохотали сапоги бегущих к выходу солдат.

Енисеев не помнил, как он оказался на летном поле. Он и другие люди шли как призраки в мерцающем тумане. Их силуэты были едва различимы, они словно парили над землей. Призраки перекликались, как грибки в лесу. На самом же деле они вовсе не перекликались, а наперебой кричали в мобильные телефоны, торопясь сообщить сенсацию в свои далекие, призрачные редакции. Эхо безразлично разносило их восклицания по тонущему в молочной белизне полю. В руке у Енисеева тоже был мобильник, но он позвонил только Наде, удостоверился, что она жива-здорова. О разбившемся польском самолете он не сказал ей ни слова. Когда Енисеев обернулся назад, он не увидел аэропорта. Не видел он ничего и впереди, и по бокам, просто шел за другими призраками. К дегтярному запаху тумана всё отчетливей примешивался страшный запах гари. Они шли по этому запаху, пока туман не перечеркнула косая линия, оказавшаяся при ближайшем рассмотрении ржавым крылом транспортного самолета "Ил-76". Его огромные моторы напоминали подвешенные к крыльям атомные бомбы. Обойдя облупленную громадину лайнера, они наткнулись на еще один такой же "Ил". Это было кладбище транспортных самолетов. Их тяжелые, смахивающие на дирижабли фюзеляжи грозно и мрачно выплывали из тумана. Они понури стояли вдоль поля, как почетный караул на похоронах советской авиации. Когда идущие в тумане миновали последний "Ил", путь им преградила цепь растерянных солдат. Они тонко, по-мальчишески ругались матом.

Енисеев вернулся в туман, к огромным ржавым “Илам”, обогнул их с другой стороны и пошел куда-то уже в полном одиночестве. Он двигался словно в облаке, не видя никого и ничего, наедине со своей судьбой. Где-то позади остались другие люди, тоже наедине со своей судьбой, и никто не мог ей противостоять. Человечество было толпой одиноких людей, идущей в тумане навстречу своей смерти.

Только бетонные плиты под ногами говорили, что Енисеев всё еще находится на летном поле. Он шел, запах гари и керосина всё усиливался. Сквозь туман проглянуло бледное солнце, подул ветер. Енисеев почувствовал, что идет по мягкой земле, увидел силуэты голых берез.

И тут, в какие-то секунды, необъяснимым образом всё прояснилось, туман исчез, как будто его и не бывало, и ужасная картина открылась глазам Енисеева. Он стоял в двухстах метрах от дымящихся обломков разбившегося самолета.

...Через несколько часов, когда продрогший, едва переставлявший ноги Енисеев вернулся в аэропорт, он снова встретил белобрывого поляка. Тот, похоже, ждал его.

— Прости, — сказал он, взяв Енисеева за руку. — Я не поверил сразу тебе, шутил...

— Но ты сделал всё, что мог. Тебе не в чем упрекать себя.

— Я просто пересказал тому пану то, что услышал от тебя. Я ни в чем его не убеждал. А мог бы. Ты веришь, что самолет бы не разбился, если бы летчики узнали о твоём предсказании?

— Для этого им тоже надо было бы поверить в него. А кто я такой, чтобы мне верить? Извини, мне надо идти.

— Можно я напишу о твоём предсказании?

— Пиши. Напечатать тебе это не дадут, потому что ваши, по старой привычке, будут обвинять в случившемся наших. А мое предсказание будет этой версии противоречить.

— Ты можешь дать мне свой телефон?

Енисеев сунул ему отсыревшую визитку и ушел.

* * *

Енисеев не знал, написал ли что-нибудь белобрывый журналист о его пророчестве, но в неослабевающем потоке сообщений в интернете о гибели польского “Ту-154” ему ничего похожего не встречалось. Видимо, он был прав, говоря, что такая информация полякам будет невыгодна. А в том, что будет молчать, как рыба, “куратор из дефензивы”, Енисеев не сомневался изначально.

Фотограф, конечно, рассказал в редакции о его предсказании, но он не слышал переговоров Енисеева с поляками, а потому история в его изложении не была столь драматична, как на самом деле. Ну, напророчил беду человек, за странным Енисеевым и раньше что-то подобное водилось, но в таком тумане предсказать катастрофу мог кто угодно. Наши диспетчеры тоже серьезно предупреждали польских пилотов. Сам Енисеев не написал о своем пророчестве ни слова и не собирался этого делать. Случившееся открыло ему новую, неведомую прежде сторону его увлечения.

— Помнишь, — говорил он Наде, — ты сказала, что только после знакомства со мной поняла, о чем идет речь в стихах Пушкина:

*“Моих ушей коснулся он, —
И их наполнил шум и звон:
И внял я неба содроганье,
И горний ангелов полет,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье”.*

А ведь я сам до конца не понимал их! Что это за “шум и звон”? Что значит: “внял я неба содроганье”? А это значит, что пророк не выборочно

видит будущее, как я, а всё без исключения! Он слышит *любой* “шум и звон”, *любое* “неба содроганье”! Он знал бы не только о катастрофе польского самолета, а обо всех катастрофах в этот день и даже час! От этого можно сойти с ума! А главное, ничего, абсолютно ничего нельзя сделать, чтобы помочь людям, потому что слишком много несчастий и горя открывается тебе. Куда идти? За что хвататься? Кого именно спасать? Кому помогать?

— Надо спасать ближних, — серьезно сказала Надя.

— А если этого более достойны дальние? И призван ли вообще пророк спасать кого-то, как я безуспешно пытался под Смоленском? Ведь дальше у Пушкина сказано:

*“И он мне грудь рассек мечом,
И сердце трепетное вынул,
И уголь, пылающий огнем,
Во грудь отверстую водвинул”.*

Только трепетное сердце способно кого-то любить, а кого-то ненавидеть, делить мир на ближних и дальних. И только трепетное сердце может желать изменить судьбу. Но ангел вынул его, понимаешь? Он заменил его на уголь, пылающий огнем, и этот огонь горит одинаково для всех. Одинаково бестрепетно. А я так не хочу.

Больше ни с кем Енисеев падение самолета Качиньского не обсуждал, словно на эту тему было наложено табу. Но белобрый журналист, видимо, всё же не молчал, потому что вскоре после майских праздников Енисееву позвонил человек, назвавшийся сотрудником польского МИДа Цехановичем, и настоятельно попросил о встрече.

Они встретились в небольшом ресторанчике в центре Москвы. Цеханович был франтоватым лысым худым человеком с холодными руками. Говорил он по-русски так же хорошо, как белобрый журналист и его “куратор”. Цеханович не стал ходить вокруг да около. Предложив выпить по рюмке водки за знакомство, он сказал:

— От источника, вам, конечно, известного, до меня дошли сведения о вашем предсказании относительно гибели самолета с польским руководством. Тот же источник сообщил, что вы предсказали победу Путина на президентских выборах и недавнее поражение Тимошенко. Мы просмотрели прессу за эти годы и нашли анонимную статью “Пришел, увидел, победил”, написанную, очевидно, вами, и статью за вашей подписью “ВОНА начинает, но не выигрывает”. Они убедили нас, что вы говорите правду. Сожалею, пан Енисеев, что к вашим советам в аэропорту “Северный” плохо прислушались.

— Вы думаете, если бы прислушались как следует, то помогло бы?

— А разве нет?

— Вы, наверное, слышали о знаменитой Ходынской катастрофе. Так вот, московские власти, оказывается, были о ней предупреждены. Алексей Суворин писал в дневнике за 1896 год, что одна дама, направлявшаяся на коронацию в Москву, слышала в вагоне поезда разговор двух мужчин по-английски, что во время народного праздника в Москве будет много убитых. Она сказала тогда же об этом полковнику Иванову, служащему при градоначальнике, а потом телеграфировала великому князю Сергею Александровичу. И что же? Ничего. На Ходынском поле не оказалось и сотни полицейских.

— Неужели? Не предполагал, что в этой истории могли быть замешаны англичане. Пан Енисеев, может быть, вы согласились бы помочь нам еще раз? Разумеется, не безвозмездно.

— Я ничего не предсказываю специально.

— Этого и не требуется. Мы полагаем, что, если вы предвидели крушение самолета с точностью до минуты, то знаете или можете узнать его истинные причины.

— Вам недостаточно официального расследования?

— Мы имеем основания сомневаться в объективности российского расследования. А ваше поведение в аэропорту доказало, что вы порядочный человек, свободный от политических симпатий или антипатий. Мы бы хотели

узнать ваше непредвзятое мнение и даже довести его до сведения широкой польской общественности.

— Нет, этого не будет.

— Почему?

— По той же причине, почему широкая польская общественность ничего не знает о моем предсказании. Прошу не понимать это в том смысле, что я мечтаю о популярности в Польше. Но вы хотите откровенности, так будем же откровенны. Мне отлично известны причины, почему история в аэропорту в Польше замалчивается. И вам известны. Отчего же вы уверены, что не будут замалчиваться подлинные причины катастрофы, которые я сообщу вам?

— Значит, вы их всё-таки знаете?

— Мне кажется, знаю. Я пришел к выводу, что истинное пророчество есть реакция высших сил на нарушение людьми морального закона. Так что причины катастрофы — исключительно нравственные.

Цеханович пристально взглянул своими бесцветными глазами в глаза Енисеева, взял тонкими пальцами за талию рюмку, как берут шахматную фигуру, повертел ее вокруг оси и сделал диагональный ход слоном, поставив рюмку рядом с рюмкой Енисеева. Маячивший в углу официант приблизился, чтобы налить им водки, но поляк движением руки отослал его обратно и налил сам.

— Прошу вас не скрывать их от нас, — сказал он.

— Вы действительно готовы их услышать?

— Да, — кивнул Цеханович.

— Извольте — это возмездие за Катынь.

Кресло под Цехановичем скрипнуло. Он поставил рюмку и выпрямился. Глаза его заledenели.

— Как вы изволили сказать? Возмездие за Катынь? Но в Катыни убивали поляков!

— Да. Но вы говорите, что их убивали исключительно русские.

— Мы так не говорим. Среди палачей НКВД могли быть люди и других национальностей.

— Ну, допустим, вы говорите только о русских, но я не об этом. Вам отлично известно, что на этом же месте их убивали немцы.

— Ничего подобного нам не известно!

— Вы просто не хотите этого знать. Это типичный пример коллективно-го самовнушения. Наличие в могилах немецких пуль, гильз и пуговиц от немецкого обмундирования, впервые отмеченное в дневниках Геббельсом, несомненный факт, подтвержденный всеми экспертами. Откуда они там взялись?

— Их подбросило НКВД!

— С какой целью? Не полагаете же вы всерьез, что НКВД уже в сороковом году допускало взятие немцами Смоленска? Это означало бы историческую сенсацию, что руководство НКВД находилось в сговоре с немцами. Иного объяснения нет, но и оно абсурдно: зачем тогда стрелять из немецкого оружия и бросать в могилы немецкие пуговицы? Немцам и их агентам влияния в НКВД, чтобы дискредитировать Сталина, нужны были бы только советские пули и советские пуговицы.

— А вы не допускаете, что всё проще, и что коммунисты и фашисты, сдружившиеся в тридцать девятом году, вместе казнили поляков, каждае из своего оружия?

— А, стало быть, у чекистов не хватило сил и опыта для массовой казни и они с западной границы, через всю Белоруссию, привезли немецкую карательную команду?

— При чем здесь силы и опыт? Предположим, немцев беспокоило, что интернированные польские офицеры в будущем могут быть использованы в войне против них, а Советы не хотели их держать у себя в тылу. Ликвидировать польских офицеров было выгодно и тем, и другим.

— А как вы себе представляете это сотрудничество? Немцы предложили Сталину уничтожить интернированных поляков как опасную для обеих сторон силу, а Сталин сказал: хорошо, но мы не обязаны делать всю грязную работу сами, приезжайте и тоже стреляйте?

— Может быть, и так.

— Тогда получается, что круг замкнулся. Мы вернулись к тому, с чего я начал. Факты и непредвзятые выводы из них говорят, что польских офицеров в Катыни убивали и чекисты, и немцы. Только вы считаете, что они это делали вместе, а я считаю, что часть поляков, в основном старшие офицеры, была расстреляна чекистами в сороковом году, а другая часть — в сорок первом году немцами при захвате Катыньского лагеря. Но в любом случае немцы тоже убивали, причем, по вашей версии, именно они это и предложили! Но вы молчите о немцах и, как всегда, всю вину возлагаете на русских.

— Не только мы. Вы тоже признали свою вину.

— Не обольщайтесь! С точки зрения правды это признание мало чего стоит, будучи лишь частью навязанной вами неправды. Наши политики, ища популярности на Западе, много чего признали с конца восьмидесятых годов. А следствие, между тем, не подтверждает даже факта гибели в Катыни, Старобельске и Осташкове тысяч людей. Людей в президентском самолете убил не туман, а Катынь. Качиньский и его окружение шли навстречу своему року с того самого дня, как русофобия в Польше стала государственной идеологией. Никакое предсказание, даже сделанное за год, не спасло бы самолет и ничто не заставило бы пилотов повернуть. Спасти могло только одно: внешнее просветление Качиньского, осознание пагубы русофобии в ее катыньском варианте. Но шансов на это, как вы сами понимаете, почти не было.

Цеханович внимательно слушал, изредка мигая. Потом, вытянув губы, маленькими глоточками осушил рюмку, съел ложечку жюльена. Лицо его было непроницаемо. Он поправил галстук-бабочку, смахнул невидимую пылинку с лацкана дорогого пиджака и сказал:

— Спрашивая вас о причинах, я имел в виду несколько другое. Я полагаю, что, применив ваши способности, вы мне можете узнать о роли диспетчеров в катастрофе, о готовности других служб аэропорта, о технической исправности самолета, отремонтированного в России. Хотелось бы также знать... если это возможно... — Цеханович несколько замялся, — о роли ФСБ в этой истории.

Енисеев засмеялся.

— Что здесь смешного? — удивился поляк.

— Вы ничего не поняли из того, что я говорил. В этой трагедии всё было судьбой — и туман, и мое предсказание, и работа диспетчеров, и других служб аэропорта, и техническая исправность самолета, и неизвестная мне роль ФСБ, и поведение пилотов. Я уже не говорю о поведении Качиньского. Здесь всё подчинялось системе мира, в центре которой — Катынь как символ страданий польского народа от русских злодеев. У Качиньского даже фамилия была созвучна Катыни! Он почти Катыньский! И вот — вашему народу был дан знак свыше.

— Какой же?

— Полагаю: прекратить катыньскую истерику.

— Никто не давал вам права оскорблять наш народ, — тихо сказал Цеханович.

— Мне и предсказывать гибель самолета никто не давал права. И я его не просил. Так получилось. Что же касается причин: вы спросили — я ответил. Я и не ставил себе целью понравиться вам или вашему народу.

Цеханович отвел глаза. Некоторое время они молчали.

— Я вижу, что вы разочарованы, — усмехнулся Енисеев. — А чего вы ждали? Что я скажу, будто диспетчеры неправильно посадили самолет? Или что он был взорван ФСБ?

Цеханович снова наполнил рюмки.

— Можно еще один вопрос? — осведомился он.

— Валийте, только я, как видите, не способен дать нужные вам ответы. Вам, очевидно, нужна Катынь номер два или, точнее, вечная Катынь. А я вам могу дать только Бермудский треугольник для поляков под Смоленском.

— Кто будет следующим президентом Польши?

— А-а! — погрозил ему пальцем Енисеев. — Вижу, вижу, что вы из команды Ярослава Качиньского!

— Как же вы это видите? — несколько оторопело, но с любопытством спросил поляк.

— Мои скромные пророческие способности здесь ни при чем. Если бы вы были центристом или даже левым, то спорили бы со мной о Катynie до хрипоты. А вы лишь сдержанно возражали мне. Стало быть, вы из правых, которым отлично известно, что всё именно так, как я говорю, потому что вы и есть творцы Катыньского мифа об исключительной вине русских. Но вы искренне считаете, что Катынь — одна из польских основ, от которой ни в коем случае не следует отказываться.

— Вы не знаете всех наших основ, пан Енисеев, хоть и прорицатель. Между прочим, покойный Лех Качиньский всегда открыто предьявлял претензии Германии за шесть миллионов уничтоженных нацистами поляков. Так кто же станет будущим президентом Польши, пан Енисеев?

— Ярослав Качиньский не станет.

— Почему?

— Из-за апрельской катастрофы в том числе. Время Качиньских прошло. Но вы свою работу не потеряете. И Сикорский останется министром иностранных дел. Он ведь американская креатура.

Цеханович убрал с колен салфетку, встал, opravил пиджак.

— Что ж, благодарю вас, пан Енисеев. Сколько я вам должен?

— Нисколько. Не подумайте, что я бессребреник, просто мистическое чутье подсказывает мне, что деньги, полученные за так называемые предсказания в этой кровавой истории, мне на пользу не пойдут. Да и вы явно не услышали от меня того, что хотели.

— Отчего же? То, что вы сказали обо мне и пане Сикорском, стоит горара. Не стесняйтесь, пожалуйста.

— Мне не нравится ваш пан Сикорский, да и от вас я не в восторге. Вот вы, бьюсь об заклад, заготовили для меня толстый конверт, а сейчас хотите заплатить из него только за благоприятные предсказания о вас и Сикорском. Вы, очевидно, из тех, кто признает только хорошие пророчества. Считайте, что вы расплатились со мной водкой и закуской.

— Что ж, не смею настаивать. — Цеханович улыбался, но по лисьему лицу его было видно, что слова о конверте не пришлись ему по вкусу. — Могу ли я передать ваше предсказание пану Сикорскому?

— И Сикорскому можете передать, и Ярославу Качиньскому.

— В случае с Ярославом Качиньским мы всё же попытаемся изменить судьбу, — усмехнулся Цеханович.

— Вы еще не поняли, что это такое, на примере моего предсказания? Дело ваше, пробуйте. Только пусть не летает больше в Смоленск.

— Это тоже предсказание?

— Это пожелание. И тоже совершенно бесплатно.

Они пожали друг другу руки и разошлись в разные стороны, как в свое время Польша и Россия.

8

Чтобы попасть к знаменитому старцу, Енисеев полдня отстоял в очереди у его скита. Батюшка в прошлом был доктором физико-математических наук. Прикрыв веками глаза, он выслушал Енисеева, а потом, прямо и ясно глядя ему в лицо, сказал:

— Дар пророчества — удел немногих. Из миллионов людей Господь выбирает единицы праведников, обладающих зорким духовным зрением, и их устами вещает нам о будущем. Нам не дано знать, зачем Он делает это, но, по человеческому скудному размышлению, можно предположить, что знание о будущем, явленное нам в пророческом слове, не имеет того практического смысла, какое имеют, скажем, объявления о том, что нельзя курить у бензозаправки или переходить железнодорожные пути в неустановленном месте. Христианин призван жить не только в рамках отпущенного ему земного времени, но и в вечности — в “жизни будущего века”, как сказано в Символе Веры. Сама суть нашей веры такова, что мы живем будто в малой реально-

сти, перерастающей в большую — сверхчувственный мир, где обитает Сам Господь с сонмом небесных сил бесплотных. Наше тело есть олицетворение мира конечного, а душа — мира бесконечного. Наше существование гармонично и правильно только тогда, когда мир нашей души не вступает в противоречие с миром нашего тела. Если же плотские заботы начинают в человеке преобладать, то неизбежно сужается его способность обращаться душой к высшему, горнему миру. Есть известное домашнее животное, никогда не поднимающее глаз к небу; оно делает это не потому, что небо ему неприятно, а потому, что оно постоянно озабочено поисками пищи на земле. Этому животному неизвестно, что откармливают его только для того, чтобы к холодам заколоть. При этом оно вовсе не лишено того, что мы называем интуицией, и обыкновенно чувствует, когда его приходят убивать. Иногда даже чувствует, когда приходит убивать хрюка-соседа. Не так ли и мы, люди, с нашей заботой о хлебе насущном и бедной верой в экстрасенсов и магов? Мы печемся о своей жизни, о своем теле, о недалеком будущем, не смея помыслить о жизни вечной, хотя вроде бы должны понимать, что слишком ревностная забота о своем теле мало отличается от постоянной заботы упомянутого животного о пропитании, обреченного на заклание. Оно, напротив, имеет шанс отсрочить казнь, если будет кушать мало и не наберет к осени нужного веса. Вроде бы всё так просто и ясно, но иногда понять это погрязшему в плотских заботах человеку так же трудно, как и свинье поднять глаза к небу. Есть такие люди и среди христиан — они соблюдают все обряды, регулярно посещают церковь, исповедуются и причащаются, но делают это точно так же, как язычники, озабоченные благосклонностью богов. Они не веруют не душой, а телом. И может быть, именно для того, чтобы побудить их вспомнить о бессмертной душе, о жизни вечной, и приходят в мир пророки, как пришел к ветхозаветным иудеям, забывшим разницу между Соломоновым храмом и языческим капищем, пророк Иеремия? Преподобный отец Лаврентий Черниговский неоднократно повторял, что в ад души идут, как люди из храма в праздник, а в рай — как люди в храм в будний день. Он сидел и плакал: жалел людей, которые погибают. “Сколько же людей набито в пекле, словно в бочке селедки”, — говорил преподобный. Чада его утешали, а он отвечал сквозь слезы: “Вы не видите. А если бы видели, то как жалко! А в последнее время ад наполнится юношами”.

Старец замолчал и задумался, склонив голову набок.

— А тебе, пророче, доводилось видеть ад? — спросил он вдруг у Енисея.

Тот растерялся, а потом сказал:

— Только на земле. Мне приходилось по работе бывать в местах заключения, так там тоже теперь всё набито юношами и девушками.

— Нет, милый, это еще не ад. В миру и не найти того, что можно сравнить со адом. Не зря его еще называют — пекло. Как ты думаешь: стал бы лукавый показывать преподобному Лаврентию это пекло?

— Да нет, не стал бы пугать, наверное.

— Вот и я так думаю. Выходит, Лаврентий был не оракул лукавого, а пророк Божий. А вот ты чей пророк, я еще не знаю. Но ведь и то правда, — неожиданно улыбнулся монах, — что без Божиего произволения ничто не обходится.

— Батюшка, простите мое невежество: а кто такой Лаврентий Черниговский? — робко спросил Енисей.

— Не знаешь? Отче, — повернулся старец к стоящему в углу монаху-келейнику, — принеси ему книжку о преподобном Лаврентии. Это хорошо, что я о нем вспомнил. Мне силы пророчествовать Господь не дал. Не могу я тебе сказать: “не пророчествуй”, и не могу сказать: “пророчествуй”, как тот батюшка, к которому ты ходил. Я ведь не знаю, к чему ведут твои пророчества.

— К смерти людей иногда ведут, батюшка! — вырвалось у Енисея.

— Я не об этом — мы все умрем. Есть пророчества, которые устрашают человека, уводят его от истинной веры, а есть те, которые веру в нем укрепляют. Какие твои, если ты сам не знаешь, веруешь ли ты? Должен ли ты

удалиться от людей, зажечь аскетической жизнью, чтобы обрести право пророчествовать? Тоже не знаю. Сказано, что антихрист тоже до поры до времени будет жить в сокровенном уединении, изображать из себя праведника. Если священник, с которым ты разговаривал, прав, и Господь тебя испытывает, то доверься Господу. Господь и Пречистая Богородица изначально вели преподобного Лаврентия, еще до того, как он стал монахом и пустынником. Больше ста лет назад жил Лаврентий, тогда еще крестьянский сын Лука Проскура, тихо и безмятежно послушником Николо-Рыхловского монастыря, служил регентом, ибо имел хороший слух и голос. Но пришел указ епископа Черниговского Антония о переводе Луки регентом в Черниговский Троице-Ильинский монастырь. Тяжело было Луке оставлять место своего спасения, где он в тиши и благодати учился живому молитвенному общению с Господом. Но вот снится ему сон: храм, а на паперти храма — лик Царицы Небесной, Которая его благословляет. Проснулся Лука, душа его умирилась, и поутру, не медля, он отправился в Троицкий монастырь. Добрался до города и — сразу к владыке Антонию: “Владыка святой, я приехал”. “Хорошо, — ответил епископ Антоний, — будешь обучать пению мальчиков-семинаристов”. Когда же Лука вошел в храм, узнал на иконе лик Владычицы нашей Богородицы, явленный ему во сне. Вот так-то, брат, Лаврентий-пророк кроток был. Кротции наследуют землю. А ты кроток ли?

— Да нет, совсем не кроток, хотя на людей не бросаюсь. А ветхозаветные пророки были кроткими?

— Кротость еще в мир не пришла, когда они жили. А ты неужто с ветхозаветными пророками себя сравниваешь? Ты что, на стогнах городов проповедуешь?

— Ну, иногда бывает... на людях... не попад... Священник сказал мне: иди к тем, кто тебя слушать не хочет. Ну, сходил я к полякам — и что?

— Ты почитай, почитай преподобного Лаврентия Черниговского. Он еще не так давно умер, — я как раз родился в то время. Он, считай, современный пророк, а отличается ли чем от старых? Пророки во все времена одинаковы. Ничего нового в мире нет. Как и встарь, есть либо пророки во Христе, либо чернокнижники, либо обманщики. Ты, я вижу, не чернокнижник, не обманщик, но еще не пророк. Ведь и то домашнее животное, о котором я говорил, предчувствует, что его зарежут. Однако нам не приходит в голову считать его пророком. Предсказания о смерти мало чего стоят. Что с того, если я умру не сегодня, как мне напророчат, а завтра? Я ведь всё равно умру. Нам надо думать о жизни вечной, а не о том, что наступит в недалеком будущем. А самолеты всегда разбиваются. Не этот разобьется, так другой. Всё, что быстро летает, время от времени быстро падает. Но и то верно, что ни один самолет, не будь на то Божьей воли, не упадет. И я не исключаю, что Господь, по неизреченной милости Своей, в тот день выбрал тебя, чтобы дать возможность полякам избежать гибели. Ты предупредил их, а они не вняли. Значит, такая их судьба. Не думай о них. Думай о себе. Если Господь сделал тебя свидетелем Своего Промысла, то зачем?

— Я думал узнать у вас.

Старец вдруг широко улыбнулся, отчего седая борода его разошлась веером.

— У меня? А сам я зачем здесь спасаюсь, по-твоему?

* * *

“Антихрист будет короноваться как царь в Иерусалимском великольном храме с участием духовенства и Патриарха, — читал Енисеев пророчества преподобного Лаврентия Черниговского. — Будет свободный въезд в Иерусалим и выезд для всякого человека. Но тогда старайтесь не ездить, потому что все будет сделано для того, чтоб прельстить.”

Антихрист будет происходить от блудной девы-еврейки двенадцатого колена “блудодеяния”. Уже отроком он будет очень способным и умным, а особенно с тех пор, когда он, будучи мальчиком лет 12-ти, гуляя с мате-

рю по саду, встретится с сатаной, который, выйдя из самой бездны, войдет в него. Мальчик вздрогнет от испуга, а сатана скажет: “Не бойся, я буду помогать тебе”. Из этого отрока созреет в образе человеческого антихрист. При его короновании, когда будет читаться “Символ Веры”, он не даст его правильно прочесть, где будут слова об Иисусе Христе как Сыне Божиим, он отречется от этого, а признает только себя. И при этом Патриарх воскликнет, что это антихрист, и за это будет умерщвлен. При короновании антихрист будет в перчатках. И когда будет их снимать, чтоб перекреститься, Патриарх заметит, что у него на пальцах не ногти, а когти, и это послужит к большему уверению, что это антихрист. Сойдут с неба пророки Енох и Илия, которые также будут всем людям разъяснять и восклицать: “Это антихрист, не верьте ему”. И он умертвит их, но они воскреснут и полетят на небо.

Антихрист будет обучен всем сатанинским хитростям и будет давать знамения ложные... Не в церкви, а в каждом доме, в углу, где стоят и висят сейчас святые иконы, будут стоять обольстительные прилады для прельщения людей. Многие скажут: “Нам нужно смотреть и слушать новости”. Вот в новостях-то и явится антихрист... Он своих людей будет “штамповать” печатями. Будет ненавидеть христиан...

Христиан будут умерщвлять или ссылать в пустынные места. Но Господь будет помогать и питать Своих последователей. Евреев также будут сгонять в одно место. Некоторые евреи, которые истинно жили по закону Моисея, не примут печать антихриста. Они будут выжидать, присматриваться к его действиям. Они знают, что их предки не признали Христа за Мессию, но и здесь так Бог даст, что глаза их откроются, и они не примут печати сатаны, и признают Христа...

Начнутся последние гонения на душу христианскую, которая откажется от печати сатаны... Печати будут такие, что сразу видно будет, или принял человек, или нет. Ничего нельзя будет ни купить, ни продать христианину...

Но не унывайте: Господь своих чад не оставит... Слабых Господь заберет, а другие очистятся болезнями. Будут такие, что на войне омоют грехи своей кровью и причтутся к числу мучеников. А самых сильных Господь оставит для встречи с ним. И пока не восполнится спасающимися число свидетелей Божиих, разоренное отпадением части Ангелов, Господь не придет судить”.

Так предсказывал Лаврентий Черниговский в 1949 году, “сидя на хорах” монастырского храма.

Старец прав, думал Енисеев, вот — настоящий пророк, причем пророк в гоголевском духе. Этот рассказ о встрече будущего антихриста с сатаной в саду... А предсказание о телевидении! “Вот в новостях-то и явится антихрист...”! Уж “обольстительных прилад”-телевизоров в углу Лаврентий точно ни разу в жизни не видел! Такие пророчества — это тебе не мои проценты, недополученные Тимошенко на выборах!

Но что имел в виду старец, говоря о важности для Енисеева этой книги? Ничего, что бы он не знал о таких пророках, как Лаврентий Черниговский, в ней не было. Какие-то его предсказания уже исполнились, а какие-то, слава Богу, еще нет, особенно об антихристовых временах. Что еще? Лаврентий — был человек исполинской веры, настоящий христианский подвижник, жил при советской власти в пещерах, Енисеев ему не ровня. Читай, не читай, а таким, как преподобный Лаврентий, всё равно не станешь. То есть можно, собрав в кулак всю волю, повторить его образ жизни, но это не дает особых оснований надеяться обрести такой же пророческий дар. Потому что Лаврентий просто стал пророком, даже не желая этого, а ты еще не стал, но уже этого желаешь.

А может быть, дело даже не в этом, а в том, на что употреблял Лаврентий свой поразительный дар? Он не только об антихристе и лжепатриархах предсказывал, а не гнушался помогать простым людям, к чему ты никакой склонности не имеешь, полагая, что призван глаголом жечь сердца людей.

“Как-то старец сидел за столом с двенадцатью сестрами монастыря и ел похлебку из глиняного горшка. Внезапно он поднял голову. “Сходи, посмо-

три: кто-то пришел, пусть зайдет сюда”, — сказал он келейнице, подававшей на стол. Та вышла и увидела женщину; она плакала. Монахиня сказала: “Батюшка покусает, и тогда придете, а сейчас он вас не примет”. Вернувшись, она сообщила, что во дворе никого нет. Отец Лаврентий несколько раз окунул свою деревянную ложку в горшок... “Кто-то пришел, позови”. — “Кушайте спокойно, никого нет”. — “Да нет же, там женщина плачет, приведите ее!” — он поднялся с места. Вошла женщина, вся в слезах. Старец увел ее в келию, и через десять минут она вышла, причем от печали ее не осталось и следа. Отец Лаврентий вернулся за стол и тихо сказал келейнице: “И ты могла есть, когда видела, что человек плачет?”

Что ж, может быть, это и есть тайна преподобного Лаврентия? Прежде чем увидеть сквозь стены плачущую женщину на дворе, он сердцем почувствовал, что она плачет. А ты, видя на улице плачущих людей, пытался ли увидеть, что у них за беда, пытался ли помочь? В груди святого Лаврентия было трепетное сердце, а не уголь, пылающий огнем! У всех христианских пророков было трепетное сердце! Благодаря ему они и стали пророками. А ты искал способа превратить свое сердце в пылающий уголь и лишь после того, как увидел обломки самолета, забрызганные кровью, усомнился, нужно ли это тебе. Всё равно твои глаголы никого не жгут. Они как искры от костра, от которых люди легко уворачиваются. Ну, прожжешь им дырочки в одежде, вызвав лишь легкую досаду. Ничьих сердец ты еще не зажгешь.

Раздался телефонный звонок. Енисеев снял трубку.

— От души поздравляю, — сказал мужской голос. — Ярослав Качинский, как вы и предсказывали, не стал президентом Польши. А Радослав Сикорский остался министром иностранных дел.

— Это пан Цеханович? — спросил Енисеев, хотя голос явно был не Цехановича.

— Нет, но о ваших предсказаниях ему наслышан. И о других тоже. Нам необходимо встретиться.

— Зачем?

— Лучше поговорить об этом при встрече. Это в наших обоюдных интересах.

— А кто вы?

— Я часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо, как сказал поэт. Шучу. А вы не можете с помощью своих удивительных способностей угадать, кто я?

— Да дурак какой-то.

На том конце провода крикнули:

— Это от души. Один-ноль в вашу пользу. Я — Ступар. Слышали?

— Ну, слышал, если снова не шутите. Ступор — это состояние бездвиженности с отсутствием реакций на внешние раздражители. Чем же я могу вам помочь?

— Хе-хе! Хе-хе! Вы — щетинистый человек! Ступар — это моя фамилия, пишется через “а”. Вы, правда, ничего не слышали обо мне?

— Что-то слышал, а что — Бог знает.

— Я президент АВПП, Агентства всеобщего и политического прогнозирования.

— А-а... Я не занимаюсь политическими прогнозами.

— Не скромничайте. Еще как занимаетесь! Большинство ваших предсказаний связано именно с политикой — мы проследили. Но не в этом дело. Точнее, не только в этом. Есть потребность кое-что обсудить с вами. Вы не очень загружены работой, как мы выяснили. Не уделите ли нам час своего внимания? Уверяю, вам это будет интересно.

Енисеев хотел было отказаться, но вспомнил, что встреча с Цехановичем, на которого ссылался Ступар, тоже была интересной и во многом показательной, несмотря на весьма неприятной осадок от нее. К тому же, после Нади и Цехановича Ступар был третьим человеком в мире, который за многие годы проявил к нему интерес как к прорицателю. Поэтому он сказал:

— Ладно, давайте.

Агентство Ступара было обыкновенным офисом с компьютерами. Отличался лишь отделанный “под готику” кабинет самого Ступара — с панелями из мореного дуба или его заменителя, резными стульями, здоровенным камином, едва ли действующим, так как в его вычищенном нутре не имелось следов угля или золы, книжными шкапами во всю стену, в которых тускло поблескивали золотыми корешками старинные тома, при ближайшем рассмотрении оказавшиеся популярным в подобных кабинетах Брокгаузом и Ефроном, переплетенными приложениями к журналу “Нива”, “Историей” Геродота, “Полом и характером” Вейнингера и почему-то Бремом. Стены украшали смутно знакомые Енисееву небольшие картины, изображавшие одетых по моде девятнадцатого века людей, у коих вместо носов были птичьи клювы, хоботы, воронки и прочая дрянь.

— Подлинный Шемякин, — похвастался Ступар.

Это был рыжий мужчина с пухлыми плечами, веснушками на идущей ото лба лысине и длинным извилистым носом, что, вероятно, объясняло его любовь к Шемякину. Он усадил Енисеева на кожаный диван в углу, а сам пристроился в кресле напротив. Сложив руки на животе и склонив голову набок, некоторое время Ступар изучал Енисеева, шевеля при этом кончиком носа.

— Как это у вас получается? — наконец осведомился он.

Енисеев, в свою очередь, хотел спросить, как у него получается так шевелить носом, не задействовав при этом губ и щек, но он сдержался.

— Что вы имеете в виду? Предсказание насчет Ярослава Качиньского, Сикорского и Цехановича? Я вас разочарую: это никакое не предсказание. Это было лишь мое предположение, высказанное в императивной форме.

— Ну, мы такими предположениями и занимаемся. А как насчет крушения самолета Леха Качиньского?

— Насчет самолета мне уже говорить надоело. Не обессудьте. Но это, конечно, было не предположение. Это было предвидение, от меня едва ли зависящее. Во всяком случае, я так думаю.

— А вот у поляков сложилось впечатление, что это было осознанное предсказание, да еще с морально-историческим подтекстом. Причем, по их мнению, полонофобским.

— Плевать мне на их впечатления. Не они, а я, “полонофоб”, пытался спасти президентский самолет. Если они такие впечатлительные, то надо было спасать своего президента и его команду, пока была такая возможность, а не думать о том, как бы не сорвать Катиньскую церемонию.

— Знаете, я тоже не верю, что ваши предсказания от вас не зависят. То есть вы так считаете, но на самом деле при желании можете давать и осознанные предсказания. Ну не было же спонтанным ваше пророчество о Тимошенко! Вы же были на ее пресс-конференции, думали о ней.

— Совершенно верно. Но я вдруг назвал цифры, о которых вовсе не думал.

— Так на то вы и прорицатель! И тем отличаетесь от обычных людей. Я клоню к тому, что, вы, на мой взгляд, можете рационально подвести себя к состоянию, когда начинаете действовать иррационально — то есть предсказывать будущее.

— Может, и могу, — пожал плечами Енисеев. — Но специально я этим не занимался.

— Так, может быть, пора? Вы что же, всю жизнь собираетесь играть в любительской лиге?

— А профессиональная — это какая? Где платят деньги?

— Естественно. Любой труд должен быть оплачен. Особенно тот, что требует столько душевных и психических сил, как предсказание.

— Оплаченные предсказания имеют одну характерную особенность: в них содержится только та информация, которую хотелось бы услышать клиенту. Это не по мне.

— Вы действительно ничего не знаете об АВПП, Илья Петрович. Во-первых, мы занимаемся не только политическими прогнозами, а любыми. Во-

вторых, наша “фишка” как раз в том, что мы даем правдивые прогнозы, независимо от того, что хочет клиент. Он платит только за правду и получает правду, пусть она ему и не нравится. А гарантированный “возвышающий обман” он может получить в другом месте. Мы сразу предупреждаем об этом клиентов. Наш девиз: “Правда, и ничего, кроме правды”. Другого такого агентства прогнозов вы нигде не найдете. Даже влиятельные мониторинговые компании проводят опросы так, как нужно клиенту. Первый вопрос у них: “Вам как посчитать?” До сих пор мы занимались чистой аналитикой и не привлекали к своей работе известных астрологов и предсказателей, но не исключали такой возможности. На рынке прогнозирования есть своя конъюнктура, и в последнее время популярность мистики возрастает. Не знаю, какая причина этого: может быть, увлечение нуворишей каббалой, а может быть, просто футбольные пророчества какого-нибудь осьминога Пауля. Мы сделали подсчеты, какой процент предсказаний отечественных нострадамусов сбывается, и получилось примерно пятьдесят на пятьдесят, чего может добиться и обыкновенный человек с улицы. У осьминога Пауля процент куда выше. Он выше и у финалистов “Битв экстрасенсов”, но они, как правило, “плавают” в важных для нас вопросах политики, бизнеса и юриспруденции. Здесь необходима точность, которой экстрасенсы не обладают. Вы же, помимо прочего, оказались сильны и точны в политике. Поэтому мы подумали, что если нам обращаться к оракулам, то лучше, чем вы, кандидатуры пока не сыскать.

— Не думаю, что это так. Профессиональные предсказатели и экстрасенсы хорошо всем известны, а я неизвестен никому. К вам пойдут клиенты благодаря их именам, а уж сколько там их прорицаний сбудется — дело десятое. Главное, чтобы клиенты шли и платили деньги, правильно?

— Не совсем. Популярность известных предсказателей и магов — это ресурс, который они сами давно уже эксплуатируют. Используя его, мы стали бы пиарить именно их, а не себя. Причем успех предсказаний работал бы, прежде всего, на их имидж, а вот неудача ударяла бы по имиджу нашего агентства. Ведь они могут позволить себе ошибаться, а мы нет. Наш пиар — это рекомендации наших клиентов, которым мы дали правильный прогноз. Нам вовсе не нужно, чтобы сюда валом валил народ с вопросами типа: “Куда посоветуете вкладывать деньги?” Вы видели офис: мы просто не готовы принимать большое количество людей. Нам важно не количество клиентов, а их качество. Их платежеспособность в том числе. По мелочам много не соберешь, скорее, потеряешь. А солидный клиент не придет, увидев нашу рекламу где-нибудь в “МК” или “ТВ-3”. Он придет, когда ему конфиденциально посоветует обратиться к нам такой же солидный человек. Для нас главное — репутация, а не чьи-то имена.

— Ну, в таком случае, я вам совершенно не подхожу. Если я не знаю, смогу ли вообще предсказывать специально, то как я могу дать гарантию, что буду предсказывать правильно?

— От вас этого не потребуется. Клиент будет получать, если, конечно, пожелает, как аналитический прогноз, так и оракульский. Если они будут отличаться, то тем лучше: какой-нибудь да сбудется! Но для этого нам нужен именно неизвестный предсказатель, потому что предсказание известного всегда будет выглядеть предпочтительнее аналитики. Так уж устроен человек с его склонностью к суевериям. Если же прогноз аналитиков совпадет с предсказанием разрекламированного прорицателя, клиент будет думать: зачем я платил дважды? И следующий клиент попросит, чтобы с ним работал только доморощенный Нострадамус. Другое дело, когда клиенту неизвестно ни имя аналитика, ни имя предсказателя агентства, а известна только репутация АВПП. Тогда, с большой степенью вероятности, он прибегнет к услугам и предсказателя, и аналитика.

— Хитро. Однако вы не очень деликатны, акцентируя мою безвестность. Ну, а представьте, что я, придя к вам безвестным, обрету здесь популярность как предсказатель и брошу вас к черту? Или вы подсунете мне на подпись какой-нибудь кабальный договорчик?

— Конечно, подсуну. Только не кабальный. В рабочее время — работаете на меня, в свободное — на себя, если пожелаете. Какая же здесь каба-

ла? Обычные условия. Захотите уйти, уйдете. Только на вольных хлебах вы с ног собьетесь, разыскивая клиентов. Популярность нуждается в постоянной рекламной подпитке, а у вас есть деньги на серьезную рекламу?

— А вы что же, копейки мне собираетесь платить?

— Нет, не копейки. Но хорошая реклама стоит десятки тысяч долларов, а вам всё же будут платить тысячи. Разоритесь.

— Ну, что ж, — сказал Енисеев, откинувшись на спинку дивана, — я услышал от вас много интересного о рынке предсказаний и прогнозов. Что же касается вашего предложения, то и в начале разговора, и теперь оно мне кажется совершенно диким. Вам нужен кто-то другой. Я себя абсолютно не представляю в этой роли.

— Но почему? Послушайте, хотите вы этого или нет, но вы всё равно занимаетесь прорицательством. Вы, может быть, и не хотели бы пророчествовать, а пророчествуете, подталкиваемые неведомой силой. Однако ваши успехи, судя по всему, носят бессистемный и случайный характер. Вы не знаете толком своих возможностей, потому что не развиваете свой дар. У вас просто нет для этого постоянных поводов. И если бы кто-нибудь вам такие поводы давал, вы должны были бы быть ему благодарны, поскольку самому вам их найти нелегко. Я же предлагаю вам не только поводы, но и готов платить деньги за работу. Что же дикого в моем предложении? Заметьте: речь идет о честной работе, без малейшей примеси шарлатанства. То, что вы предскажете, то и будет сообщено клиенту. Надоест работать — уйдете, но получите столь необходимый, на мой взгляд, для вас опыт. Вы здесь ничего не потеряете, а приобретете многое, в том числе и деньги.

— Не хочу. Не лежит душа. Я сейчас свободный человек. А вы меня запряжете в штатные кассандры. Любое увлечение, становящееся обязанностью, превращается в муку.

— Я вовсе не настаиваю, чтобы вы работали в штате. Сидите дома, работайте по вызову. Отнеситесь к тому, что я вам предлагаю, как к необходимой вам тренировке.

— Ладно, я подумаю, — пообещал, чтобы отвязаться, Енисеев. Но он недооценил Ступара.

— Я предлагаю вам сегодня попробовать свои силы, — предложил тот. — Прямо сейчас.

— Чего?

— А что такого? Ну, неужели вам самому не интересно попытаться сделать это по своей инициативе? Без подготовки, с чистого листа? А решение по поводу работы у нас потом примете какое угодно. Я думаю, такая проба сил даже поможет вам определиться.

— Ну, хорошо, — сказал Енисеев. — Попробуем ради смеха. Всё какое-то развлечение. Может быть, мое фиаско убедит вас в том, сколь зряшны ваши планы относительно меня. Что я должен делать?

Ступар посмотрел на часы.

— Сейчас придет одна женщина. Думаю, она уже сидит в приемной. Она сама вам всё скажет.

* * *

Широким шагом в кабинет вошла дородная крашенная блондинка со стрижкой “под мальчика”, в свободных дорогих одеждах, призванных, очевидно, скрыть дородность. Лицо у нее было как маска, — не из-за обилия косметики, а из-за того, что над ним основательно потрудились пластические хирурги, и теперь хозяйка лица боялась ослабить упругость новой кожи лишней мимикой. Ступар проворно встал ей навстречу, облобызал ручку. Над ее гладкими, как у манекена, руками тоже, очевидно, поработали косметологи.

— А вот, Ксения Аркадьевна, Илья Петрович, наш, так сказать, оркул, — широким жестом представил он Енисеева, — очень, очень “продвинутый”. Аналитики уже работают над вашей проблемой, но специфика ее такова, что хорошо бы послушать не только того, кто оперирует логикой

и информацией, но и того, кто обладает даром видеть поверх логики и информации. Или, как еще говорят, сквозь стены.

Енисеев приподнялся и кивнул.

— Вы мне льстите, — пробормотал он.

— Очень приятно, — низким голосом сказала дама, усаживаясь. Кожаное кресло обреченно вздохнуло под ее тяжестью. — Я ни в какие предсказания не верю, но о вас отзывались как о серьезном агентстве, и вы, наверное, знаете, что делаете.

— Я тоже абсолютно практический человек, — заверил ее Ступар, — но именно как практический человек знаю, что предвидение — не выдумка. Просто мы еще не знаем его механизма. Но ведь это не мешает нам использовать его в работе наряду с аналитикой, не так ли? А вы уж потом решите, чему отдать предпочтение — аналитике или предвидению. Ну, а если аналитика и предсказание совпадут, то тем больше вероятности, что они правильны.

— Пусть будет по-вашему, — кивнула Ксения Аркадьевна.

— Превосходно. Чай, кофе?

— Минеральной воды “Перье”. Есть?

— Обижаете, Ксения Аркадьевна! А вам, Илья Петрович?

— Кофе.

Ступар позвонил, чтобы принесли “Перье” и кофе, и пересел за письменный стол, чтобы, очевидно, не мешать “сеансу”.

— Илья Петрович еще ничего не знает о вашей проблеме, поэтому не откажите в любезности рассказать ему.

Дама, не поворачивая лица-маски к Енисееву, стала рассказывать:

— Моего мужа засыпали письмами о моих якобы изменах ему. Они приходят по почте, “эсмэсками” и по интернету — причем не только на его рабочую электронную почту, но и размещаются в его контактах в “Фейсбуке”. Там они становятся известны широкому кругу людей, с которыми общается муж.

— А отследить IP-адрес отправителя, конечно, не удастся? — спросил Енисеев — скорее у Ступара, чем у Ксении Аркадьевны.

— Ну, разумеется, — сказал он. — Отправляется с чужих “заграничных” серверов — интернет-кафе и тому подобное.

— Об этом уже начали говорить все вокруг, что негативно сказывается на нашем общем с мужем бизнесе, — продолжала дама. — Партнеры начинают сомневаться, стоит ли связываться с нами, если из-за нашего возможного разрыва фирма на грани развала.

— Простите, а у автора писем есть хоть малейшие основания сомневаться в вашей верности мужу? — тоном Эркюля Пуаро поинтересовался Енисеев.

— Ни малейших, — отрезала Ксения Аркадьевна. — Я не даю для этого никаких поводов, — более того, уволила молодого водителя и молодого охранника на даче, как только эти письма появились.

— А почитать их можно?

— Конечно, — ответил Ступар. — Копии их здесь, в офисе. Принести?

— Да, но не сейчас. А что, ваш муж верит этим письмам?

— Не думаю. Но мой муж... моложе меня, и, хотя мы любим друг друга, он не может не ощущать на людях некоторого дискомфорта из-за нашей разницы в возрасте. Сейчас же, знаете как: если ты бизнесмен, то должен иметь в женах молодую эффектную шлюху с ногами, растущими из подмышек. А он не только не имеет такой жены, но еще и получает письма об изменах немолодой уже, будем называть вещи своими именами, жены. Он нервничает, замкнулся в себе. Ему, да и мне кажется, что все наши знакомые, разговаривая с нами, всё время прячут усмешку и отводят глаза. Это продолжается уже два месяца.

— Вот вы сказали, что муж моложе вас. А его брак с вами — первый?

— Нет, не первый.

— Так, может быть, это его бывшая жена или любовница в отместку пишет?

— Мой муж приехал из Адлера. Бывшая жена его держит там палатку на рынке. Она не то что интернетом, даже компьютером не пользовалась.

Если же она вдруг начала ими пользоваться, то письма всё равно отправлены не ею, потому что они, как помог мне выяснить Лев Данилович, — она кивнула на Ступара, — посланы с московских серверов. А те, что отпечатаны на принтере, брошены в московские почтовые ящики.

— А вы раньше были замужем?

— Да.

— Ваш бывший муж не может писать эти письма?

— Он умер.

— Простите. Итак, вы хотели бы знать, кто и с какой целью посылает эти письма?

— Конечно. Но поскольку Лев Данилович сказал, что это не совсем по вашему профилю, ведь вы не детективное агентство, я хотела бы для начала узнать, что мне самой в этой ситуации делать.

— А в милицию вы обращались?

— Куда? — спросила Ксения Аркадьевна с таким выражением на мало-выразительном из-за страха потерять упругость кожи лице, что Енисеев сразу понял: она не из тех, кто по таким поводам обращается в милицию.

— Ну, а в детективное агентство, о котором вы упомянули?

— Туда обратилась, — коротко ответила дама.

— И что?

— Пока ничего. Выяснили, что на письмах и конвертах, пришедших по почте, нет отпечатков пальцев, но распечатаны они на двух принтерах одной системы — “Эйч Пи”. Потом сыщики отметили точками на карте Москвы почтовые ящики и интернет-кафе, через которые приходили письма, и нарисовали круг. В центре этого круга, по их мнению, и надо искать похожие принтеры, бумагу, конверты и их хозяев.

— Нда, это долго. Напоминает известный способ ловли льва в пустыне. А ваш собственный офис попал в этот круг?

— Да.

Енисеев откинулся на спинку дивана и прикрыл глаза. Сделал он это не для того, чтобы сосредоточиться и “поймать состояние”, предшествовавшее обычно его пророчествам, а потому что не знал, что же ему еще делать. Никаких соображений по поводу рассказа Ксении Аркадьевны у него не было и не могло быть, ведь он не знал ни ее, ни тем более ее невидимых врагов. Увидеть же какие-то знаки будущего на изнанке собственных век Енисеев и не пытался, да и дело в истории о письмах, скорее, касалось прошлого, нежели будущего. “Вот, скажем, — размышлял Енисеев, — решился бы я загадать, кто же писал Пушкину анонимные пасквили на Наталью Николаевну. Информации об этом побольше, чем о пасквилях на Ксению Аркадьевну, да и заниматься Пушкиным и Натальей Николаевной интересней, чем Ксенией Аркадьевной. И что же бы у меня вышло? Ничего. В общем, попал я в глупейшую ситуацию, послушавшись этого Ступара. Надо сказать что-то ей для приличия и свалить, а что? Что можно посоветовать женщине, которую видишь первый раз в жизни, и ее мужу, которого вообще не видел никогда?”

— У вас есть фотография мужа? — спросил он.

Женщина удивленно подняла брови, тотчас же вернула их на место, вспомнив о режиме ограничения мимики, неохотно полезла в сумочку за портмоне, достала оттуда фотографию и протянула Енисееву.

На этой фотографии мужу Ксении Аркадьевны было немногим больше тридцати. Лицо типичное для выходца с Кубани: крупноватый нос с резко вырезанными ноздрями, взгляд небольших глаз исподлобья, подбородок с ямочкой, торчащие уши, темные редущие курчавые волосы, зачесанные назад. Енисеев вспомнил сделанную им в шутку сравнительную “физиогномику” Цезаря и Путина и усмехнулся про себя. Что ж, кое-какой опыт есть, и не самый неудачный. Итак. Нельзя сказать, чтобы мужчина с фотографии был красавчик, но женщинам, особенно в возрасте Ксении Андреевны, такие нравятся. Не мозгляк какой-нибудь, широкие плечи, и хоть нижний обрез фото шел чуть ниже шеи, крепкая дебелая шея эта в расстегнутом вороте рубахи

говорила о таком же крепком телосложении. “Нет, точно, какая-то “бывшая” его пишет, — решил Енисеев. — Или — нынешняя. Ну, видно ведь — ходо! Глаза такие масляные, с поволокой... Переносица крупная, нос с раздвоенным кончиком... Губы пухлые, сжатые. Кубанский бычок! А тут — рыхловатая Ксения Аркадьевна, которая даже целоваться не подпустит, чтобы не испортить пластику. Нет, есть у этого парня любовница на стороне! Он, естественно, жениться на ней не хочет, чтобы оставаться поближе к деньжатам нынешней супружницы, вот девчонка и пишет эти письма, чтобы спровоцировать разрыв между ним и Ксенией Аркадьевной. Глядишь, они рассорятся из-за писем и разведутся, бычок отсудит половину имущества и бизнеса у старухи и женится на ней. Интересно, а как он вообще сошелся с Ксенией Аркадьевной?” Спросить об этом прямо было неудобно, поэтому Енисеев “зашел сбоку”:

— А чем ваш муж занимался в Адлере?

— Работал милиционером.

— Милиционером? — удивился он. — И он не попытался выяснить, кто бы мог писать эти письма?

— Он же не следователем работал, а в ГИБДД.

— А-а... Как же вы познакомились? Вы — московская бизнес-леди, он — адлерский гаишник... На трассе, что ли?

— На трассе, — коротко ответила Ксения Аркадьевна. — Он остановил меня за превышение скорости. Пожурил, но штрафа не выписал. Оказался соседом. У меня дом под Адлером. Познакомились. А какое всё это имеет значение?

— Прямое. Такие письма пишут люди, знающие вас и мужа, не так ли? Но это не ваши конкуренты по бизнесу, они придумали бы что-нибудь позитивней. Здесь явно замешан интимный интерес, хотя и по принципу действия от противного... Понятно, что не вы изменяете мужу, но кто-то кого-то за ширмами этих писем предает. Мне должна быть ясна скрытая от других сторона вашей жизни. А то я не знаю толком ничего ни о вас, ни о вашем муже. Получается, что я вам и предскажу ровно столько, сколько знаю о вас. Я не психоаналитик и не получаю никакого удовольствия от таких вопросов, даже напротив, но я должен знать: как часто вы бываете близки с вашим мужем?

Кресло под безмолвствующим Ступаром скрипнуло, кончик носа завертелся. Гладкое, как скорлупа яичка, лицо Ксении Аркадьевны побагровело, она метнула на Енисеева прожигающий насквозь взгляд. Грудь ее высоко поднялась, ноздри раздулись, но она взяла себя в руки и сдавленно ответила:

— Наверное... раз в месяц. — Однако по глазам ее было видно, что еще реже. — Эти письма... не способствовали... вы понимаете...

— Понимаю. А раньше, в Адлере?

Женщина отвела взгляд, улыбнулась одной стороной рта.

— В Адлере бывало — по несколько раз на дню.

— Ага... А как вы думаете: раз в месяц для вашего цветущего супруга, — Енисеев указал на фотографию, — это достаточно, даже если учитывать возможный стресс от писем?

Лицо Ксении Аркадьевны снова налилось темной кровью.

— На что вы намекаете? На то, что это мой муж мне изменяет?

— Именно. И не уверяйте меня, что вы сами об этом не думали. В начале совместной жизни вы бывали близки по несколько раз в день, а теперь — раз в месяц! Не слишком ли резкий переход? Объясняется ли он только дурацкими письмами?

— Кто же их пишет?

— Скажем, любовница вашего мужа.

— А зачем?

— Ну, это просто. Но, прежде чем объяснить вам это, я хочу спросить: у вас есть с мужем брачный контракт?

— Нет.

— А чем в вашем бизнесе владеет муж?

Плечи женщины, согнувшиеся под ударом неприятных вопросов, выпрямились.

— Ничем, — усмехнулась она. — Всё записано на меня. И бизнес, и имущество. Муж получает только зарплату генерального директора, правда, большую.

— Ага, — только и сказал Енисеев. — И его устраивает такое положение?

— Раньше мы никогда не обсуждали это, но теперь, под влиянием этих писем, он стал всё чаще говорить, что я ставлю его в неловкое положение, не давая распоряжаться финансами... что люди всё больше начинают верить содержанию писем, видя, что он как гендиректор совершенно бесправен... что это мешает делу, поскольку клиенты стремятся договориться со мной, а не с ним, а я нечасто бываю в офисе... что он лишен возможности оперативно решать вопросы... что страдает его авторитет...

— Так. А что же вы на это отвечаете?

— Раньше бы я просто на корню пресекла эти разговоры, зная, что в наше время ничего нельзя выпускать из своих рук, но теперь... из-за этой клеветы... — Ксения Аркадьевна замолчала.

— То есть — вы не говорите ни да, ни нет?

Она кивнула.

— А ваш муж не намекал, что сомневается в вашей верности?

Женщина ответила не сразу.

— Смотри что называть намеком... Однажды он сказал: “Неужели ты не понимаешь, что, не пуская меня в дело как партнера, ты даешь повод людям, да и мне тоже, думать, что ты действительно имеешь любовника, которого хочешь сделать своим мужем и партнером?”

— И что вы ответили?

— Я сказала, что я его понимаю... но хочу, чтобы и он меня понял... я уже немолода... мне страшно терять то, что я не дала уничтожить двум кризисам... ведь заново я уже не смогу ничего начать... но что я подумаю...

— Ксения Аркадьевна! — воскликнул Енисеев. — Вас ведь главным образом именно это заботило, когда вы шли сюда?

— Не знаю... может быть...

— И вы заставили буквально вытягивать это из себя! Как трудно с людьми из мира бизнеса, особенно с женщинами! Ну, что вам от наших дурацких прогнозов, если мы не знали главного?

Страдальческое выражение на кукольном лице Ксении Аркадьевны вдруг исчезло, она снова улыбнулась одним углом рта.

— Я полагала, что если вы серьезное агентство, то найдете возможность докопаться до истины. Прийти и раздеться перед вами — это слишком просто.

— Лев Данилыч, — повернулся Енисеев к Ступару, — вы эту позицию клиента учтите при определении величины гонорара.

— Всенепременно! — осклабился Ступар. — Договоримся!

— Договоримся-то договоримся, но мы еще не закончили нашего дела. К чему мы, собственно, пришли?

— Вы сказали, что письма пишет любовница моего мужа, — напомнила женщина.

— Я беру свои слова обратно. Я сказал это от недостатка информации. Ваш муж сам пишет и посылает эти письма.

— Как? — вздрогнула Ксения Аркадьевна.

— А так. Может быть, любовница ему и помогает, я не знаю, но инициатива явно исходит от него. Я несколько не сомневаюсь в этом после того, что вы по поводу его претензий на финансовые права рассказали. У него просто не было другой возможности поднять этот вопрос, не наткнувшись на ваш категорический отказ. Любовница, я думаю, у него молодая, она не знает таких психологических нюансов. Кстати, есть ли основания подозревать кого-нибудь из девушек в вашем офисе? А то вы, может быть, всё знаете, а нам опять не говорите?

— Нет, — твердо сказала Ксения Аркадьевна. — Красивых девушек, с тех пор, как мы женаты, в офисе нет.

— Эх, начать бы вам свой рассказ с этого! А вы: моего мужа затерроризировали письмами... Бедный муж, в одном помещении с которым вы не рискуете оставлять красивых девушек! Ну-с, хорошо. Ксения Аркадьевна, есть два варианта развития событий. Первый: люди из детективного агентства проверяют принтеры в вашем офисе, а может быть, и у вас дома. Но коль скоро ваш осторожнейший супруг не оставил отпечатков пальцев на письмах и конвертах, то не исключено, что он не пользовался этими принтерами, а просил распечатывать любовницу. Значит, надо установить за ним слежку, чтобы зафиксировать его встречу с ней. Затем, если эта девушка где-нибудь служит, нужно проверить принтеры на ее работе или у нее дома, что сложнее. На это уйдет определенное время, может быть, и немалое. Есть и другой вариант, не исключаящий, впрочем, и первого. Он более быстрый. Вы говорите мужу, что вам всё известно о его роли в истории с письмами и что вы немедленно разводитесь с ним. Он непременно должен почувствовать неотвратимость вашего решения. Не принимайте никаких его объяснений, оправданий, вообще пресекайте попытки продолжить разговор на эту тему. Это ослабит эффект ваших слов. Сказали, как отрезали — и ушли, заперлись, отключили мобильник. У вас, судя по вам, это должно получиться. А еще лучше: уехать на сутки в такое место, о котором он не знает. Но при разговоре с мужем хорошо бы иметь неподалеку охранника, чтобы он мог прибежать на ваш голос. Береженого Бог бережет. Еще неизвестно, какую реакцию вызовет у мужа ваше сообщение.

Ксении Аркадьевне предложение Енисеева не очень понравилось.

— А что это даст? — пожала плечами она.

— Это — проверка. Я не могу ручаться на все сто процентов, что мое предположение правильно. Но его можно проверить. Если ваш муж в задуманном им спектакле с письмами изображает перспективу развода как угрозу самому себе, стало быть, подсознательно он развода больше всего и боится. На данном этапе, во всяком случае, пока он не стал вашим партнером в деле и не получил допуска к финансам. Сейчас для него развод будет означать крушение всего. Когда вы через сутки снова появитесь дома или в офисе, он, если виновен, упадет перед вами на колени и признается во всем. У него два пути: либо этот, в надежде получить прощение, либо убить вас.

— Хорошенькие вы даете советы! — воскликнула женщина.

— Ничего страшного. Скажите мужу, еще при первом разговоре, что написали новое завещание, по которому в случае вашей насильственной или неожиданной смерти ему не достается ни копейки. Ему сразу расхочется убивать вас.

— А если он всё-таки невиновен?

— А если он невиновен, то и не раскается. Будет стоять на своем даже под угрозой неминуемого развода, лишь бы не оправдываться в том, чего не делал. Разве вы станете возводить на себя напраслину в целях поправить финансовое положение? В случае положительного исхода вы удостоверитесь в верности мужа, что для вас, я полагаю, не менее важно, чем найти автора писем. Думаю даже, тогда вам расхочется делать это. А когда вам расхочется, то подметные письма, по некому неизвестному закону жанра, перестанут приходить.

Ксения Аркадьевна задумалась. Потом встряхнула короткой стрижкой и поднялась с кресла.

— Хорошо, я сделаю так, как вы посоветовали. О результате сообщу. Спасибо, — повернулась она к Енисееву, — мне понравилась ваша работа. Резковато... но, может быть, так и надо. Буду рекомендовать вас своим знакомым. Можете присылать мне счет.

— А как же заказанный вами прогноз аналитиков? — с некоторым беспокойством спросил Ступар.

— Включите его в счет. Они же работали. Но мне уже и так всё ясно. До свидания.

Она удалилась, шагая столь же твердо, как и вошла, а может быть, еще тверже, потому что стекла в книжных шкафах задребезжали.

— Не завидую я ее мужу, — пробормотал Ступар, — даже если он писал эти письма.

— Ей я тоже не завидую, — сказал Енисеев. — Ад какой-то, а не жизнь. Уверен, всё она знала о своем муже. И даже насчет писем в глубине души догадывалась. А сюда пришла, чтобы получить подтверждение своим смутным догадкам.

— Но я присоединяюсь к ее словам о вашей работе! Наблюдал с восхищением! Это подлинный класс! Сегодня вы заработали не менее трех тысяч долларов!

— Да? Но я ничего не предсказывал, а отбивал хлеб у ваших аналитиков. Я не испытал даже и близко ничего похожего на состояние, которое испытываю при предсказании. А ведь вы меня хотели использовать как предсказателя.

— Не скажите, не скажите! Со стороны-то виднее! Вы ничем не отличались от наших аналитиков, пока не взяли в руки снимок. Тут вас словно осенило что-то, и вы пошли к истине, как танк, никуда не сворачивая. Что-то подобное делают лишь хорошие экстрасенсы в “Битве”, когда им дают фотографии. Просто предсказание по фото для вас, очевидно, мелочь, не сравнимая с тем состоянием, что вы испытываете, читая будущее. Но для обычных людей ваша работа с портретом выглядит весьма впечатляюще. Мои парни видели фото этого жиголо — не это, так другое. Ну и что? Я сразу понял, что с этой скрытной бабой должен работать кто-нибудь вроде вас. И вы ее моментально раскрутили. Вы и впрямь не знаете всех своих возможностей. Вам обязательно надо поработать здесь, чтобы научиться их раскрывать.

— Не исключено, что вы правы. В общем, это было даже интересно. Давайте договоримся так. Я буду работать по вызову. Соответственно, зарплату мне платить не надо, достаточно будет процента от гонорара, который платит клиент. Какой, кстати, это процент?

— Немаленький. Шестидесят.

— Это вам получается немаленький! Сорок — а за что? За регистрацию клиента? Или, так сказать, за мое “крышевание”? Но не буду спорить. Более того: я отказываюсь и от этих шестидесяти процентов, если напропорочу клиенту несчастье, связанное с угрозой жизни или здоровью. Но отказываюсь не в вашу пользу. Вы тоже не должны их брать. Это мои условия.

— Вот как? Нравственный императив, да? Впрочем, по проблемам жизни и здоровья люди обычно обращаются в другие места, так что мы немного потеряем. Согласен. — Ступар дернул носом, потер руки. — Готовим договорчик и начинаем работать?

— Готовим, но подпишем и начнем работать, когда узнаем о результате разговора Ксении Аркадьевны с мужем. Если я ошибся, то мне нечего здесь делать. Зачем вводить людей в заблуждение?

— Не ошиблись, поверьте моему опыту. Наоборот, теперь, после того, как вы выяснили, кто автор писем, любое другое предположение кажется маловероятным.

— И, тем не менее, подождем.

10

Муж Ксении Аркадьевны во всем признался. Самое интересное, что у него не было никакой молодой любовницы, — во всяком случае, любовницы, замешанной в афере с письмами. Этот человек вовсе не разлюбил свою бывшую жену, имевшую палатку на рынке в Адлере. Напротив, он хотел вытащить ее в Москву, получив после развода с Ксенией Аркадьевной свою долю в ее бизнесе и имуществе. Причем адлерская жена сознательно отпустила мужа на сексуальные заработки к богатой Ксении Аркадьевне, как героиня одного рассказа Зоценко. В итоге вышло не совсем так, как у Зоценко, но столь же плачевно для первой жены.

Впрочем, Ксения Аркадьевна не посчитала нужным сообщить Ступару и Енисееву, простила она мужа или нет. Ступар, выплачивая Енисееву гонорар, спросил с улыбочкой:

— Ну, вам-то уж, наверное, известно, что она решила насчет своего гаишника? Поверила в его раскаяние? Выгнала?

— Нет, не известно. Но я могу попытаться сосредоточиться и узнать. Это будет вам стоить еще три тысячи долларов.

— Вы, я вижу, быстро становитесь на деловую ногу! — захохотал Ступар. — А вы еще опасались! А в итоге и деньги получили, и добродетель восторжествовала! Такое, знаете ли, редко бывает!

— А я не уверен, что добродетель восторжествовала. По-хорошему, так этой Ксении прощать своего мышинного жеребчика не надо. Представьте их жизнь, если они останутся вместе. Это будет похуже, чем в последние два месяца. Жуть и лицемерие.

— Да уж! Гаишнику, чтобы хоть частично реабилитироваться, придется, как в Адлере, отработывать по несколько раз в день! Ну, а разве неправильно будет, если она его выгонит?

— Правильно, если он вернется к первой жене в Адлер. Но он вряд ли вернется после того, как побывал гендиректором крупной фирмы в Москве. Будет заниматься здесь аферами помельче. Но адлерскую подругу сюда не выпишет, да она и сама не поедет от своей палатки в неизвестность. Одно дело быть женой богатого бизнесмена, а другое дело мотаться здесь с мужем, мелким аферистом, по съемным квартирам. В Адлере она хозяйка, а в Москве кто? В этой истории нет добродетельных людей, включая Ксению Аркадьевну, которая свела гаишника, как бычка, со двора у соседки-торговки, и негде торжествовать добродетели. Фиктивный брак, фиктивный развод, фиктивная жизнь... Не люди, а грубо раскрашенные куклы. Не вижу серьезных оснований полагать, что раскрытая афера с письмами послужит им нравственным уроком.

— И всё-таки, согласитесь, было бы гораздо хуже, если бы вы эту аферу не раскрыли. Тут ведь могло дойти и до убийства. Представьте, что гаишник своими подложными письмами так и не добился бы от Ксении равных прав на бизнес. Тогда бы ему пришла голову мысль просто убить ее, чтобы стать наследником по закону.

— Это не исключено.

— Вот видите, а вы говорите, что добродетель не восторжествовала.

— Убийство невозможно исключить и в том случае, если Ксения Аркадьевна всё-таки останется со своим гаишником. Но вы правы в том, что в ближайшее время он на это едва ли решится. Так что Ксения заплатила деньги не напрасно.

Они обсуждали это дело за рюмкой коньяку, как шахматисты обсуждают сыгранную партию, анализируя варианты, и Енисеев поневоле ощущал себя профессионалом в незнакомой доселе области “всеобщего и политического прогнозирования”, и ему это даже нравилось. Это можно было бы сравнить с тем, как начинающий писатель попал в круг писателей признанных, и они на равных беседуют с ним о литературе. Что ни говори, а профессионалами в своем деле нам позволяет осознавать себя полученный за труды гонорар, и такой гонорар, несравнимый с теми грошами, что Енисеев получал за предсказания, замаскированные им под газетные статьи, лежал у него в кармане. Мало ли что доводилось предсказывать Енисееву, в том числе с точностью до минут, как с иркутским и польским самолетами, но это был лишь его внутренний голос, которому поначалу никто не верил, а тут за его голос были готовы платить. И пусть на самом деле это был не внутренний голос и не внешний, а доводы рассудка, позволившие ему считать с фотографии мужа Ксении Аркадьевны его нехороший замысел, но как-то хотелось верить Ступару, что необычные особенности Енисеева тоже сыграли свою роль. Было ли то тщеславие, или результат долгой неуверенности в своих силах, он не знал, но в амплуа вольного предсказателя с гонораром, не отягченного никакими другими обязательствами, он чувствовал себя довольно комфортно. К пророчеству это не имело никакого отношения, да и нельзя комфортно чувствовать себя пророком, но ведь и Ступар прав, когда говорит о бессистемном и случайном характере его успехов.

Так думал Енисеев, начиная свою работу в агентстве Ступара.

Следующий клиент, к которому Лев Данилович позвал Енисеева, появился в агентстве с двумя габаритными охранниками, один из которых занял позицию у входной двери, сложив руки на гениталиях, а второй — в приемной, предварительно внимательно осмотрев кабинет Ступара.

Клиента звали Борис Михайлович. Это был краснолицый толстощекий мужчина лет пятидесяти пяти, с беспокойными хитрыми глазками и вкрадчивыми жестами. Губы его были сложены сердечком, словно он ждал поцелуя в уста или готовился дуть на горячее. Эта иллюзия разрушалась, когда клиент начинал говорить, не изменяя положения губ, так что теперь уже наминал караса. Ступар вел себя с Борисом Михайловичем довольно угожливо, сам подал ему чашку зеленого чая, принесенную секретаршей, осведомился, не хочет ли тот говорить с Енисеевым наедине.

— Мне сказали, что вы человек, которому можно доверять, — покровительственно ответил клиент. — Да и проблему мою вы уже знаете. Так что не вижу разницы, останетесь вы или уйдете.

— Тогда я, с вашего позволения, останусь, — сказал Ступар, которому очень хотелось еще раз понаблюдать работу Енисеева. Однако поначалу он стал свидетелем енисеевского конфуза.

Борис Михайлович минуты две без стеснения изучал представленного ему Енисеева, словно он был экспонатом музея, а потом промолвил:

— Лев Данилыч рекомендовал мне вас как настоящего предсказателя. Но чтобы понять, с кем я имею дело, я хотел бы, например, узнать ваше отношение... — он сделал паузу, — к проблеме “двенадцать-двенадцать”.

— К проблеме чего? — не понял Енисеев.

Ступар поморщился от досады, задергал носом.

— Апокалипсиса, предсказанного календарем индейцев майя, — быстро пояснил он за клиента.

Это тоже ничего Енисееву не говорило. Ему бы сделать вид, что он понял, о чем идет речь, а он вместо этого с иронией переспросил:

— У индейцев майя тоже есть свой Апокалипсис?

Ступар, с краской в лице, скороговоркой рассказал:

— В 1960 году, во время прокладки автомагистрали на юге Мексики, рабочие обнаружили каменную таблицу с частично стертым текстом. Расшифрованные надписи оказались календарем майя, заканчивающимся по воле Болона Октэ, одного из богов майя, 21 декабря 2012 года. Оттого и говорят: проблема “двенадцать-двенадцать”, подразумевая год и месяц катастрофы. Многие ученые и предсказатели считают, что в этот день жизнь на Земле погибнет от прямых лучей солнца, проникающих через озоновую дыру в атмосфере. Неужели не слышали?

— Что-то припоминаю... — пробормотал Енисеев, до которого, наконец, дошло, что как предсказатель он попал впросак, не зная о самом обсуждаемом в последнее время предсказании.

— Это серьезно, как вы полагаете? — поинтересовался Борис Михайлович, с сомнением поглядывая то на Енисеева, то на Ступара.

— Как может быть серьезным календарь с частично стертым текстом? Потом, откуда мы знаем, почему он заканчивается 21 декабря 2012 года? Может быть, потому, что на камне не было уже свободного места?

— Вы шутите?

— Конечно, шучу. А вы хотите, чтобы я говорил серьезно? Приходите с одним вопросом, но заодно желаете узнать, когда наступит конец света. Давайте определимся, по какой проблеме мы работаем.

Клиент переглянулся с шевелящим носом Ступаром.

— Похоже, вы человек с характером, — заметил он. — Я, конечно, не сомневаюсь в том, что сказал о ваших способностях Лев Данилыч, но мне хотелось, прежде чем довериться вам, убедиться в них.

— А, так это проверка. Но вы ее производите по собственной инициативе, ведь господин Ступар меня уже проверял. Что ж, я не возражаю. Но за ваш счет. Это значит, что мой гонорар должен измениться в сторону увели-

чения. А то вы, богачи, любите почему-то получать несколько услуг по цене одной. Хобби у вас такое или жадность, не знаю. Согласны?

Ступар крикнул, а клиент скривил надутые губки и махнул ладошкой:

— Давайте.

— Лев Данилыч, зафиксируйте в своем кондуите. Итак, отвечаю: что бы ни случилось 21 декабря 2012 года, Россия от этого мало пострадает.

— Почему?

— Потому что в Мексике, может быть, всё и сгорит от гибели атмосферы. Там воды мало, особенно пресной, а у нас ее хоть залейся, плюс еще снег и лед в конце декабря. Вода будет испаряться в условиях повышенной активности Солнца и выделять кислород. А это значит, что атмосфера будет восстанавливаться. Как в фильме “Вспомнить всё” со Шварцнегером. Сплошная озоновая дыра над Россией невозможна.

Енисеев говорил, не особенно задумываясь над своими словами, понимая, что проверить их можно будет лишь 21 декабря 2012 года. Но на привередливого клиента они, похоже, произвели впечатление. Борис Михайлович покивал щекастой головой и спросил:

— А может ли 21 декабря 2012 года Земля погибнуть не из-за озоновой дыры и повышенной активности Солнца, а по другой причине?

— По другой причине Земля может погибнуть хоть завтра. Я не гадалка. Вы спрашивали о конце света из-за гибели атмосферы — я ответил.

— Гм... Вы говорили убедительно, но мне кажется, это не предвидение, а обыкновенная логика.

— А что вы знаете о предвидении?

— Да, в общем, ничего.

— И я — ничего. Что же мы будем говорить о том, чего не знаем? Предвидение либо есть, либо его нет.

— Значит, вы не уверены, что оно к вам придет, когда вы будете отвечать на мои вопросы?

— Конечно. Человек, управляющий предвидением, — шарлатан.

— Но ведь я вам плачу именно за предвидение, если вернуться к теме гонорара.

— Вы ошибаетесь. Вы платите за предсказание. С предвидением или без. Вот вы, наверное, любите говорить, что ваше время стоит дорого. А почему дешево должно стоить мое?

— Вы меня не так поняли...

— Я вас понял правильно, — остановил его Енисеев. — Ваши вопросы вызваны тем, что вы уязвлены моими словами о вашей жадности. Они произвели на вас даже большее впечатление, чем ответ на вопрос о конце света. Но ведь это чистейшая правда, не так ли? А вы что — не хотите слышать правду? Зачем же вы сюда пришли? Я считаю, что проверка состоялась. Если вы считаете иначе, позвольте откланяться.

— Илья Петрович, — забормотал Ступар, — у нас так не принято... мы стараемся устанавливать доверительные отношения с клиентами...

— Я тоже стараюсь. Но Борис Михайлович — человек богатый и скупой. И отлично знает об этом. Что же, я должен говорить, что он бедный и щедрый?

— Всё в порядке, Лев Данилович, — успокоил Ступара Борис Михайлович. — Если человек не знает цену копейке, он никогда не станет обладателем больших денег. Илья Петрович не ошибся, просто высказал свою мысль, э-э-э... несколько в некорректной форме.

— Все прочие будут высказаны в такой же. Ступар вас что, не предупреждал? — Енисеев повернулся к Льву Даниловичу. — А как же “Правда, и ничего кроме правды”?

— Хорошо, — выставил вперед пухлые ладошки Борис Михайлович, — оставим это и перейдем к делу. Итак, меня интересуют два вопроса. Первый. Мой бизнес тесно связан с политикой, причем с политикой “Единой России”. Но ее единство, как вам, наверное, известно, вызывает большие сомнения. Вокруг президента Медведева и премьера Путина образовались группировки, борющиеся за власть. Они уже выходят на бизнес, ища финансовой под-

держки. Но при этом не сообщают планы своих хозяев: идут ли они вместе на президентские выборы или один уступает дорогу другому. Это дезориентирует бизнес. Политические ошибки в нашей стране, пожалуй, единственные, которые не прощаются. Ходорковский мог бы жить до сих пор припеваючи, если бы не вздумал поддержать антипутинские силы. Здесь ставки выше, чем на бирже. Погорев на бирже, еще можно подняться, а погорев в российской политике — нет. Поэтому я бы хотел знать: кто будет президентом в 2012 году? Здесь я рассчитываю не только на вашу помощь, но и на помощь аналитиков Льва Данилыча. А вот получить ответ на второй вопрос я больше рассчитываю от вас. — Борис Михайлович замолчал, как бы собираясь с мыслями. Глаза его, и без того, беспокойные, забегали. Он откашлялся и продолжал, не глядя на Енисеева: — Мне поступают угрозы убийства. Несколько дней назад моя охрана обнаружила за мной слежку. Можете ли вы предсказать, насколько серьезны эти угрозы?

— А они как-то связаны с вашей первой проблемой? — поинтересовался Енисеев.

— Напрямую нет. Но жизнь сейчас такова, что исключить ничего нельзя.

— Вы знаете, от кого исходят угрозы?

— Догадываюсь.

— Ну, естественно: ведь за угрозами стоит какое-то конкретное требование. Просто так, без цели, не угрожают. А вы пробовали договориться с этим человеком?

— Он отвечает мне, что не имеет никакого отношения к этим угрозам. Внешне у нас прекрасные отношения. Недавно он сделал мне предложение, от которого я отказался, но разошлись миром, я не заметил в нем даже раздражения. Потом еще несколько раз встречались, обнимались, даже мирно беседовали. О своем предложении он больше не напоминал. Но я знаю: ему нужно не просто, чтобы это произошло, а произошло быстро. Он несколько раз с улыбочкой сказал, когда нам не удалось договориться: “Ну, что ж, не сегодня, так завтра”.

— Ага. А после появления угроз он снова не предлагал договориться?

— Нет.

— А вы?

— На его условиях я договариваться не могу: это переход моего бизнеса в его руки. А мои условия ему не интересны.

— А люди, которые вам угрожают, так прямо и говорят, что вы должны выполнить его условия?

— Нет, конечно. Они же звонят по телефону, я могу это записать. Они говорят: “Вы знаете, что нужно делать”.

— В общем, изображают из себя гангстеров. Насмотрелись боевиков. Но что же, Борис Михайлович, вас некому защитить? Я понимаю, что милиция служит тому, кто больше заплатит, но ведь у вас есть, чем платить. Или вы снова скупились? Помните: копейка и впрямь рубль бережет, но не жизнь. Безопасность богатых людей стоит дорого. Поднимите шумиху в СМИ, что он хочет вас убить, и он едва ли осмелится.

— Видите ли... шумиха... СМИ... милиция — всё это мне невыгодно. Он меня убьет тогда без выстрела. Дело в том, что мы когда-то были партнерами... и он знает обо мне нечто такое, что я не хотел бы предавать огласке. Знаете... девятые годы... Когда мы начинали бизнес, старые законы уже не действовали, а новые еще не начали действовать. Работали не по законам, а по понятиям. Ельцин нас терпел... и нынешние, в принципе, терпят, с одной лишь разницей, что они нас держат на коротком поводке компромата. И мы откупаемся — деньгами или услугами. Только на меня компромат не у властей, а у бывшего партнера.

— Вот как... Здесь еще и шантаж примешивается... Почему же ваш бывший партнер угрожает убийством, а не компроматом?

— Он ничего не получит, если пустит его в ход. Этот компромат на меня — одновременно компромат на него, правда, в меньшей степени. Лично ему ничего не грозит, но моего бизнеса он не получит. Начнется проверка,

и счета, ценные бумаги, операции будут заблокированы. Он может лишь защититься этим компроматом от меня, если я во всеуслышание обвиню его в вымогательстве под угрозой убийства. Дескать: видите, с кем мы имеем дело, разве можно этому человеку верить?

— Всё равно не понимаю. А что он получит, если убьет вас?

— Блокирующий пакет акций как минимум. Он ведь акционер моей фирмы, и без меня сумеет поднять под себя правление и других акционеров.

— Положеньице... Скажите, а на защиту своей охраны вы не надеетесь?

— Охрана усилена. Но ведь могут убить и так, что охрана никакая не понадобится. Вы слышали, как завалили Маневича? Снайперский выстрел с чердака — и всё. А я человек публичный — не могу взять и запереться в четырех бетонированных стенах. Тогда лучше, действительно, отдать бизнес.

— А насколько вероятно, что он может вас убить?

— Но ведь именно это я и пришел у вас узнать!

— Ах, да, — спохватился Енисеев и потер лоб. — Я вот что имею в виду... вы ведь знаете этого человека... к чему он больше склонен — к реальным угрозам или блефу?

— Я бы сказал, что к блефу. Он по натуре игрок. Но в этой игре ставки слишком высоки. Поэтому мне и потребовалась ваша помощь.

— Будем думать.

Енисеев принял удачно опробованную на предыдущем сеансе позу — откинулся на спинку кресла с закрытыми глазами. Однако, как и в первый раз, никаких мыслей в голову пока не приходило. Это, конечно, не касалось вопроса о президентских выборах: будучи автором статьи "Пришел, увидел, победил", он нисколько не сомневался, что Путин снова будет президентом России. И совершенно другое дело — угроза убийства. Откуда ему знать, когда в бизнес-разборках угрожают убить, а когда действительно убивают? Но тут не подметные письма, не адюльтер, не афера, здесь и впрямь, похоже, речь идет о жизни человека. Пусть несимпатичного, толстосума, скопидома, с рыльцем в пушку, как он сам признался, но всё же человека.

Енисеев прислушался к себе: не шевельнулось ли внутри что-нибудь похожее на предвидение. Нет, всё как обычно. Может быть, начать с того же, что и с Ксенией Аркадьевной?

— Мне надо посмотреть фотографию этого человека, — сказал он Борису Михайловичу.

— Ммм... видите ли... — замялся тот, — мне не хотелось бы заранее... ведь если мои подозрения не подтвердятся, то...

Енисеев собрался было ему возразить, что если они подтвердятся, может оказаться слишком поздно, как ощутил какой-то нездешний, пробирающий до костей холод. Он сначала подумал о сквозняке и взглянул на окно. Но оно было закрыто. Холод исходил от сидящего напротив клиента. Казалось, за его спиной распахнули дверь в сырой, промозглый подвал. Енисеев услышал даже запах этого подвала. Это был запах могилы. Со знакомым гулким ударом сердца, отозвавшимся в ребрах, как в своде колокола, он ясно понял, что Борис Михайлович умрет сегодня, сейчас. Енисеев вскочил на ноги.

— Спасайтесь! Ваша жизнь в опасности! — закричал он.

Краснолицый клиент побелел, словно его окунули в хлорку, открыл карасиный рот.

На крик Енисеева в кабинет, выдергивая пистолет из подмышечной кобуры, ворвался стоявший за дверями охранник.

— Где?! Что?! О чем вы?! — в страхе возопил Борис Михайлович, озираясь.

— Не знаю! Но я почувствовал, что вы скоро умрете! Так было и перед тем, как разбился польский самолет! Вы же сами сказали, что вас собираются убить!

— Все ко мне! Быстро! — заорал в рацию охранник. В другой руке он держал пистолет и нацеливал его то на Енисеева, то на Стулара. Потом он бросил рацию на стол, схватил за руку хозяина и оттащил его в угол, подальше от окон.

Енисеев тоже отошел от окна и поманил к себе Льва Даниловича. Но разинувший рот Ступар, похоже, пребывал в ступоре. В кабинет ворвались еще двое охранников с пистолетами — тот, что стоял у входной двери и другой, видимо, водитель. Они принесли бронежилет и стали его напяливать поверх пиджака на Бориса Михайловича.

— Что же мне делать?! — хватая рыбим ртом воздух, спросил он у Енисеева.

— Вы куда сейчас хотели ехать?

— Как всегда — в офис!

— Значит, и убийцы так думают. Не езжайте в офис! Не садитесь в ту машину, на которой приехали! Не делайте того, что собирались сегодня делать! Уезжайте на дачу, а еще лучше в то место, о котором, кроме вас, никто не знает, и спрячьтесь там с охраной. В четырех бетонированных стенах без окон, как сами говорили.

Старший охранник снова схватил рацию.

— База! Вторую машину сюда! Подкрепление! С помповиками и светосумовыми гранатами!

— А дальше? — допытывался задыхающийся в бронежилете Борис Михайлович. — Что мне делать дальше? Так и жить в четырех стенах?

— Спросите у Бога! Я не Бог! Молитесь!

Бизнесмен мелко закрестился и даже поискал глазами на стенах икону, как, очевидно, подсказала ему родовая память предков, но там были только носатые уродцы Шемакина. Енисееву хотелось истерически смеяться.

— Отдайте свой бизнес! Только не своему гаду-партнеру, а государству! Раздайте деньги бедным! Верните их тому, кого обманули или обокрали! Уйдите в монастырь! Спасайтесь!

— Вы шутите? — вскричал возмущенный клиент. — Все крали! Все обманывали! А расплачиваться должен я?!

— Делайте, как хотите, — отвернулся Енисеев.

Лицо Бориса Михайловича снова побагровело, в углах рта появилась пена.

— Мне душно. Хочу на воздух, — распуская узел галстука, прохрипел он и побрел к двери.

Но начальник охраны преградил ему путь.

— Нельзя, шеф. Вторая машина еще не подъехала. На улице могут быть снайпера.

Охранники окружили хозяина и снова оттеснили его в угол. Борис Михайлович с тоской озирался вокруг себя.

— Тогда откройте окна!

— Нельзя, — снова покачал головой старшой. — Могут кинуть гранату.

Клиент обмяк на руках у охранников, стал валиться набок.

— Сейчас, сейчас! Кондиционер! — Ступар, наконец, вышел из ступора, схватил со стола пульт и нацелился в панель кондиционера.

Охранники оттащили Бориса Михайловича к дивану и уложили.

— Сердце!.. — пожаловался он. — Нитроглицерину! Помогите! Отдаю деньги бедным!

— Он что — сердечник? — похолодев, спросил Енисеев у охранников.

Один из них кивнул.

— Где у него нитроглицерин?

— Обычно — в нагрудном кармане.

— Так дайте же ему!

Однако, как назло, достать нитроглицерин из кармашка пиджака не позволял бронежилет. Толкая друг друга, охранники стали расстегивать его. Но Борис Михайлович вдруг изогнулся дугой и забился в судорогах. Из рта его хлопьями полетела пена.

Ступар дрожащими руками схватил телефонную трубку.

— “Скорая”, “скорая”!..

Но “скорая” не понадобилась. Судороги прекратились так же внезапно, как начались. Борис Михайлович обмяк, запрокинул голову, из груди его вырвалось что-то похожее на “ххаа!”. Это “ххаа!” было его жизнью. Или, мо-

жет быть, душой. Борис Михайлович затих, удивленно открыв свой сдавленный с боков, как у карася, рот. Остекленевшие глаза его были неподвижны. Он так и не успел отдать деньги бедным.

Часть вторая

1

Суд приговорил Енисеева к двум годам тюрьмы условно. Он мог бы оказаться и в тюрьме, если бы Ступар и охрана не подтвердили, что опасения умереть от рук наемных убийц у Бориса Михайловича действительно были. Но суд не нашел, да и не мог найти никаких доказательств того, что клиенту грозила смерть от рук киллеров именно в этот день. И, напротив, посчитал, что “так называемое предсказание” Енисеева могло спровоцировать ее. Подавленный случившимся Енисеев, кстати, с этим и не спорил. В сущности, обвинение было право: Борис Михайлович умер напророченной им смертью. А может, и в результате этого пророчества. Енисеев стал орудием судьбы и орудием отнюдь не пассивным: ведь он считал привлекательным для себя сотрудничество со Ступаром. У Енисеева было одно оправдание: он не лгал Борису Михайловичу, говорил то, что думал.

Само собой, в провидческие способности Енисеева судья не поверил, а прокурор даже хотел обвинить его в том, что он напророчил смерть клиенту небескорыстно, с целью получить с него побольше денег. Енисеева спас договор с АВПП, в который по его настоянию был внесен пункт об отказе от гонорара, если прогноз сулит угрозу жизни и здоровью клиенту. Но сам договор свидетельствовал, скорее, против Енисеева. В нем не было слов “пророчество”, “предсказание”: осторожный Ступар избегал их, предпочитая “прогноз”, “консультацию”. Суд посчитал, что Енисеев вышел за рамки договора об оказании услуг аналитического характера, предлагая клиенту принять на веру возможность близкой смерти. По мнению обвинителя, Енисеев вообще не имел права заниматься прорицаниями, поскольку не получал лицензии на подобного рода деятельность.

Рассказ Ступара о том, как Енисеев предсказал гибель самолета Леха Качиньского и поражение на президентских выборах его брата, не вызвал доверия суда ввиду отсутствия свидетелей с польской стороны. Ксения Аркадьевна на просьбу Льва Даниловича выступить свидетелем защиты ответила категорическим отказом и запретила вообще упоминать о своих визитах в агентство: она простила гаишника и не собиралась делать свою личную жизнь достоянием общечеловечности. Правда, в суд хотела пойти Надя с рассказом о предсказании Енисеева в самолете Москва–Иркутск, но он ей не разрешил. Кто поверит показаниям жены обвиняемого? Суд, однако, принял как доказательства представленные Ступаром статьи Енисеева “Пришел, увидел, победил” и “ВОНА начинает, но не выигрывает”, — но как доказательства его аналитических способностей, а не оракульских.

Этот суд, наверное, был вторым после процесса Грабового, обещавшего воскрешать покойников за тысячу долларов, в котором на скамье подсудимых оказался человек, прибегавший в своей деятельности к сверхъестественным силам, или, как еще говорили, применявший “ненаучные практики”. Поэтому маленький зальчик судебных заседаний был переполнен журналистами, в том числе с телевидения. Пребывавший дотоле безвестным Енисеев быстро стал известен. Но он дорого бы дал, чтобы избежать этой известности. Журналисты ждали от процесса по делу о смерти Бориса Михайловича либо сенсационных подтверждений способностей Енисеева, либо разоблачения его как шарлатана и самозванца. Поскольку сенсационных подтверждений на суде не прозвучало, пишущая и снимающая братия выбрала разоблачение. Как говорится, — бизнес, ничего личного. Енисеев увидел себя на экране телевизора в программах новостей, на страницах газет в сопровождении самых ехидных комментариев. Например, одна из заметок о Енисееве называлась

“Консультант без копыта”. А поскольку внешность у него была запоминающаяся, “гофманская”, его узнавали на улицах. Вот тогда Енисеев, у которого трехдневное пребывание в СИЗО после смерти Бориса Михайловича оставило самые неприятные впечатления, даже пожалел, что его не засадили на всё время следствия и суда. Между тем журналисты, когда он буквально убегал от них после судебных заседаний, искренне удивлялись: они считали, что делают Енисееву хорошую рекламу независимо от того, что пишут о нем. Характерно, что так примерно считал и Ступар, надеявшийся вернуть Енисеева к работе в агентстве, когда “всё уляжется”. Он даже поздравил его с “удачным приговором”, в котором сам был заинтересован, ибо трагедия произошла в стенах его заведения.

Сам же Енисеев чувствовал себя примерно так же, как Макбет, узнавший, что Бирнамский лес пошел на Дунсинан. Ему был преподан урок, показавший его истинную роль в многоходовой игре, называемой судьбой. Ступар ли, или вдруг проснувшаяся в нем самонадеянность убедили его в том, что он игрок, а он на самом деле был лишь фигурой на теряющейся в бесконечности доске судьбы. Может быть, не простой фигурой, — скажем, не пешкой, а слоном. Но не ферзем. Скорее так: он был проходной пешкой, метившей в ферзи. И вот лишь один ход, одна клеточка отделяли его от того, чтобы стать ферзем. Будь он игроком, а не фигурой, то заметил бы, что клеточка эта находится под ударом затаившегося по диагонали вражеского слона, но он, игралище чужой воли, не видел поля битвы вокруг заветной клеточки, как не видел дальше пяти метров в тумане на аэродроме “Северный”. Все шли куда-то, и он шел. Точнее, он думал, что идет, а на самом деле кто-то невидимый двигал его в ферзи, а другой кто-то, тоже невидимый, готовил ему ловушку. Он был ферзем всего секунду, до ответного хода противника, убравшего его с доски. Два удара по шахматным часам судьбы — и его нет. Кто из противников по разные стороны этой доски размером со звездное небо был Богом, а кто дьяволом, он не знал. Может, и вообще не было противников. Может, это дьявол играл в человеческие шахматы сам с собой. Бог не устраивает ловушек. Он Вседержитель, а не игрок.

Не об этой ли дьявольской игре говорил Банко в “Макбете”: “Но духи лжи, готовя нашу гибель, Сперва подобьем правды манят нас, Чтоб уничтожить тяжестью последствий”. Дьявол посмеялся над Енисеевым. Борису Михайловичу суждено было умереть в конторе Ступара после предсказания Енисеева о его смерти. Он был одновременно и ее провозвестником, и причиной. Он-то метил лишь в провозвестники, а дьявол определил его в палачи. Правда состояла в том, что Борису Михайловичу был страшен вовсе не наемный убийца, а Енисеев с его предсказанием. Енисеев же знал о своей роли только подобье правды, но не знал ее последствий. И не просто последствий, как, не затрудняясь, перевел слова Банко Пастернак, а — “ужасающих последствий”. Пытаясь спасти Бориса Михайловича, Енисеев лишь приблизил его кончину. Не было ли это запоздалым указанием на то, что все его пророческие потуги, с самого их первого появления, являлись искушением на погибель другим людям? И ему самому?

Как он теперь напоминал себе безумца из тютчевского стихотворения, который

*То вспрянет вдруг и, чутким ухом
Припав к растреснутой земле,
Чему-то внемлет жадным слухом
С довольством тайным на челе.*

*И мнит, что слышит струй кипенье,
Что слышит ток подземных вод,
И колыбельное их пенье,
И шумный из земли исход!*

После суда вокруг Енисеева образовалась пустота. У него и раньше-то не было друзей — лишь несколько приятелей в журналистской среде, а теперь

и они его избегали. Репортажи с процесса породили мнение, что он в целях наживы в агентстве Ступара выдавал свои журналистские навыки, в частности, аналитические, за провидческий дар, нарушив тем самым профессиональную этику. Но бывшие приятели опускали глаза при встрече с Енисеевым даже не по этой причине, поскольку сами всегда были готовы заработать ради нарушить эту самую этику, только помани. Почему-то считалось, что Енисеев использовал для прогнозов в агентстве Ступара услышанную в редакциях конфиденциальную информацию, поэтому главные редакторы строго-настрого запретили своим сотрудникам болтать с ним. Все газеты и журналы, для которых в разное время работал Енисеев, закрыли свои двери для него. Никому не было интересно, что в АВПП Енисеев занимался предсказаниями лишь дважды, при этом деньги получил всего один раз, от Ксении Аркадьевны, да и то вернул их Ступару еще до суда. Завораживала и, наверное, вызывала зависть сама сумма вознаграждения за сеанс — три тысячи долларов. Это же было в три раза больше, чем брал Грабовой за воскрешение мертвых!

Ступар предлагал Енисееву трудиться у него консультантом негласно, за “черный нал”, но он отказался. От одного воспоминания о ступарском кабинете с шемякинскими уродцами по стенам, на которых крестился несчастный Борис Михайлович, его мутило.

Ошельмованный, всеми отвергнутый, Енисеев сидел дома, выходил на улицу только ночью, почти не разговаривал с Надей. Он мог с полным основанием сказать о себе словами лермонтовского “Пророка”:

*Когда же через шумный град
Я пробираюсь торопливо,
То старцы детям говорят
С улыбкою самолюбивой:*

*“Смотрите: вот пример для вас!
Он горд был, не ужился с нами.
Глупец, хотел уверить нас,
Что Бог гласит его устами!”*

*Смотрите ж, дети, на него:
Как он угрюм и худ и бледен!
Смотрите, как он наг и беден,
Как презирают все его!”*

Хуже всего было то, что Енисеев, в отличие от лермонтовского Пророка, даже и не пытался или почти не пытался провозглашать “любви и правды чистые ученья”, а жил по законам мира злобы и порока.

* * *

Енисеев сидел в знакомом ночном кафе. Бармен, как всегда, смотрел футбол по висящему над стойкой телевизору. Он покосился на Енисеева, доставшего из кармана плаща “мерзавчик” виски, и сказал:

— Со своим спиртным запрещается.

— А с чужим? — захохотал Енисеев, опустошивший за день уже не один “мерзавчик”. — Кто тебе сказал, что оно мое? Это не выпили “випперсоны”, а я допиваю.

— Вы должны заказывать спиртное здесь.

— На какие шиши? Я покупаю у тебя спиртное, когда просто выпиваю, а когда я пью, то, извини, пью свое. У меня еще, думаешь, есть деньги на виски? Вон оно сколько у тебя стучит. А мне еще всю ночь пить. — Он позвенел бутылочками в кармане. — Слышишь? Это моя Надечка приносит. Скоро запасу конец. Хочешь? Небось, не твое, не паленое.

— У нас — не паленое. — Бармен был явно раздражен, что Енисеев не

давал ему смотреть футбол. — Получается, что вы приходите сюда, как к себе домой, и распиваете. А какая заведению от этого выгода?

— Здравьте! Это ты мне, постоянному клиенту, говоришь? Мало я у тебя денег оставил? Ну, возьми меня, выгони, я уйду и больше не приду.

— Толян, не гони, — сказала плоскогрудая проститутка с полными ножками, подразумевая, что бармен говорит чепуху, а не гонит Енисеева в прямом смысле слова. — Какая тебе разница? Пусть сидит. Это же наш Пророк, его даже по телевизору показывали. Не видел, что ли?

— Да видел, — отмахнулся Толян. — Он по три тыщи баксов за сеанс заколачивал, а теперь говорит, что ему полсотки виски заказать не на что. Ты же не сидишь здесь просто так: кофе, колу берешь. Пусть и он себе хоть закусить закажет.

— Решено! — вскричал Енисеев. — Всем по хот-дого! Гулять так гулять! И тебе, Анатолий, хот-дог, чтобы не обидно было! Не хочешь моего виски, ешь свой хот-дог!

— Хот-догов я не ем, — отказался бармен, — а виски можно.

— Вот! А то как-то не по-русски получается: “Со своим нельзя!”. А почему? Лъзя! Не ищи, Анатолий, во всем выгоды, — назидательно говорил Енисеев, протягивая ему бутылочку, — я вот искал и получил два года условно. А теперь я безработный. Я теперь, как этот... Саркози. Кстати, где он? — спросил Енисеев у проституток. Те переглянулись.

— А угадайте, — предложила проститутка с пирсингом. — Вы же пророк.

— Чего тут угадывать, — горестно сказал Енисеев и отхлебнул из бутылочки. — Что-то мне подсказывает, что Саркози, он же Че Гевара, ушел от нас в мир иной.

— Точно! — изумилась девушка. — Причем умер здесь. Скажите честно, вы знали?

— Знал, не знал, какая разница? — пробормотал он, покосившись на столик, за которым сиживал “Саркози”. — “И в том строю есть промежуток малый — Быть может, это место для меня!” Он умер, и теперь место его свободно. Вопрос: для кого? — Енисеев обвел взглядом проституток. Их было трое; третью, чернявую, он видел впервые.

— Всё у вас наладится, — сказала плоскогрудая. — Подумаешь: два года условно.

— А клеймо обманщика и шарлатана? Это — условно? В чем и кого я обманул? Я сказал человеку, что он умрет, — и он умер. И если он даже умер от моего предсказания, разве предсказание не верно?

— Вы только нам ничего такого не предсказывайте, — попросила девушка с пирсингом.

Енисеев махнул рукой, снова взялся за бутылочку. Бармен вышел из-за стойки и поставил перед ним бокал и бумажную тарелочку с хот-догом, прямо из микроволновки.

— О! Спасибо! Весь день ничего не ел!

— А что же: ваша Надечка вас только виски поит? — поинтересовалась плоскогрудая.

— Моя Надечка... — задумчиво сказал Енисеев, откусив хот-дог. — Моя Надечка — далеко...

— Вы, значит, без женской ласки? А хотите, я вас приласкаю? Недорого.

— Нет, девочка, это будет дорого, — покачал головой Енисеев. — Не в смысле денег. Надечка — это единственное, что у меня осталось.

— Значит, вы жене не изменяете?

— Нет, не изменяю. И никогда не изменял.

— А она вам? Жены изменяют пьющим мужьям.

Енисеев тяжело устался на нее. И эта туда же!

— Разве он пьющий? — усомнилась девушка с пирсингом. — Первый раз его вижу таким. Обычно возьмет сто грамм — и всё.

У кафе, полоснув по окнам светом фар, остановилась черная “субару”. Чмокнула дверь, выпустив из салона залп долбящей музыки.

— Ну, всё! — воскликнула плоскогрудая. — Сейчас начнет мозги компостировать!

В кафе вошел Владик — длинный, вертлявый тип с интеллигентской бородкой.

— Опять сидим, дамы? — приветствовал он девушек. — Ждем у моря погоды? А из мужиков здесь один Пророк, которому вы на хер не нужны? А не хотите ли вы, девушки, прогуляться?

— Мы уже днем гуляли, — хмуро ответила плоскогрудая. — А сейчас опасно, “черные” везде шастают.

— Ты это брось! “Черные” что — не клиенты?

— Клиенты, но ты же знаешь — они прибабахнутые или обкуренные, любят на халяву потрахаться. Да еще навалятся на тебя всей компанией, так что потом полдня ходить не можешь, не то что работать. Нам это надо, даже если они заплатят? Контрацептивов не признают. А чуть что не так — бьют или ножик достают.

— Ты это Зульфие Исмаиловне скажи! Она расизма не любит. Нет, дамы, так не пойдет. Работать или не работать! Не нравится — устраивайтесь по вызову, там с вас за эскорт процентики будут драть. На улице больше перепадает, но есть свои риски. Вы это знаете лучше меня. А про тех, кто не платит и ножки достает, вы мне сразу по телефончику сообщайте. Их свои же “авторитеты” как миленьких заставят бабки отдать. У нас уговор.

Всё это Владик говорил, нисколько не стесняясь наголо бритой девушки с небольшой косицей на шее, сидящей в углу за ноутбуком (Енисеев ее пару раз здесь раньше видел). Проститутки поднялись и, вызываяюще покачивая бедрами, направились к выходу. Владик проводил их взглядом, потом повернулся к Енисееву.

— Здорово, Пророк! Поздравляю, хорошо отделался! А скажи честно, ты специально того богатея завалил? Ты же не любишь богатеев.

Пьяный Енисеев прищурился.

— А хочешь, я тебя завалю? Одним взглядом? Прожгу твое поганое утро.

— Нет-нет, — неподдельно испугался Владик, — не надо. Я не богатый. У этой скупердяйки Исмаиловны много не заработаешь. Девки молотят задками, а она всё гребет себе, гребет... Понимаю, тебе не резон признаваться, что ты его завалил. Но всё равно, скажу тебе, — классно! Сначала предсказал, что он коньки отбросит, а потом завалил! Не подкопаешься! Так им и надо, богатеям! И всего два года условно получил. Сидишь тут теперь, вискарником освежаешься, а он — в деревянном макинтоше лежит. Чистая работа!

— Ну, всё, подручный бандерши! Прощайся с жизнью!

— Пророк, ты офигел? Я же за тебя! Всё о-кей! Ухожу, ухожу. — Владик повернулся было к двери, но поймал на себе взгляд смотрящей исподлобья лысой девушки и развинченной походкой кривонногого человека направился к ней.

— Девушка! Я смотрю, вы тут работаете одна по ночам. Не хотите ли познакомиться с интересным мужчиной?

— А кто этот интересный мужчина — вы, что ли? — низким голосом поинтересовалась девушка.

— Ну, я.

— Вы — не интересный.

— Неужели? Тогда могу предложить поинтересней.

— Иди, куда шел, — вмешался Енисеев. — Мало тебе своих шалашовок?

— Слушай, Пророк, я на работе, чего ты цепляешься? Может быть, девушке деньги нужны и она хочет подработать?

Девушка покраснела, как говорят, до корней волос, если бы они у нее были. А так — у нее вслед за лицом покраснели уши и вся обритая голова.

— Дурак, — сказала она и отвернулась.

Владик пожал плечами и вышел, поигрывая ключами от “субару”.

Енисеев аккуратно налил себе виски в бокал, выпил, с надеждой посмотрел на бармена Анатолия — не хочет ли он поговорить. Но тот уткнулся в свой телевизор.

- Понравилось виски?
- Хорошее. Спасибо.
- А кто играет?
- “Милан” с “Ювентусом”.
- А-а. “Милан” проиграет один — два.

Бармен от досады сплюнул.

— Ну, кто вас просил говорить?

— Эх, — прокряхтел Енисеев. — Никому-то мои предсказания не нужны.

— А чего вы не идете со своими предсказаниями в тотализатор? Денег заработаете. Сами же говорили, что безработный.

— Хорошая мысль! А то я к Стунару, дурак, пошел. Только теперь уже поздно. Упустил я свое счастье! Мою личность показали по телевизору, и теперь двери всех тотализаторов, казино, игровых автоматов передо мной хлопнутся. Финиш!

Тут телекомментатор заорал:

— Мохаммед выходит один на один! Промахивается по мячу! Отдает мяч назад Дель Пьеро! Удар! Го-ол!!! Алессандро Дель Пьеро! Шестьдесят пятая минута! Два — ноль, впереди “Юве”!

Анатолий немного поблудел и опасно покосился на Енисеева.

— Ну, что я тебе говорил? — осклабился тот. — Правда, “Милан” забьет один, но всё равно проиграет.

— Может быть, вы знаете, и кто забьет у “Милана”?

— Не вопрос. Ибрагимович, — назвал, не задумываясь, Енисеев самого известного ему игрока “Милана”. Ему, конечно, было совершенно безразлично, кто на самом деле выиграет этот матч и кто в нем еще забьет, но хотелось подразнить этого надутого Анатолия.

Бармен попался на уловку. Глаза у него забегали. Он подумал, воровато оглянулся на бритоголовую девушку и тихо сказал:

— Пройдет пара месяцев, и все забудут, что там о вас показывали по телевизору. Никто вас уже не узнает. Так что можно будет спокойно играть в тотализаторе. С казино, игровыми автоматами сейчас сложно. А букмекерские конторы спокойно работают. Хотите, войду в долю? Введу в курс дела, объясню, что и как.

— За всё потом придется платить, Анатолий! — сказал Енисеев и выпил. — За каждый выигранный рублик! Поверь, лучше не надо. Ни тебе, ни мне. Особенно — мне.

— Что-то никто из круглых не платит, — усомнился Анатолий. — Воруют и живут себе припеваючи.

— Почти то же самое сказал бизнесмен, которому я напроорочил смерть. Через несколько минут он умер.

Бармен уныло повернулся к телевизору. Ему только и осталось, что проверять правильность енисеевского прогноза. Енисеев перевел взгляд на лысую девушку. Она ела заказанный им хот-дог. Девушка была ничего себе — с пухлой нижней губкой, длинным правильным носиком, бровями вразлет. Губкой этой, ну и, конечно, наголо обритой головой она напоминала певицу Шинед О’Коннор.

Девушка поймала его взгляд и отложила недоеденный хот-дог.

— Да вы ешьте, ешьте!

— Не люблю, когда смотрят, как я ем. Кстати, спасибо за хот-дог.

— А глоточек виски?

— Я понимаю, что вам выпить не с кем, но я не пью. Точнее, пью с удовольствием, но у меня и от граммочки спиртного крышу сносит.

— Вот как? И во избежание неприятностей вы постриглись наголо?

— Шутка не очень, — заметила девушка.

— Да, не очень, — согласился Енисеев. — Я и сам не очень. Мне для выпивки компания не нужна. Особенно дамская. Мне поговорить не с кем, это точно. А вы чего здесь торчите с ноутбуком по ночам? Это не самое веселое место. Вам работать негде?

— Негде. У нас в общежитии еще днем можно работать, а ночью — пьянки, мужики. А здесь тихо, народу мало.

— Над чем же вы работаете?

— Я писатель.

— О! — Енисеев взял бутылочку и пересел к ней. — Вы позволите? Можно прочитать кусочек?

— Нет, — девушка покраснела и отодвинула от него ноутбук.

— Стесняетесь?

— Нет, мои тексты есть в интернете в свободном доступе. Но читать кусочек прозы — это всё равно, что смотреть кусочек картины.

— Читать уже необязательно, — заявил Енисеев. — Вашего удачного сравнения достаточно. Похоже, вы и впрямь писатель. Не знаю, хороший или плохой, но — писатель.

Девушка опустила глаза. Видно, комплимент ей был приятен.

Монотонное бормотание футбольного комментатора снова сменилось воплем.

— Антониони навешивает в штрафную! Ибрагимович бьет головой! Го-ол!!! “Милан” сокращает разрыв в счете! Восемьдесят первая минута! Златан Ибрагимович!

— Ну вот, — повернулся Енисеев к вправшему в оторопь бармену, — сбывается очередное дурацкое предсказание Пророка.

— Может, это в записи игру показывают? А вы уже знаете счет? — с кислейшей гримасой на лице предположил Анатолий, которого, видимо, одолевали назойливые мысли о баснословных выигрышах в тотализаторе.

— А что у тебя там в углу экрана написано? Не “прямой эфир”?

— Да, “прямой”... Но мало ли... Написали: “прямой”, а сами запись показывают.

— Ты тут сидишь вечера и ночи напролет, смотришь специальный футбольный канал и не знаешь, когда начинаются матчи в итальянской лиге?

— Ну, в двадцать два сорок пять по Москве.

— А сейчас сколько?

— Двадцать одна минута первого, — пробормотал бармен и пододвинул к себе калькулятор. — Два тайма по сорок пять плюс перерыв пятнадцать минут... час сорок пять... прибавляем к двадцати двум сорока пяти... отнимаем девять минут... Точно, двадцать четыре двадцать одна!

— Теперь еще кто-нибудь сказал бы мне, зачем я продолжаю играть в эти игры, — с тоской сказал лысой девушке Енисеев. — Что это — мелкое тщеславие? Мало меня высекли? Зачем-то издеваюсь над Анатолием, соблазнил его мечтой о выигрышах в тотализаторе... Посмотрите на него! А ведь я знать не знал и ведать не ведал, кто там у них выиграет, “Ювентус” или “Милан”. И не знаю, кстати, потому что они еще играют.

— Вы предсказываете результаты футбольных матчей, и поэтому вас называют Пророком? — спросила девушка.

— Ну, нет, футбольный результат я предсказал второй раз в жизни. Первый раз — в детстве, в “Спортпрогнозе”.

— Что же вы предсказываете?

— Да, в сущности, что попало. А вы телевизор не смотрите? На всех программах в новостях показывали, как меня судили.

— У меня нет телевизора. За что же вас судили?

— Мне тяжело рассказывать о том, как я стал читать в очах людей странные злости и порока. А тем более о том, как решил брать за это деньги. Если вам интересно, выйдите в интернет, наберите в поисковике “Илья Енисеев”. Там обо мне много гадостей написано. “Консультант без копыта”! А я пока выпью. — Он достал новую бутылочку.

— Илья Енисеев, говорите? — Девушка склонилась к ноутбуку.

— Звучит финальный свисток судьи! — объявил по телевизору футбольный комментатор. — “Милан” проиграл у себя дома на “Сан-Сиро” “Ювентусу” один — два!

— Всё точно, поздравляю, — выдал из себя бармен, на лбу которого выступили капли пота. — Значит, вы сказали девушке неправду. Вы всё-таки знали, как закончится матч. И Ибрагимович забил.

— Да, да... — пробормотал Енисеев. — “Но духи лжи, готова нашу ги-

бель, Сперва подобьем правды манят нас, Чтоб уничтожить тяжестью последствий”...

Но Анатолий, похоже, не понял этой фразы. Он вышел из-за стойки, подошел к Енисееву и сказал ему на ухо с каким-то мрачным огнем в глазах:

— Вы всё-таки подумайте насчет тотализатора. Дело выгодное.

— А как же! Всю ночь теперь буду думать. Анатолий, когда нас разоблачат за предсказания на тотализаторе, то дадут гораздо больше, чем дали мне, и не условно. Уж букмекеры об этом позаботятся. Не парся, вышей лучше.

— Теперь я угощаю. — Бармен взял с полки бутылку “Чивас Ригл” и наполнил бокалы.

— О! Это от души! Выпьем и твоего.

— Хотелось бы с вами поговорить на трезвую голову и наедине. Не дадите телефончик?

— Не дам. Не думай о глупостях, Анатолий. Стриги денежки со своего кафе и наслаждайся жизнью.

— Какие деньги? С кого? — он обвел рукой помещение. — Едва хватает аренду платить. Пока не грянули холода, все сидят с бутылками на скамейках. Кризис! За ночь придет пара пидоров, да, может быть, девчонки клиентов на консумацию расколот. Разве это жизнь? Вы всё же зайдите, скажем, завтра, если не хотите дать телефон.

Енисеев сделал неопределенный жест рукой.

— А куда мне еще ходить? Забудь только о тотализаторе.

Бармен отошел, криво улыбаясь.

— Так, ясно... — сказала девушка, подняв голову от ноутбука. — Точнее, ничего не ясно. Так вы предвидели смерть этого человека или, действительно, хотели создать у него психологическую зависимость от ваших предсказаний?

— Да на кой ляд мне эта зависимость? Я почувствовал, что он труп, понимаете? И всё!

— А как вы думаете: он умер бы, если бы вы ему это не предсказали?

— Он умер, потому что в этот день должен был умереть. А мне, к сожалению, выпала малоприятная роль сказать ему об этом. Может быть, и приблизить смерть. Какая разница?

— Ну, если вы пьете бутылочку за бутылочкой, значит, есть разница. А то, что умер этот, как его... Саркози? Как вы узнали?

Енисеев оглянулся на столик, за которым сживал “Саркози”.

— Из этого угла холодом тянет. Когда вы думаете о живых, то ощущаете некое тепло. Но когда дело касается мертвых, то чувствуете пустоту и холод. Попробуйте.

— А вы можете сказать, когда я умру?

— Могу. Но вы имейте в виду, что меня редко посещают озарения в виде пророчества, чаще всего я просто говорю первое, что в голову придет. И оно, представьте, нередко сбывается. Так было с результатом матча, который смотрел Анатолий. Но ваша жизнь — не футбольный матч. Я думаю, лучше не пробовать. Предсказание пьяного пророка — это рулетка.

— Если кому-то нужно в метро, то оно скоро закрывается, — объявил бармен. Он знал, что Енисеев живет где-то рядом, и хотел, видимо, выпроводить девушку, чтобы без помех склонить Енисеева к игре на тотализаторе.

— Мне не нужно, я на Добролюбова живу, здесь не очень далеко, но всё равно пойду, потому что уже поздно, — сказала она.

— Я вас провожу, — вызвался Енисеев к досаде Анатолия.

— Как хотите, — улыбнулась девушка. — Но только прошу вас... без приставаний.

— Какие приставания? Я женат.

Девушка закрыла ноутбук. Енисеев допил “Чивас Ригл” от бармена, встал, его качнуло.

— Боюсь, это мне вас придется провожать, — оценивающе глядя на него, предположила девушка.

— Не волнуйтесь, это всего лишь сила земного тяготения. Она на пьяных действует несколько иначе, чем на обычных людей. Знаете, как на ко-

рабле во время качки? Матроса бросает во все стороны, но он идет. Техника пешего хода не пропивается. Нужно только умело сохранять баланс. Прошу.

Звякнув колокольчиком, они вышли на улицу. Девушка была небольшого роста, миниатюрной и стройной, чего не могла скрыть даже ее мешковидная джинсовая куртка до колен. Накрапывал мелкий дождик. Ночь, постылый мир Енисеева. Пустота. Фонари. Вымершая платформа “Тимирязевская”. Над ней, в аспидной черноте ночи, висел колыхающийся пузырь желтого электрического света. Желтые снопы фар с шипением проносились по антрацитовому Дмитровскому шоссе. От черных луж поднимался желтый пар. В лужах съезжились мокрые желтые листья и желтые банановые корки. Черное и желтое — цвета московской ночи.

Енисеев и девушка уходили из желтого в черное вдоль пустых торговых рядов на пристанционной площади. Эхо разносило звуки их шагов. Влажный воздух приятно охлаждал разгоряченные спиртным щеки Енисеева. Выпитое виски ровно гудело в крови. Будущее отступило. Прошлого не существовало. Похмелье будет завтра.

Девушка вынула из кармана шерстяную шапочку и надела на голову.

— А зачем вы голову обрили? — спросил Енисеев. — Эта мода вроде бы у девушек прошла.

— В знак протеста.

— Против чего?

— Против парикмахерских. Вы когда-нибудь задумывались над тем, сколько времени женщина тратит на прически?

— Я перестал задумываться. У меня нет будущего.

— А вот у Глобы есть. У него, в отличие от вас, сейчас самая горячая пора. На сайте Глобы написано, что двадцать первого декабря две тысячи двенадцатого года погибнет две трети человечества. Поэтому он рекомендует всем немедленно запастись его гороскопами, чтобы знать, кто попадет в ту треть, которая не погибнет.

— Это понятно. И каждый, получивший его гороскоп, узнает, что попал в заветную треть. Это как-то успокаивает насчет последствий катастрофы “двенадцать-двенадцать”.

Они вышли на улицу Яблочкова и двинулись в сторону улицы Гончарова. Девушка вдруг остановилась и взяла Енисеева за рукав.

— Всё, что я сегодня прочитала и услышала о вас, было очень интересно. Я даже подумала, что было бы неплохо написать про пьющего пророка, получившего условный срок. Как вы к этому относитесь?

— И вы туда же, — отмахнулся Енисеев. — Вы напишите лучше про непьющего пророка, получившего весь мир. Чего вы всё пишете про неудачников?

— Кто — я? Про неудачников? Ну, в общем, да... А откуда вы знаете, вы же ничего не читали? Только не отвечайте мне фразой из Булгакова, это очень обидно. Потому что я сама похожа на неудачницу?

— Вы похожи на юную писательницу, обриту наголо, и больше ни на кого. Просто все русские писатели, даже самые удачливые, пишут про неудачников. Может быть, они таким образом заклинают неудачу?

— Не знаю: я, как и все люди, хотела бы быть счастливой и удачливой, но не хочу писать о счастливых. Счастье, наверное, не нуждается в описании. А может быть, всё дело в том, что абсолютно счастливых людей нет. Пророк, получивший весь мир, — он счастлив?

— Я не об этом. Что для пророка счастье? Счастлив, наверное, только пророк Илия, взятый живым на небо. Кстати, вот проза! Я имею в виду место в Библии, где описано чудо с Илией. “...Колесница огненная и кони огненные, и разлучили их обоих, и понесся Илия в вихре на небо. Елисей же смотрел и воскликнул: отец мой, отец мой, колесница Израиля и конница его! И не видел его более”. Вот это понимаю! “Колесница Израиля и конница его”! Что там наше земное счастье или несчастье? Елисей после чуда вознесения Илию уверовал в силу пророческого слова безоговорочно, бесповоротно. Желая, чтобы перед ним, как и перед Илией, тоже расступились воды Иордана, он говорит: “где Господь, Бог Илии, — Он Самый?”. Пред-

сказатель-неудачник, вечно терзаемый сомнениями, так не воскликнет. Елисей не просит: “Дай, Господь!”, он спрашивает: “Где Господь?”, ни на миг не сомневаясь, что Он где-то рядом. И воды снова расступились. Вот вам пророк, получивший весь мир. Он всегда может рассчитывать на помощь Бога. Помните, у Гумилева?

*“В оный день, когда над миром новым
Бог склонял лицо Свое, тогда
Солнце останавливали словом,
Словом разрушали города”.*

А мы, говоря словами того же Гумилева, Слову “поставили пределом скудные пределы естества”. Поэтому и пишем только о неудачниках.

— Всё это здорово звучит... но я не очень религиозна... да и пророков себе представляла иначе, чем вы рассказали. Одно дело — Нострадамус, Ванга, другое — Илия и Елисей. Да и вы на них непохожи. Вы похожи на Гофмана. Как я могу писать о пророке, получившем весь мир, если не знаю, что это за мир? А мир, в котором вас осудили на два года условно, мне более-менее знаком.

— Да, я не Илия и не Елисей, — с горечью сказал он, — а всего лишь Илья Енисеев. Простите за дрянной каламбур! Но я же родился на Илию Пророка, второго августа, и родители назвали меня, по совету верующей бабушки, Ильей! Что-нибудь это да значит? Хотя один старец послушал этот мой лепет и сказал: “Это значит всего лишь то, что пророк Илия — твой небесный покровитель. И больше ничего”. На самом деле я, со своим непонятным даром, такой же, как вы. Чтобы изобразить меня, вам лучше просто писать о себе.

— Может быть, для вас просто, а я не поняла. Объясните.

— Ваш дар, как и мой, можно использовать по-разному. Словом можно останавливать солнце, разрушать города, а можно поставить ему пределом скудные пределы естества и зарабатывать с его помощью деньги. Писатели сегодня — те же астрологи и лжепророки. Глоба предлагает человечеству спасительные гороскопы, а писатели — забвение. Посмотрите на меня, и вы увидите вариант своего будущего, которого я вам не желаю и не предсказываю. Я не состоялся ни как пророк, ни как шарлатан-лжепророк, что самое унижительное. Я, со своими способностями, подлинными или мнимыми, оказался у разбитого корыта. Вот вам правда обо мне в мире, в котором нет правды. Говорить ли вам, что многих способных писателей ждет та же судьба? Что писатели делятся не только на настоящих художников и преуспевающих халтурщиков, а еще и на тех, кто оказался у разбитого корыта? И что этих, третьих, больше всего? Так зачем же вам писать о пьющем пророке, получившем условный срок?

Они дошли до перекрестка и свернули на улицу Гончарова, под державную сень насупившихся сталинских домов. Девушка шла молча, может быть, размышляя над тем, что сказал Енисеев.

— Интересно, в какой же категории окажусь я, — наконец сказала она. — Вы можете это предсказать?

— Я вашего имени даже не знаю, а вы меня второй раз просите предсказать будущее!

— Ой, простите! — как-то по-детски улыбнулась писательница. — Елена.

— Очень приятно. Елена, тут и предсказывать нечего. Вы уходите из общежития, чтобы писать в кафе, а халтурщик пишет где угодно, даже если у него над ухом кричат десять человек. Знаю по журналистской работе. Стало быть, вы не халтурщица, и попадете в первую или третью категорию.

— Довольно оттекаемо... Я и сама так могу пророчествовать.

— Конечно, можете! А я о чем? Ведь всё зависит от вас! Главное — не попасть во вторую категорию. А от третьей до первой расстояние не такое большое, как кажется. Правда, пройти его удастся далеко не всем.

— Понятно. Вы довольно деликатно намекаете, что я окажусь у разбитого корыта.

— Нет, мне просто кажется, что третьей категории вам не миновать. Неужели вы и сами не знаете этого? В ней лишь важно не застрять, как безнадежно застрял я.

С Гончарова свернули на Добролюбова. Елена вдруг остановилась.

— Давайте постоим. Не хочется к себе идти. Там все гении, а поговорить не с кем.

— Давайте, мне-то всё равно, меня дома никто не ждет. И бутылочка виски еще есть.

— Вы сказали в кафе, что ваша жена далеко... А где это — далеко?

— На небе.

— Ой! — девушка прижала руки ко рту. — Простите!

— Нет, вы меня не так поняли, — усмехнулся Енисеев и суеверно перекрестился. — Она стюардесса.

— Фу-у... а я-то испугалась... ведь вы говорили о ней в кафе, как о живой, и вдруг — “на небе”!

— Мне следовало сказать: “в небе”, но я уже чуть-чуть утратил контроль над правильной речью. Надо освежиться. За здоровье Наденьки, успешный полет и возвращение! — он достал “мерзавчик” и сделал глоток.

— А знаете, что: дайте и мне, — вдруг попросила Елена.

— Нет возражений! А как же “крыша”?

— Общежитие рядом, уже не так страшно.

Енисеев обтер горлышко рукавом плаща и протянул ей бутылочку. Она отпила и задохнулась, замахав перед ртом ладошкой.

— Ух-х... ужас! Я пила раньше только разбавленное... с тоником или со льдом. Как вы его тянете его из горлышка без закуски?

— После литра это уже всё равно. Обжигает только изнутри.

— Вы выпили литр виски?!

— К сожалению, больше. Правда, за целый день.

— Но от этого же можно умереть!

— Как пророк я не вижу себя умершим от виски. А потом, я же не изнеженный европеец, японец или американец.

— Тепло стало, хорошо! Дайте еще.

— Вот! Так эти литры и выпиваются: глоточек за глоточком. Видите — оно вас уже не обжигает. Так вы со мной сопьетесь, и к пьющему пророку добавится еще пьющая писательница. Не увлекайтесь!

— Нет. Я попросила виски для храбрости.

— А чего вы боитесь? — Енисеев оглянулся по сторонам; на темной улице Добролюбова не было ни души. — Меня, что ли?

Она улыбнулась.

— Как раз наоборот. Вы, наверное, очень порядочный человек, сколько бы ни выпили... Я предупредила вас насчет приставаний, и вы не сделали ни единой попытки... хотя мне было бы интересно посмотреть, как это у вас получается. А я чувствую... в общем... я вдруг подумала... не знаю, как сказать... Короче, если бы вы хотели остаться сейчас со мной, то я бы не стала возражать. Вот. — Она, как школьница, спрятала руки за спину и неуверенно улыбнулась.

Енисеев заглянул ей в глаза; Елена не отвела взгляда.

— Вы серьезно?

— Ну, если девушка согласна остаться с мужчиной, это достаточно серьезно. Надеюсь, вы поняли, что я вам предлагаю не то, что дамы в кафе.

— Ну, естественно!

— Только пойдете к вам, в общежитии неудобно. Можно, но лучше не надо.

Енисеев сразу как-то протрезвел.

— Леночка, объясните... Я вам понравился, что ли?

— А я вам?

Он положил ей руки на плечи.

— Очень! Но я не стал бы к вам приставать и без предупреждений с вашей стороны.

Девушка опустила глаза; он почувствовал, что ее тонкие плечи под его ладонями напряглись.

— Потому что не изменяете и никогда не изменяли своей жене? — прошептала она. — Это правда?

— Это правда. Причем, скажу вам честно, я вовсе не уверен, что она мне не изменяет. Но дело в том... в общем, когда мы познакомились, у самолета, в котором мы летели, отказали два двигателя. Она выглядела очень испуганной и несчастной. И тогда я предсказал, что через двадцать минут моторы заработают.

— И они заработали?

— Да, ровно через двадцать минут. Мы потом оказались в одной гостинице, познакомились... В том, что она меня полюбила тогда, мое предсказание в самолете имело большое значение. С тех пор немало изменилось, мы несколько отделились друг от друга... Но с моей стороны не изменилось главное: когда она в воздухе, я не то что ей не изменяю, а даже не подступаю к другим женщинам. Слово предсказав тогда, в иркутском рейсе, избавление от катастрофы, я взял на себе здесь ответственность за ее жизнь в воздухе. У меня такое ощущение, что если я изменю ей, то оставлю без защиты, предам.

— Вы очень любите ее?

— Да. Наверное, той любви, что прежде, между нами уже нет, но мне довольно того, что есть. Я не представляю себе жизни без нее.

— Повезло человеку!

— Кому именно?

— Да вашей Наде, конечно. Без особых хлопот, как я поняла, ей достался умный, тонкий, порядочный человек с необычайными способностями, хранящий верность во время всех ее отлучек. И это при том, что сами вы сомневаетесь в ее верности.

Енисеев, в жизни не слышавший столько комплиментов в свой адрес, растерянно глядел на Елену. Как ни был пьян, он понял, что означала горечь в ее словах: она тяжело переживает унижение женщины, первой предложившей себя мужчине и нарвавшейся на отказ.

— Леночка, я знаю, как вы сейчас уязвлены... — пробормотал он.

Девушка отвела взгляд, губы ее задрожали.

— Да уж, это непростое для моего самолюбия, — сдавленно сказала она, справляясь с собой. — Пытаться затащить в постель податого женатика и услышать “нет”... такое с женщинами, особенно с интересными женщинами, бывает в одном случае из ста. Или, может быть, в одном из тысячи. И надо же: этот случай оказался мой. — Елена попыталась улыбнуться, но на глаза ее навернулись слезы.

— Это не случай, Леночка, это судьба — моя тяжелая, неподъемная ни для кого, кроме меня самого и, может быть, Нади, судьба. Пусть то, что я думаю о своей мистической роли на земле, пока Надя в воздухе, — бред, предрассудки, но это бред и предрассудки человека, предчувствия которого часто сбываются. И я просто не имею права ими пренебрегать.

— Да, да, я понимаю... Вы правы.

— Ты. Давай на “ты”. Мы пили из одной бутылочки.

— Это был единственный интим, который между нами случился, — невесело усмехнулась она. — Хорошо: ты прав. Что дальше? Только не говори: “давай останемся друзьями”.

— Почему? У меня нет друзей.

— У меня тоже. И вечные проблемы с мужиками. Хорошие все заняты, а те, которым нравлюсь я, не нравятся мне. Особенно сверстники.

— Мужчина, нужный тебе, тебя найдет. Проблем с мужиками только у шлюх нет. Но мужчины любят не шлюх, а женщин, приносящих волнение неутоленной страсти. Это властное томление женской плоти по мужской есть та наполненная до краев чаша, которую должен испить мужчина, чтобы полюбить. Чувственно полюбить, по крайней мере. А, пригубивая со дна других чаш, он лишь утоляет свою похоть, не более того. То, что ты называешь проблемами с мужиками, и есть полная чаша, которую ты несешь своему муж-

чине. Ты его еще пока не видишь, но он-то тебя увидит, будь спокойна. Просто это происходит не сразу. Терпение — единственное, что тебе необходимо.

— Это томление женской плоти по мужской может изобразить любая шлюха.

— Да, может. Она лишь не может подарить мужчине неповторимое ощущение, что он выпил из полной до краев чаши. Это, как ни стони, как ни извивайся, не получится, если чаша почти пуста.

— Ты меня заводишь впустую этими разговорами, а не успокаиваешь. Я пойду, а то тебе придется испить полную чашу прямо здесь. Я же тебе говорила, что у меня крыша едет, когда я немного выпью.

— Дурочка, я же тебе будущее предсказал, как ты просила.

— Спасибо. Но я тебя не это будущее просила предсказать. А про твою полную чашу любая женщина знает. Только она наполняется непросто. Представь девушку, не девственницу, но разборчивую в отношениях с парнями: она не просто терпит, неся какому-то дураку свою чашу, она еще и физически страдает от женского одиночества, пока вы всю пригубляете из других чаш.

— Не все и пригубливают. Это женский предрассудок — думать, что все настоящие мужики — сластолюбцы. А настоящие — это парни с неутоленной страстью, стесняющиеся взглянуть женщинам в глаза. Они тоже страдают. Но если уж дорвутся до вас...

— Прощай. — Она повернулась и пошла к своему общежитию, находившемуся на углу Добролюбова и Руставели.

Енисеев допил бутылочку, швырнул ее в урну и побрел за Еленой, дабы убедиться, что к ней не пристанет по пути какой-нибудь ночной гуляка. Она шла, не оглядываясь, размахивая сумкой с ноутбуком, но, видимо, чувствовала его присутствие за его спиной, потому что у дверей общежития обернулась и сказала:

— Ладно, будем друзьями. Увидимся у Анатолия?

— У Анатолия или в другом месте. Где-то у меня была последняя визитка... Вот, возьми. Позвони, и твой телефончик у меня отразится.

Елена взяла мятую визитку, встала на цыпочки и поцеловала его в щеку.

— Привет Наде! — И исчезла за дверями.

Енисеев постоял, закурил, а когда двинулся в путь, вдруг понял, что идти не может, как это часто бывает с пьяными, которые неплохо держатся на людях, но совершенно “разваливаются” в одиночестве. До дому же было не менее двадцати минут ходу. Он стоял, держась за дерево, пока не услышал шум автомобиля. Покачиваясь, Енисеев выбежал к проезжей части и, ослепленный светом фар, замахал рукой, но тут же пожалел об этом. Это был милицейский патруль.

Машина затормозила, в окошко выглянул мент.

— Что случилось? А, Пророк! Загулял в условном заключении? А хорошо ты тому олигарху предсказал! Ты чего?

— Мужики, не подбросите домой? Чего-то идти не могу.

— Ну, еще бы, от тебя такой выхлоп, что я сам запьянел! Может, в вытрезвитель?

— Не, ну какой вытрезвитель? У меня же условный срок. Домой! Я заплачу.

— Ладно, залезай.

2

— Что за Елена тебе прислала эсмэску с телефоном? — Надя стояла в головах у Енисеева с его мобильником в руках.

Енисеев с трудом открыл глаза и с еще большим трудом оторвал голову от подушки. Он спал одетый, — спасибо, что без ботинок. В комнате — полумрак. Что это: утро, день, вечер? Шторы задернуты — Бог его знает. Наверное, день: Надя планировала вернуться из рейса после полудня.

— Который час? — пролепетал он высохшим языком.

— Кто такая Елена? — повторила свой вопрос Надя.

— Елена? Не знаю.

— А почему она шлет тебе эсмэски? И откуда знает твой телефон?

Это были тяжелые, жестокие вопросы с похмелья. Какая Елена? Какие эсмэски? Тут он вспомнил.

— А, Елена? Это писательница. Живет на Добролюбова, в общежитии.

— Ты был у нее в общежитии?

Енисеев задумался. У общежития он был. Да, был. И там она... Память возвращалась к нему постепенно, в шахматном порядке.

— Нет, ни в каком общежитии я не был, — уверенно сказал он. — И вообще, если ты думаешь... ну, в том смысле, что об этом обычно думают... то ничего не было. То есть вообще ничего.

— А почему ты дал ей свой телефон?

— Ну, мы поговорили с ней... В ночном кафе на “Тимирязевской”. Она хотела написать обо мне... Я сказал, что не надо...

— И поэтому дал ей телефон?

Енисеев сел на постели, от чего у него в голове качнулась какая-то гиря и перед глазами мелькнули огненные шары, и уставился на Надю. Подобный допрос она ему устраивала впервые. И в мобильник его заглядывала впервые, — а если и заглядывала, то ему об этом не говорила.

— Надюша, ты чего? Я же не проверяю твой телефон. Ну, дал и дал. Что тут такого? Мало ли кому я даю свой номер? Она писатель, с ней есть о чем поговорить...

Надя сунула ему мобильник в руки и села в кресло напротив.

— Эсмэска пришла несколько минут назад, когда ты спал. Я услышала сигнал и взяла посмотреть: вдруг что-то важное? Не хотела тебя будить. И увидела еще звонок с того же номера, на который ты не ответил. В начале третьего ночи. Видимо, вы очень интересно поговорили, раз она решила позвонить тебе в такое время.

— Да не в этом дело! Она позвонила, чтобы ее телефон у меня отразился, как мы договорились.

— Ага, значит, это ты первый дал ей телефон. Но она, видишь, волнуется, что ее номер у тебя не отразился, и поэтому послала еще эсмэску. Вы хотите снова встретиться и еще поговорить?

— Так, погоди, — выставил вперед ладони Енисеев. — Я не так быстро соображаю, как ты задаешь вопросы. Голова не работает. Надо поправиться. Извини.

Он, качнувшись, встал, подошел к бару, стараясь держаться ровно, что ему не очень удалось, взял “мерзавчик” виски и отправился на кухню, чтобы не похмеляться на глазах у Нади. Там Енисеев дрожащей рукой вылил виски в стакан, проглотил, передернувшись, и запил водопроводной водой. В голове немного прояснилось. Он закурил сигарету. В комнате, между тем, раздавался немелодичный перезвон бутылочек. “Бьет она их, что ли?” Енисеев полез в холодильник, где еще оставалась пара “мерзавчиков”, и переложил их к себе в карман, чтобы иметь запас на всякий случай. После этого он вернулся в комнату.

Шторы были отдернуты, в окна лился тусклый осенний свет. Злая, оттого еще больше красивая Надя сгребала из бара в полиэтиленовый пакет бутылочки с виски, джином, текилой, коньяком, водкой.

— Ликвидация? — не без сожаления поинтересовался Енисеев.

— Да, ликвидация. Рано или поздно это должно было кончиться плохо. Ну, спрашивается: зачем я вслед за другими девчонками таскаю эти бутылочки? Ведь мне они не нужны. Все таскают, и я таскаю. А ты теперь спишь этим ворованным виски. Да еще, наверное, писательницу Елену угощаешь. Всё, хватит. Будет мне наука. Пей, если хочешь, но я тебе помогать спиваться не буду. — Она взяла тяжелый погромыхивающий мешок и отнесла его в прихожую.

— На мусорку? То-то божкам будет счастье!

— Пусть хоть им будет счастье.

Енисеев присел. Виски заиграло в крови, изгоняя из тела похмельную тяжесть и тоску. Продолжать разговор, затеянный Надей, не хотелось, хоте-

лось сидеть с сигаретой у окна, вкушая горьковатый мед похмелья, но и не продолжать было нельзя. Он прочистил горло и сказал:

— Ты спрашиваешь, хотим ли мы снова встретиться и поговорить? А почему нет? Надо же мне с кем-то говорить! Знакомые по прежней жизни меня теперь за версту обходят.

По светлому личику Нади пробежала тень. Она подошла к Енисееву, глядя в глаза.

— А со мной? А со мной тебе не о чем поговорить? Ты же со мной теперь почти не разговариваешь! Тебе не интересно? Ну, еще бы: я же не писательница!

— Я думаю, что тебе не интересно.

— Почему ты так решил? Потому что я простая стюардесса?

— Нет, потому что ты и так обо мне всё знаешь.

— Так ли уж всё? Я не знала, например, что тебя интересуют молодые писательницы. Она же молодая?

— Молодая. И лысая. То есть бритая наголо.

— Отлично. Тебя на остренькое потянуло, Енисеев?

— Надя, я когда-нибудь тебя обманывал? Я же сказал: ничего не было. И быть не могло.

— А я не говорила, что было. Но я не верю, что быть не могло. Если мужчина подолгу разговаривает с молодой женщиной ночами, то кому-то из них кое-чего хочется. Вопрос только в том, кому — тебе или ей. Или хотелось вам обоим, но ты до поры до времени сдержался?

Енисеев облизал пересохшие губы. Надя попала в точку, но рассказать ей о том, чего вдруг захотела минувшей ночью Елена, он не мог, потому что в таком случае намерение и дальше встречаться с ней выглядело, действительно, двусмысленно. Он всё же обманывал Надю, точнее, не говорил ей всей правды, и признаться в этом себе было неприятно. Но почему именно она заставляет его отчитываться — она, которая по полгода не ночует дома?

— Надя, я был, вообще-то, пьян. Не слегка пьян, а сильно, так что никаких женщин мне не хотелось. А чего хотелось ей, меня не касается. Мы разговорились, а поскольку я давно ни с кем не разговаривал, то как-то втянулся. А ты, когда тебе доводится бодрствовать в аэропортах ночами, совсем ни с кем не разговариваешь?

— Разговариваю. И могу рассказать, с кем и о чем. Но тебе же это не интересно. Когда-то ты меня спрашивал, как прошел полет, что я делала после полета в другом городе, а сейчас вообще ничего не спрашиваешь. Раньше мы хотя бы разговаривали на другие темы, а после смерти твоего клиента из тебя слова не вытянешь. Я поняла это так, что теперь тебе вообще не хочется разговаривать с людьми, и решила терпеть, но оказалось, что с некоторыми людьми, причем женского пола, ты не прочь подолгу общаться ночами.

— А если бы я общался днем, тебя бы это тоже волновало?

— Волновало бы. До того, как мы стали близки, мы разговаривали, и много разговаривали. Для тебя это имеет значение, я знаю. Если же ты молчишь со мной, я понимаю это так, что ты ко мне охладел. Ты разлюбил меня? Ответь, пожалуйста, мне это важно. Мне нет еще тридцати. Я живу со странным человеком, от которого многое готова была терпеть, но при условии, что он меня любит. Если же этот человек меня не любит, не разговаривает со мной, пьет, не работает, но при этом охотно заводит женские знакомства на стороне, то мне кажется правильным дать ему свободу. И подумать, наконец, о себе.

Енисеев, как всякий похмельный человек, в начале этого разговора испытывал чувство вины и склонен был почти во всем соглашаться с Надей, но постепенно его стало одолевать раздражение. Она живет со странным человеком? Когда он женился на ней, ему было плевать на то, что она стюардесса. А между тем замужняя стюардесса — это редкость, на них предпочитают не жениться, и не только из-за их работы, мало совместимой с супружеской жизнью, но оттого, что стюардесс считают не слишком разборчивыми в отношениях с мужчинами. Да им, наверное, и трудно быть слишком разборчивыми из-за кочевого образа их жизни. Енисеев плюнул на все эти обы-

вательские соображения и, не задумываясь, женился на Наде. И она вышла за него замуж, взяв на размышления всего ночь, хотя практически с самого начала их знакомства знала, что он весьма странный человек. Теперь же Надя не то чтобы ставит ему это в вину, но подчеркивает некую жертвенность того, что она, вся такая нормальная, вышла замуж за не очень нормального человека, возомнившего себя пророком. Да, Надя, наверное, вправе упрекать его в том, что он не работает, в то время как она не вылезает из полетов и копит деньги на будущую жизнь. Но ведь он соблазнился предложением Ступара отчасти и потому, чтобы приносить домой больше денег. И Надя поначалу — он видел — была рада такому решению. Если бы не трагическое фиаско у Ступара, он бы, как прежде, зарабатывал себе понемногу в газетах и журналах, — не столько, конечно, сколько зарабатывала Надя, но ведь нахлебником он у нее не был, оплачивал квартиру и прочее, потому что большую часть своей зарплаты она клала в банк под проценты. А теперь к газетам и журналам Енисеева на пушечный выстрел не подпускают, и он, в дополнение к тому, что человек странный и с недавнего времени пьющий, получил еще упрек в том, что он безработный. По форме это было справедливо, а по сути не очень. И Надя могла оказаться безработной, но он бы и не думал упрекать ее в этом, зная, сколь несладок был ее хлеб. Жили бы на его журналистские заработки победнее, но не нищенствовали бы.

А еще царапнуло Енисеева то, что он не позволял себе выказывать свою ревность, когда в прежние времена Надя рассказывала что-либо о мужчинах из своего экипажа, особенно о том, как им случалось проводить вместе время между полетами, а Надя это сделала весьма активно при первом подвнувшемся случае! Да, Енисееву тоже казалось сомнительным, что ее общение с пилотами в других городах ограничивается походами в магазины или кафе — прежде всего потому, что это едва ли интересно пилотам. Но он загонял свои сомнения внутрь, не давая им разрастаться, потому что ревность, отпущенная на волю, быстро душит или подчиняет себе все другие чувства.

Надя же и не подумала проявлять дипломатию относительно кафешного знакомства Енисеева и сразу стала ставить вопросы ребром. Конечно, в истории с Еленой не так всё было просто, и, если бы не Надя, он бы, конечно, переспал с ней, независимо от того, сколько выпил. Но он с Еленой не только не спал, но и не предпринял никаких попыток для этого и поступал так всегда, когда открывались некие возможности во время отсутствия Нади. Потому что всё, что он говорил Елене об ощущаемой им мистической ответственности за жизнь Нади, было правдой. Потому что было правдой то, что он ее любил. Теперь же почему-то требовалось доказывать Наде правдивость того, что он делал без всякого принуждения. Уязвляла и легкость, с которой Надя была готова поверить обратному. Ей кажется правильным подумать, наконец, о себе, в то время как он, получая порой вполне определенные сигналы от других женщин, думал только о ней.

Енисеев молчал, несколько удивленная Надя тоже.

Проще всего было бы сказать в ответ на вопросы Нади, что он любит ее. Однако ему казалось унизительным делать это сейчас, когда она поставила ему, безработному, впавшему в меланхолию и запившему, некие условия. То, что Енисеев почти не разговаривал с Надей, совершенно не значило, что он в ней не нуждался, — напротив, теперь нуждался в ней больше, чем когда-либо. А зависимые люди, особенно люди похмельные, весьма болезненно относятся к предъявляемым им требованиям, когда слабы.

— Ты свободна, — проронил, наконец, тусклым голосом Енисеев. — Я не вижу в своей жизни никакого просвета. Почему ты должна мучиться со мной? Женский век короток. Я съеду к родителям.

Надя разгладила юбку на коленях. Она казалась спокойной, хотя лицо ее осунулось.

— То есть для тебя встречи с этой Еленой важнее, чем наша жизнь?

— При чем здесь Елена? Мне нет до нее никакого дела. Я познакомился с ней вчера, пьяный. Что я Елене? Что мне Елена? Ни Елена, ни любая другая женщина, узнав меня, жить со мной не захочет. Ты терпела меня, спасибо. Хватит тебе терпеть.

— Я не просила для себя свободы. Я сказала, что ты можешь быть свободным, если хочешь.

— Это одно и то же. На фиг тебе моя свобода? Всех волнует только своя свобода. Ты, действительно, еще можешь выйти замуж, родить детей. А что со мной? Это всё равно, что жить с сумасшедшим.

— Ты не ответил на мой вопрос: ты больше не любишь меня?

— Я понимаю, женщинам важен этот вопрос. Это как необходимая юридическая формальность или отпущение грехов. Приняв решение расстаться с мужчиной, женщина должна для очистки совести решить вопрос с любовью. Люблю ли я тебя? Да какая тебе разница, если ты меня не любишь?

— Я этого не говорила.

— А что ты говорила? “Я живу со странным человеком, которого готова терпеть при условии, что он меня любит”? Где тут твоя любовь? Ты готова терпеть меня, если я тебя люблю, но одной любви, очевидно, тебе недостаточно, и поэтому ты предъявила мне дополнительные условия: не пить, работать, чаще с тобой разговаривать и не встречаться с молодыми писательницами. Раньше я всё это делал без напоминаний, а теперь, извини, не могу, пребывая в депрессии. А когда я из нее выйду, я не знаю. Так что, действительно, лучше расстаться.

— Тебе, я вижу, эта идея понравилась, и ты схватился за нее обеими руками, стоило только намекнуть.

— А ты зачем намекала?

— Чтобы привести тебя в чувство.

— Я пришел в чувство! И честно смотрю правде в глаза. Что я могу для тебя сделать? Я даже не смог вытащить тебя из стюардесс.

— Ты стесняешься, что я стюардесса?

— Нет, но ты не стесняешься этого. Как ты можешь ревновать меня к какой-то эсэмэске, если заставляла меня ревновать годами, улетая из моей жизни с мужчинами, хорошо знающими о твоём прошлом до меня?

— Что-что? — Надя даже привстала. — О каком прошлом? С какими мужчинами?

— Ну, с кем ты там работаешь? С пилотами, штурманами, бортинженерами, стюардами... Что ты на меня смотришь такими глазами? Ты же была близка с каким-то пилотом, сама говорила.

— Ты что, намекаешь, что стюардессы — проститутки?

— Не цепляйся к слову! Под прошлым я имею в виду жизнь до меня.

Надя легко, словно не касаясь пола, сделала шаг к нему и вцепилась в щечину. Удар ее тоненькой руки был тяжел: голова Енисеева откатнулась сантиметров на двадцать.

— Еще! — зажмурившись, попросил он. — Для равновесия. С похмелья очень бодрит.

— Знаешь что, Енисеев? — сказала она, глядя на него с презрением. — Иди-ка ты... сам знаешь куда. Мое прошлое тебя не касается. Мне за него не стыдно. Я начала работать вскоре после школы, потому что мама болела. Работу свою люблю, хотя она и нелегкая. Да, влюблялась, как многие девушки, но не в каждого встречного-поперечного. Я улетала от тебя не с мужчинами, а работать. В том числе и с мужчинами, конечно. Ты тоже в редакциях работал с женщинами. Я никогда не спрашивала, что ты делаешь тут без меня. Сегодня — первый раз. И лучше бы не спрашивала. Я узнала о тебе много такого, чего знать бы не хотела. Ты, оказывается, считал меня чем-то вроде путаны. Спасибо тебе за это.

— Слушай, мы тут погорячились... — сказал, почесывая щеку, Енисеев.

— Нет, мы не погорячились. Мы выяснили правду. Мы расстаемся, как ты хочешь. Найди себе не путану. Без прошлого.

— Не надо мне без прошлого! Я просто говорю, что оно у тебя есть, как и у меня, как у всех. Ты же не девственницей была, когда мы?.. Я всего лишь имел в виду...

— Я понял, что ты имел в виду. Прощай. — Она резко повернулась и направилась к двери.

— Стой, ты-то куда уходишь? Я же сказал, что уйду к родителям.

— Ну, это твоя квартира. Что я здесь буду делать одна, наездами? Живи ты, как раньше, а я поеду к маме. Вещи потом заберу, сейчас устала. Деньги в секретере оставляю тебе, а уж когда кончатся, не знаю, что тебе делать. Придется все же где-то работать.

Енисеев, не зная, что делать — силой ли пытаться задержать Надю или умолять ее остаться, стоял, не двигаясь, у окна. “Ты ее удержишь, а дальше что?” Слышал, как она одевалась в прихожей, как вжикнула молнией сапог, и не двигался. Он еще мог перехватить ее у двери, но не сделал этого. Дверь защелкнулась.

* * *

Он всё стоял у окна, когда зазвонил домашний телефон. Это было теперь редкостью, — разве что его родители звонили или Надина мама. Енисеев, испытывая острое нежелание разговаривать с кем-либо, некоторое время смотрел на надрывающийся аппарат, потом всё-таки подошел и снял трубку.

— Да.

Но ему никто не отвечал.

— Алё!

Молчание. Енисеев бросил трубку на рычаг. Кто это — Лена? Но она не знает его домашнего телефона. А кто еще мог звонить сюда, он представления не имел. Да какая разница? Енисеев достал из кармана “мерзавчик” и долго глядел на него. “Вот теперь моя палочка-выручалочка... Живи, не горюй! Потом — по помойкам, бутылки собирать”.

Он осушил “мерзавчик”, лег, закурил. В комнате снова был полумрак — дело шло к вечеру, за окном по-настоящему стемнело. Мир был серым и словно покрыт бархатным слоем пыли, лишь огонек зажатой в пальцах сигареты на краткий миг освещал его. Енисеев раздавил огонек в пепельнице, посыпались искры. Это было похоже на его жизнь. Огонек уже потушен, погаснут и искры. Что дальше? Пить — и умереть? Нет, не наложить на себя руки, а просто пить и ничего не жрать. Так умер этот актер... как его... Галкин. Попытался встать, и разорвалось сердце.

Енисеев полез в карман за другой бутылочкой, но его заставил вздрогнуть звонок в дверь. Это была еще большая редкость, чем телефонный звонок. А вдруг это Надя? По домофону-то никто не звонил! Вернулась! Передумала! А почему звонит? Ну, понятно — ключ оставила здесь! Он вскочил с кровати, зажег свет и бросился открывать.

На пороге стоял бармен Анатолий.

— Привет! — сказал он.

Енисеев открыл рот в изумлении.

— Ты... чего?

— Да вот, пришел в гости.

— Откуда ты знаешь, где я живу?

— Узнать нетрудно. Надо поговорить.

— О тотализаторе, что ли? — догадался Енисеев. — Боже, какая чушь! Вот подбросил идейку идиоту! Слушай, ты сумасшедший!

— Можно мы войдем?

— Кто это — мы?

Анатолий шагнул в сторону, и в проеме двери появились сбоку две фигуры. Енисеев запоздало сообразил, что надо захлопнуть дверь, но рослый мужик в черном пальто толкнул его в грудь и втиснулся в прихожую, за ним последовал другой мужик и Анатолий.

— Ребята, вы чего? Вам чего надо?

— Поговорить надо.

— О чем? Я вас первый раз вижу.

— Познакомимся. Это твоя жена полчаса назад вышла?

— Какое вам дело?

— Да никакого. Красивая. Жалко, если что-нибудь с ней случится. Ну

что — мы так и будем здесь стоять? — осведомился мужик в черном пальто. — Может, пройдем? — Он надавил плечом на Енисеева и вытеснил его из прихожей в комнату.

Здесь, на свету, Енисеев смог рассмотреть своих “гостей” получше. Человек в пальто имел красное, бутристое, практически безбровое лицо со странными шрамами на щеках — в виде крестиков. Второй мужик, в коже, был стрижен под бобрик, черен лицом, носат и периодически, как лошадь, делал движение шеей вперед, словно воротник тер ему холку.

— Ефрем, — представился рослый со шрамами и кивнул в сторону носатого, — а это Макс. Ну, а Толяна ты знаешь.

Между тем, Макс, задевший в прихожей пакет с бутылочками, всё оглядывался на него, двигая шеей.

— Ханка, бля буду, — пробормотал он Ефрему, — полный пакет!

— У него этого добра полно, — пояснил сумрачный Анатолий. — Же на откуда-то таскает.

— Да? Покажите мне это место, я тоже хочу. Жалко, что я за рулем, а то бы вышли за знакомство, — подмигнул Макс Енисееву.

— Слушайте, вы блатные, что ли? — не выдержал тот. — Идиот, зачем ты их привел? — повернулся он к Анатолию.

— Чтобы ты был поговорчивей. Ты, кажется, своей выгоды в жизни не знаешь, — объяснил Ефрем. — Ну, что, Пророк, замутим дельце?

— Парни, я не деловой. Идите вы на “три”!

— Мы не парни, — внушительно возразил Ефрем. — Это ты парень. А мы, чтоб ты знал, — люди. Поэтому посылать нас не надо. Здоровее будешь. Лучше скажи мне, зачем тебе мешок ханки? Будешь пить, балдеть, да? Тебе своих мозгов не жалко? Или у тебя есть запасная печень? Чего ты разнюнился, сопли распустил? Сунули два календаря условно? За такие приговоры люди солидные бабки платят и радуются, что на свободе. Пора тебе, Пророк, заняться спортом, вести здоровый образ жизни. С тем, что ты умеешь, побольше можно заколачивать, чем у Ступара. Толян дело говорит. Надо по полной программе крутить тотализатор. Там ведь как делают “бабки”? Любой пацан знает: договорные матчи организуют. Слабый вдруг выигрывает у сильного, а лавэ в карманах у букмекеров. Но ведь им со многими делиться надо: есть люди, “крышующие” этот бизнес, есть игроки, есть тренеры, есть судьи. С тобой же проще: ты можешь, не влезая в цепочку, предсказать и договорный результат. Ты ведь будущее предсказываешь, а договорный результат тоже будущее? — Этот вопрос в устах Ефрема прозвучал почти что философски. — Но один ты не справишься, только засветишься. Тебя быстро вычислят и сдадут “мусорам”. А может, и замочат. Тебя никто не должен видеть. Ты будешь сидеть себе дома и выдавать результатки. А остальным мы займемся. “Крышу” обеспечим. Ну и, само собой, войдем в долю. И тебя не обидим, и сами внакладе не останемся.

— О-о-о! — застонал Енисеев. — Кому вы поверили? Говорю вам точно: ваш Толян сумасшедший! Он чокнулся на футболе, потому что смотрит его сутками напролет! То, что он рассказывает о вчерашнем матче, было пьяным приколом!

— Нет, ты подожди, — остановил его Ефрем. — Ты сказал, что “Ювентус” выиграет у “Милана” два — один и что последний гол забьет Ибрагимович?

— Сказал, — подтвердил Анатолий. — Там с ним девка еще молодая была, под “ноль” стриженная, она тоже слышала.

— Ну? — повернулся Ефрем к Енисееву. — Какой же приколом? Значит, ты знал?

— Да не знал! Это просто совпадение!

— Хорошее совпадение! Слушай, ты, конечно, мужик умный, но и мы не дураки. И футбол тоже смотрим. Как ты думаешь, Макс, если “Милан” играет у себя дома с “Ювентусом”, то на чью победу народ больше ставит?

— Тут и думать нечего, — двинул шеей Макс. — На победу “Милана”, конечно. В крайнем случае — на ничью.

— Вот! А ты, пьяный, взял и предсказал победу “Юве”! Он в футболе понимает, Толян?

— Понимает, — кивнул Анатолий. — И даже помнит, когда в итальянской лиге вечерние матчи начинаются. Я было сказал, что футбол, наверное, показывают в записи, и он уже слышал результат, а он мне: “Во сколько в Италии матчи начинаются? Посмотри на часы!”

— Какое же совпадение? — развел руками Ефрем. — Наугад, спьяну, ты бы предсказал победу “Милана”, а не “Юве”. А ты отслеживал ситуацию. Толян усомнился, а ты его убедил.

— Но “Ювентус” уже выигрывал один — ноль, когда я предсказал! Парни... э-э-э... люди... я могу наудачу “попасть” и предсказать результат одного матча, но делать это регулярно у меня не получится! Проверено!

— Кем проверено?

— Мной! Когда я был подростком, появился этот... “Спортпрогноз”. Я играл раза три. В первый раз я угадал все матчи первого тура чемпионата СССР по футболу, кроме одного — “Спартак” — “Нефтичи”. Бакинский “Нефтичи” тогда хорошо играл, в том числе и на выезде, а “Спартак” обычно начинал чемпионат плохо. Вот я и поставил им ничью. Но “Спартак” выиграл — 4:1. Мне потом один взрослый болельщик сказал: “Ну как же ты “нарисовал” им ничью? “Спартак” хорошо играет в “комнате”. Он имел в виду, что “Спартак” играл в крытом стадионе “Олимпийский”, на искусственном газоне. Да только откуда я знал, где он будет играть? За семь угаданных результатов из восьми я занял второе место и получил выигрыш в тридцать шесть рублей. Купил себе на них модные “вареные” штаны и блузу-толстовку. Второй раз я уже играл на хоккейные результаты, допустил несколько ошибок и не получил никаких денег. То же самое было в третий раз — не помню уж, в каком спорте. И я бросил “Спортпрогноз”.

— Ну и что? Ты же еще не был пророком?

— Не скажите! Я уже к тому времени предсказал войну в Афганистане! С тотализатором этим получится, как со “Спортпрогнозом”. Несколько раз выиграю, но больше — проиграю. С таким же успехом вы и Анатолия можете использовать. Вам это надо?

— Ты должен постараться, — пристально глядя на Енисеева своими маленькими сверлящими глазами, сказал Ефрем. — Без труда... как это?.. не вытацишь рыбку из пруда. Как ты предсказываешь другие вещи? Вот и здесь так же предсказывай. Напрягись, Пророк, и огреби “бабки”!

— Да это же не только от моих усилий зависит! Ну, как вам объяснить? У меня, как и у вас, нет органа для предсказаний. Мне помогает что-то извне. И на добывание денег оно не настроено.

— Рассказывай! Видали по “телеку”, как оно не настроено! А три тыщи баксов за сеанс?

— Вы всегда верите “телеку”? У меня всего два сеанса у Ступара и было! Первый — пробный, я не знал, что деньги за него получу, да и не предсказывал ничего, просто сам догадался, что к чему. А во втором случае, когда было настоящее предсказание, речь шла о несчастье, связанном с угрозой жизни, а я за такие вещи деньги не брал. Так и указано было в договоре. Так что за деньги не получится!

— А с угрозой для жизни получается?

— В общем, да.

— Тогда для твоей жизни есть угроза. Сначала мы тебе выколем глаза, потомотрежем уши, потом, если не образумишься — голову.

— Нет, сначала отрежьте язык, потом отрубите руки и спрашивайте: какой будет счет в матче “Манчестер Юнайтед” — “Челси”! А когда я стану моргать — раз, два! — тогда выколите глаза! А когда стану кивать головой, отрубите голову. Вы мудаки, а с мудаками я разговаривать не хочу. Пошли в жопу! — Енисеев оттолкнул Макса, стоявшего у дивана, и лег.

Бандиты переглянулись. Они, сопя, стояли возле Енисеева (Анатолий несколько сзади) и, видимо, не знали, что им делать.

— Ты чего... разлеся? — несколько растерянно спросил Ефрем.

— Я у себя дома. Вы мне надоели. Я же тебе всё объяснил, урод! Ты что, русского языка не понимаешь?

— Кто я? — грозно надвинулся Ефрем.

— Ты debil и воночий урод! Ну, убей меня!

Ефрем не двинулся, но страшно заскрипел зубами.

— За базар ответишь, сука! Ответишь!

— Ефрем, не сейчас! — сдавленно сказал Анатолий.

— Заглохни, чмур! Он у меня год будет предсказывать бесплатно, а я в это время его жену трахать буду! А не захочет, будем ее трахать без перерыва всей братвой! Вот сейчас ее дождемся и начнем трахать!

“Не было счастья, да несчастье помогло, — соображал Енисеев. — Это хорошо, что Надя ушла к маме. Едва ли они знают ее адрес. Надо только убедить их, что Надя вернется и будет находиться здесь”.

— И девку эту лысую тоже можно, — предложил Анатолий. — Он, кажется, на нее запал.

“А вот это хуже. Подкараулят ее у кафе, выследят, где живет...”

— Лысую? Пожалуйста. — Енисеев старался, чтобы голос его звучал как можно более безразличней. — Она мне никто. Если я на нее и запал, то не помню, пьяный был. А насчет жены я вам вот что скажу: вы меня лучше сейчас убейте, а то я всё милиции сообщу.

— Сообщи! — согласился Ефрем. — Только сейчас мы тебе не дадим. Тебе придется подождать, когда мои люди привезут сюда эту лысую девку, которую ты нам сдал, зарежем ее, потом оставим твои пальчики на рукоятке ножа и по всему ее телу, и выбросим ее на улицу. Найдутся свидетели, что это ты ее бросил. А Толян подтвердит, что ты приставал к ней в кафе. После этого можешь говорить всё, что хочешь. Ты ходишь под условным сроком, тебя никто слушать не будет. Будешь париться на киче, пока мы твою жену трахаем. Но на киче тебя не оставят в покое, у нас везде свои люди. Ты из зоны станешь предсказывать нам результаты по мобильничку, и попробуй, сука, ошибись! Ну, что, послать за твоей лысой?

— У меня от твоих угроз уже девочки кровавые в глазах. — Енисеев достал из кармана “мерзавчик” и демонстративно медленно отхлебнул. — Хочешь, я предскажу, как ты подохнешь?

Ефрем моргнул и с некоторой заминкой ответил:

— Нет, не хочу, потому что ты все равно подохнешь раньше.

— Как знать, как знать! Пока я тебе нужен, не подохну. И не надо меня пугать! Тебе это невыгодно. Под пытками предсказания не получаются. Кстати, в этой игре, если она состоится, банковать будешь не ты. Ты удивлен? Да-да, не двигай желваками! А ты думал, ты, что ли? А кто ты такой? Я пророк, а ты кто? Нет, хвост головой не вертит! Я умный, а ты не очень, как я убедился! Как же ты можешь мной управлять? Какая от этого польза?

Ефрем покосился на своих спутников.

— Ну, это мы еще посмотрим, кто из нас умный... Значит, ты хочешь банковать? Стало быть, согласен?

— Кто тебе сказал, что согласен? Нет, сейчас я на серьезные темы разговаривать не буду. Ты что, не видишь, что я в запое? На хрена тебе согласие пророка, который в запое?

Ефрем, наморщив бугристый лоб, смотрел на Енисеева.

— И давно ты в запое?

— А я помню? День, что ли, назвать, когда начал? Ладно, ребята, мотайте отсюда, не нужно, чтобы вас видела моя жена. Она всё испортит. Через денька два я оправлюсь, поговорим. Оставь свой телефончик. Я, в принципе, сейчас без работы, лишний заработок мне не помешает. В принципе, он верный. Мне даже кажется, что ты преувеличиваешь опасность. Если обычным людям можно угадывать за деньги спортивные результаты, то почему нельзя пророкам? В каком законе это написано? Но одному мне, действительно, не справиться. Да и условный срок на мне.

— А чего ты поначалу отказывался, пургу гнал? — с подозрением спросил Ефрем.

— С такими, как вы, я еще дела не имел. Вы топорно работаете, неинтеллигентно. В квартиру врываетесь, грозите: изнасилуем, зарежем... А тотализатор — дело интеллигентное. От ваших рож за версту криминалом пахнет. Тут надо многое обдумать. Тактику, стратегию. Мой процент. От вашей стоворчивости будет многое зависеть. Но не сейчас. Давайте денька через два.

— Ага, мы уйдем, а ты позвонишь в ментовку? — сказал Макс.

— Пусть звонит, — ответил за Енисеева Ефрем. — Кто ему, пьяному, поверит? Ну, выведет он ментов на Толяна... Ну и что? Нас-то он не знает... Толян скажет: да, был такой разговор в шутку, о чем еще с ним, пьяным, говорить, когда он часами торчит в кафе? Он сейчас в запое, белая горячка начинается, девушки кровавые мерещатся. И всё. Он же с судимостью ходит, ему ментов слишком беспокоить не резон. Они отвезут его в суд, если доставать будет, и там ему изменят меру пресечения.

— Вот, — с одобрением кивнул Енисеев, — это уже получше, чем прошлый раз. Мысль какая-то прослеживается. Ты не безнадежен, Ефрем. А то бы начали сейчас здесь насиловать мою жену, резать лысую девушку, мои кровавые отпечатки на ней оттискивать... Брр! Конечно, я бы с такими не стал работать. Вот ты, Ефрем, по-моему, обиделся, что я тебя дебилом назвал. А как же тебя прикажешь называть, если ты приходишь к курице, несущей золотые яйца, и угрожаешь ей выдать глаза, открутить крылья, голу, чтобы она побольше яиц несла? А?

— Красиво поешь, — ответил Ефрем. — Лады, пусть будет по-твоему. Протрезвляйся. Только я тебе самому откручу яйца, выдавлю глаза и отрежу голову, если ты меня кинешь. И насчет жены мои обещания остаются в силе. Ты будешь, порванный на куски, лежать в могиле, а мы ее харить будем. Когда надоест, убьем. Забываем стрелку через два дня, у Толяна, в это же время. Не думай сбежать, из-под земли достанем. Телефон я тебе не дам, — если что, позвоним сами по домашнему. А ты будешь держать связь через Толяна. Толян, оставь ему свой номер. Пошли, ребята.

— Да? — всё еще сомневался Макс. — А если он на "стрелку" мусоров приведет? Там-то они увидят, что мы — это не белая горячка.

— Может, лучше не в кафе? — поддержал его Анатолий.

— Мусоров он вам приведет куда угодно. Ну, привел он их, что дальше? Свидетелей у него нет, на тотализаторе мы еще не играли. А в чем, собственно, криминал? Погрозыят и отпустят. Дельце, конечно, сорвется, но ему, его жене не жить.

Хлопнула дверь. Бандиты ушли. Енисеев остался лежать на диване.

3

“Я был на перепутье, — размышлял Енисеев, — но крылатый серафим мне не явился. А духи лжи, готовя мою гибель, поманили меня подобьем правды и теперь уничтожают тяжестью последствий. Надо было слушать священника и старца, а не носиться со своим убогим даром, как дурень с писаной торбой. Они-то меня не стали поучать, даже вроде бы ушли от прямого ответа, а на самом деле, если вдуматься, всё сказали. Пока не пришло время спасаться, можно было, действительно, еще пророчествовать. Но я упустил то время, когда следовало уже спасаться, а не пророчествовать. Вероятно, это было после гибели людей в польском самолете. Я шагнул назад, в мрачную пустыню, в прижизненный ад для пророков. Здесь что ни шаг, то к расплате, к возмездию за гордыню. Я ощутил свой дар в детстве под ярким зимним солнцем и с тех пор постепенно уходил из солнца в тень. И вот я ушел в эту тень, в изнанку пророческого мира. Безвозвратно. Здесь меня ждут только уроды вроде Ефрема и Макса. И хуже всего, что они ждут не только меня, но и Надо”.

Енисеев встал, подошел к входной двери, открыл ее. Пусто. Спустился на этаж ниже и убедился, что там тоже никого нет. Значит, они решили его не караулить. Пока, по крайней мере. Хорошо.

Он вернулся в квартиру и запер дверь. Позвонить Наде, предупредить? Но стоит ли, пока бандиты не знают, где она? Я ее лишь напугаю, застав-

лю приехать сюда. А так — она завтра-послезавтра снова улетит в рейс. А вот Елена... ей стоит позвонить. Мало ли что этим идиотам придет в голову, когда она в очередной раз придет в кафе к Анатолию. Енисеев нашел в мобильнике эсмэску с номером Елены и хотел было нажать кнопку вызова, как подумал: а вдруг она уже сидит у Анатолия, и тот по ее реакции поймет, что Енисеев ее предупреждает? Ехать отсюда до кафе без пробок минут пять, не больше, Анатолий вполне уже может быть там. Да и громилы могут заглянуть на огонек. Енисеев послал Елене эсмэску: “Ты не в кафе у Анатолия? Ответь по СМС”.

Ответ пришел тут же: “О, неужели Илья-пророк объявился? Да, в кафе. А что?”. “Умоляю: минут через 5, не торопясь, сверни ноутбук, расплатись и уходи оттуда. Иди по той стороне, где больше людей, и через некоторое время позвони мне”, — написал Енисеев. “В чем дело? Ты снова пил?” — недоумевала Елена. “Пожалуйста, сделай, как я прошу! Ну что тебе стоит? И не посылай больше СМС из кафе!” Енисеев занервничал, что Елена, читающая и строчащая эсмэски, заставит насторожиться Анатолия или кого-нибудь из бандитов, и они отнимут у нее телефон, прочитают эсмэски, и тогда...

Он стоял у окна, ждал звонка. Пойти в милицию? Но эта компашка ведь и впрямь от всего откажется. Анатолий будет говорить про мой запой, а от меня пахнет спиртным... Но заявление всё равно написать надо, чтобы они хоть на первое время попритихли. А там посмотрим. Отнесу завтра.

Запиликал мобильник. Енисеев схватил его.

— Елена?

— Да.

— Слушай меня внимательно и отвечай только “да”, “нет” и ни в коем случае не называй по имени. Ты вышла из кафе?

— Да.

— Бармен Анатолий там был?

— Нет. Только Тоня, официантка. А что?

Он вздохнул с облегчением.

— Пожалуйста, не называй никаких имен. А какие-нибудь незнакомые тебе люди в кафе были... типа уголовников?

— Да нет, не видела. Слушай, в чем дело?

— Скоро объясню. А ты где сейчас идешь, по Яблочкова?

— Да.

— А за тобой никто из посетителей кафе не пошел? Оглянись как бы невзначай.

— Попробую... Да нет, никто. Да там и не было почти никого. Девушки вчерашние да парочка ужинала.

— Отлично. Давай увидимся — у общежития твоего, на Добролюбова.

— Ну, давай. Это ты мне так свидание назначаешь, что ли? Оригинально! А в кафе нельзя было?

— Нельзя. Значит, через двадцать минут у общежития?

— Ладно.

Енисеев умылся, почистил зубы, потом пошел на кухню, взял из холодильника упаковку с авиационным обедом и стоя, без аппетита, съел кусок курицы. “Жрать не хочется, плохо, — значит, и впрямь запой. Всё, “мерзавчиков” больше не беру”. Но один на всякий случай всё же в карман сунул. Он звякнул о тот, что в кармане уже был. Енисеев выругался, достал бутылочки и забросил их в холодильник. Потом вернулся в комнату, взял из секретера несколько тысяч рублей, оделся и вышел на улицу. Здесь, прикуривая, осторожно повел глазами по сторонам: нет ли где-нибудь рядом Макса или похожего на него урода. Вроде не было, двор — пуст, редкие прохожие идут по своим делам.

Енисеев быстро пошел к ведущей на улицу арке: если следивший за ним человек сидел в машине, то ему бы пришлось завести двигатель и поехать за ним. Но ни одна машина не тронулась. Енисеев зашагал по улице, но вдруг остановился и стукнул себя кулаком по лбу. А ведь Надя хотела вернуться за вещами! И сделает это наверняка завтра, потому что послезавтра уже мо-

жет улететь! Енисеев вынул мобильник, нашел в “контактах” Надю, нажал кнопку. Но звонок был тут же сброшен. Он подошел к фонарю и стал набирать эсмэску: “Надя, ответь, пожалуйста, придешь ли ты завтра или послезавтра? Это очень важно”.

Енисеев пошел дальше, ожидая ответа. Но ответа не было. Видимо, сильно обиделась! Он стал на ходу писать новое сообщение, но тут, наконец, пришел ответ: “Почему это важно?”. “Не приходи пока, пожалуйста, я тебя умоляю, я тебе потом всё объясню, — написал Енисеев. — Я сам соберу все вещи, какие укажешь, и принесу”. Ответ был краток: “Не приду”. Енисеев сначала обрадовался, а потом понял, что совершил глупость: Надя наверняка подумала, что ее отсутствием воспользовалась какая-нибудь Елена, и он не хочет, чтобы их застали вместе. Он лихорадочно стал набирать новое сообщение: “Надя, я попал в очередную историю, и здесь небезопасно. Вот в чем дело”.

На этот раз Надя не ответила и, судя по тому, что ее не интересовало, в какую “очередную историю” он попал, она ему не поверила. Ну, что теперь делать? Енисеев сунул мобильник в карман и повернул на улицу, ведущую к Добролюбова.

Елену он увидел на автобусной остановке возле общежития. Она еще издали внимательно, оценивающе всматривалась в Енисеева.

— Видок не очень, но вроде не пьяный. Ты зачем меня выдернул из кафе? — сказала Елена, когда он подошел. — Что за секретность?

— Слушай, пойдем в тот сквер, что на Руставели. Я тебе всё объясню.

Они пошли по улице Руставели. Искося поглядывая на девушку, Енисеев видел, что она несколько смущена, — не столько, наверное, его неожиданным вызовом, сколько воспоминаниями о вчерашнем разговоре.

— Ну? — нетерпеливо спросила Елена.

— Помнишь, я предсказал вчера этому дураку Анатолию результат футбольного матча?

— Ну, помню.

— Так он заявился сегодня с “братками”, видимо, крышующими его заведение, и они стали мне грозить смертными муками, если я не стану им предсказывать спортивные результаты в букмекерских конторах.

— Что? — не поняла девушка и остановилась. — В каких конторах? Какие результаты?

— Ну, это, как на бегах, где люди ставят на какую-нибудь лошадь и получают большие деньги, если она выигрывает.

— А, это чтобы ты предсказал наверняка?

— Да.

— Смешно.

— Да нет, не смешно: этот гад Анатолий вспомнил сначала, что ты свидетель предсказания мной результата матча “Милан” — “Ювентус”, потом предположил, что я на тебя “запал”. Тогда бандюганы сказали, что будут мучить не только меня, но мою жену и тебя.

О том, что Ефрем угрожал зарезать Елену, Енисеев решил не упоминать.

— Меня?! — поразилась девушка. — Вот так дела! — всплеснула руками она. — Ну, жену — еще понятно, а меня-то почему, я даже тебе не любовница! Ты что, не мог им объяснить?

— Да объяснял, но они так поняли, что я тебя “отмазываю”.

— И что теперь? Вот влипла! Слушай, ты зачем вчера ко мне подсел?

— Пьяный был, поговорить хотел... Я виноват, конечно... Дурацкое предсказание это... Ну, “депрессняк” у меня, полоса невезения! И ты в нее невзначай попала. Я завтра заявление в милицию напишу, вот только приду в лучший вид. Они не решатся тебя трогать, если будет заявление. А пока иди к себе в общежитие, запрись у себя в комнате, а еще лучше — в комнате какой-нибудь подружки, и никуда не выходи. На занятия завтра тоже не ездь. У вас тут охрана, бандиты не станут шум устраивать.

Енисеев говорил о завтрашнем визите в милицию, стоя аккуратно напротив райотдела милиции. От расстроенной Елены не укрылось это забавное обстоятельство.

— Слушай, Енисеев, а ты, правда, нормальный? Во что ты превратил свою жизнь? И жизнь людей, которые сталкиваются с тобой? Как твоя жена это терпит?

— Уже не терпит, — вздохнул Енисеев. — Сегодня ушла. Прочитала твою эсэмэску...

— Вот как? Значит, бандиты ее не найдут! Они найдут меня.

— Всё будет хорошо, — бормотал он. — Потом, ты же всё-таки писатель. Тебе нужны сильные переживания, экстремальные ситуации...

— Мне нужны мои экстремальные ситуации, господин Енисеев! Мои, а не ваши! До свидания! — Елена повернулась и зашагала к общежитию.

Енисеев подумал, не догнать ли её, а потом решил, что чем быстрее они расстанутся, тем лучше для Елены. Он собрался было перейти дорогу, как рядом с ним остановился микроавтобус. Беспшумно отъехала его автоматическая дверь, и голос из темноты неосвященного салона негромко сказал:

— Илья Петрович, у вас проблемы? Не будете ли вы так любезны заглянуть к нам на пару слов?

— К кому это — к вам? — щурясь в тщетной попытке разглядеть лицо говорившего, спросил удивленный Енисеев.

— К вашим поклонникам. Вы сейчас переживаете нелегкий период, и вам необходима помощь. Заходите, пожалуйста, прошу вас.

— Нет уж, как говорится, лучше вы к нам. Вы от Ефрема, что ли? Что-то уж больно вежливые...

— Мы не знаем, кто такой Ефрем. Если вы говорите об одном из уголовников, которые к вам сегодня заходили, то мы не имеем к нему никакого отношения. Давайте обсудим и эту проблему. Ничего не бойтесь, присаживайтесь.

— Илья, не надо! — услышал Енисеев сзади голос Елены. Она спешно вернулась, увидев, что он разговаривает с кем-то из минивэна. — Пойдем лучше в милицию!

Тут, наконец, Енисеев разглядел, что людей в темном салоне несколько, и все они — в шапочках-масках с отверстиями для глаз и рта.

— Да, лучше в милицию, — пробормотал он и попытался.

Люди в масках тут же выпрыгнули из машины и ловко завернули Енисееву руки за спину. Он и опомниться не успел, как его, головой вперед, затолкали в благоухающее дезодорантом чрево минивэна, защелкнули на запястьях наручники и бросили лицом вниз на заднее сиденье.

— Стойте! — закричала, колотя по микроавтобусу, Елена. — Милиция! На помощь!

В ответ из салона высунулась рука в перчатке, схватила девушку за шиворот, а другая рука заткнула ей рот.

Люди в масках возбужденно переговаривались над Енисеевым.

— А с этой что делать?

— Насчет нее никакого указания не было.

— А зачем мы заговорили с ним, когда она была рядом?

— Да она вроде бы ушла! Улица пустая, момент удобный!

— Ничего себе — удобный! Сказано было: не привлекая внимания!

Елена, мыча, билась в объятиях налетчика, пытаясь ударить его сзади локтем. Улица Руставели была пуста, от милицейского управления картину скрывал микроавтобус.

— В машину! — приказал голос, заговоривший с Енисеевым. Елену мигом втянули в салон.

Дверь закрылась, минивэн тронулся. Елена продолжала бороться, ляглась. Енисеев невольно устыдился: он-то лежал без движения.

— Выпустите ее! — закричал он. — Она же вам не нужна! Я отказываюсь говорить с вами, если вы ее не выпустите!

Тем временем на Елену тоже надели наручники.

— Будете пинаться, наденем и на ноги! — пообещали ей.

— Говорить будете не с нами, — сказал Енисееву старшой. — Она нам действительно не нужна, но она — свидетель. А нам бы хотелось обойтись без свидетелей. Извините.

— Что ж вы ее — убить собираетесь?

Старшой рассмеялся.

— Вы меня не так поняли. Девушка кричит о милиции, а нам не нужна сейчас милиция. А потом мы ее выпустим вместе с вами, потому что вам никто не собирается делать ничего плохого. А сейчас, пардон, вас придется обыскать. Изымаем только оружие, мобильные телефоны, диктофоны, фотоаппараты.

— Енисеев, ну ты и козел! — звучно сказала Елена.

Люди в масках, обыскивающие ее и Енисеева, переглянулись.

— Я-то козел, а ты зачем вернулась? Я для чего с тобой встретился? Чтобы ты шла в общежитие и сидела там тихо, как мышка! А ты? Ругалась, что втянул в историю, а сама?

— Я не из тех, кто проходит мимо, когда на их глазах похищают людей.

— Низкий поклон тебе, конечно, но меня всё равно похитили и тебя, главное, тоже. Чем же я виноват?

— Тем! Если ты женат, не подсаживайся к незнакомым девушкам!

— А ты, если такая правильная, не разговаривай с незнакомыми женами мужчинами!

Похитители с удивлением, молча внимали этому почти семейному спору. Потом старшой сказал:

— Извините, нам придется завязать вам глаза.

— Ребята, вы очумели? — возмутился Енисеев. — Мало того, что наручниками сковали, теперь еще и глаза завяжете! Вы что, в графа Монте-Кристо играете?

— Наручники мы с вас снимем, если обещаете сидеть спокойно, а глаза всё же завяжем. У меня такой приказ. Вы не должны, по крайней мере, сейчас, знать, куда едете.

— А чей у вас приказ?

Старшой молчал.

— Хорошо, спросим по-другому. Вы, собственно, кто?

— Люди.

— А, люди! Люди, похищающие других людей. Те уголовники, что были у меня, тоже утверждали, что они люди. Подразумевая, что все остальные, то есть не уголовники, — не люди. Но люди — это те, кто может предстать без маски. Впрочем, я и так знаю, кто вы: я же, как-никак, Пророк. — Енисеев нарочно затягивал разговор, чтобы подольше видеть, в каком направлении их везут. Сейчас они двигались по Дмитровскому шоссе в направлении Кольцевой автодороги. Промелькнула станция метро “Тимирязевская”, залитая желтыми огнями платформа пригородных поездов, кафе Анатолия, выйдя из которого, Енисеев вчера смотрел на Дмитровское шоссе. Его жизнь словно кружилась вокруг одних и тех же мест, как в заколдованном лабиринте.

Но долго заговаривать зубы похитителям не удалось.

— Давайте сначала наденем повязочки... вот так... голову повыше...

Енисеев погрузился во мрак. Зато его руки освободили из тисков наручников.

— Так кто же мы, по-вашему? — в голосе старшого слышалось любопытство.

— Бывшие сотрудники госбезопасности, естественно.

— Хм... А почему вы так считаете?

— Ну... вы вежливые, но применяете насилие. Не ругаетесь матом, как менты, но скручиваете людей вполне умело, без членовредительства.

— Ты еще не нахвастался, Енисеев? — язвительно спросила Елена. — Мало тебе результата футбольного матча? Назови ему еще его фамилию, имя, отчество, чтобы он нас убил, когда повезет обратно.

Енисеев промолчал. Елена была права, но он “хвастался” перед старшим, чтобы вызвать его ответную реакцию, исподволь побольше узнать о нем.

— Вашей жизни ничто не угрожает, независимо от того, что предскажет господин Енисеев, — заверил старшой.

Ага, значит, везут предсказывать! Ну, зачем же еще, действительно?

— Если нашей жизни ничего не угрожает, то зачем этот захват? Нельзя ли было просто связаться со мной по телефону?

— Мы навели справки и узнали, что после суда вы отказываетесь обсуждать какие-либо предложения, связанные с вашей прежней деятельностью.

— Естественно! Я ведь условно осужден за эту деятельность, как вам, наверное, известно! И мой условный срок вполне может превратиться в реальный, если я снова начну заниматься предсказаниями. Кстати, вы знаете, что я под подпиской о невыезде?

— Знаем, — буркнул старшой. — Насчет этого можете не беспокоиться, мы всё уладим, если что. Именно обстоятельства, связанные с вашим условным сроком, заставляют нас действовать так, как мы действуем. Секретность — в ваших интересах.

— Да, если не считать, что в этом таинственном свидании, на которое вы меня везете, я абсолютно не заинтересован.

— Как знать, как знать...

Остальную часть пути они молчали.

* * *

Дорога заняла минут пятьдесят. Ехали все время прямо, на Кольцевую не сворачивали, потом, уже за городом, повернули направо на какую-то местную дорогу, судя по разом стихшему шуму траффика снаружи, и — пошли петлять по ухабистым проселочным дорогам, так что Енисеев совершенно потерял ориентацию, понимая только, что они в Дмитровском районе — до Солнечногорского было далеко.

Потом въехали в какие-то ворота, с минуту постояв перед ними (характерный звук отъехавшей на роликах створки и мягкое завывание электромоторчика). Вывели Енисеева и Елену из микроавтобуса, не снимая повязок, придерживая за руки. Поднялись по ступенькам, вошли в какое-то помещение с кондиционером, гоняющим теплый воздух, — скорее всего, в вестибюль; похитители вполголоса заговорили с встречающими, повторяя слово “девушка” (Енисеев различил что-то вроде “Ну вы даете!”). Потом, очевидно, его и Елену различили: два человека повели Енисеева по ступенькам вниз, а чьих-либо еще шагов он за собой не слышал.

Внизу с его глаз сняли повязку. Он стоял перед ярко пылающим камином. В остальном помещении царил полумрак, разрезаемый конусом света над огромным бильярдом в углу. Языки пламени играли во множестве бутылок с дорогими напитками из бара напротив. Мебель была кожаная, напоминающая ту, что Енисеев видел в агентстве Ступара, и стены тоже, как у Ступара, были обшиты дубовыми панелями, только настоящими, судя по какому-то особому тусклому свечению дерева. Ну и камин, конечно, был настоящей, в отличие от декоративного ступарского.

— Курточку вашу, пожалуйста, — сказал один из похитителей.

Енисеев послушно снял куртку и отдал человеку в маске.

— Присаживайтесь, — предложил второй похититель, указывая на кресло, — старшой, судя по голосу. — Можете курить.

Он сел, зашарил руками по карманам — сигареты остались в куртке. Тут же ему была поднесена сандаловая сигаретница с длинными черными сигаретами типа “кофе-крем” и зажигалка. После этого похитители встали за спинкой его кресла.

Воцарилось молчание, только гудело пламя да потрескивали поленья в камине. Енисеев курил; докурив, обернулся к людям в масках:

— Мы кого-то ждем?

— Скоро вы всё узнаете.

— А где девушка?

— О девушке не беспокойтесь, она в порядке.

Ждали еще минут пять, потом прямо из дубовой панели (там была незаметная глазу дверь) бесшумно появились два человека. Лицо одного из них было Енисееву смутно и как-то неприятно знакомо — правда, он не мог ска-

зять, где и когда его видел, второй же был ему неизвестен. Они подошли к нему и церемонно поздоровались за руку. Первым желанием вежливого Енисеева было приподняться, но он сдержался, подумав: “Какого черта? Я к ним в гости не напрашивался”.

Тот, лицо которого показалось Енисееву знакомым, представился:

— Владлен Константинович.

Второй отрекомендовался Павлом Исааковичем.

Здесь, при свете камина, Енисеев смог рассмотреть их повнимательней. Это были холеные, в меру упитанные люди среднего возраста “без свойств” (по классификации Музиля), одетые в вип-стиле “без галстуков” — то есть в джемпера и брюки из мягкой немнущейся ткани. Этот-то неформальный наряд людей формальных и скрывал свойства Владлена Константиновича и Павла Исааковича, — с таким же успехом и в таких же джемперах и брюках перед Енисеевым могли появиться Путин и Медведев, отдыхающие в загородной резиденции. Разница между Павлом Исааковичем и Владленом Константиновичем заключалась лишь в том, что первый имел лысину, а второй нет. Даже неустановленная Енисеевым знакомость лица Владлена Константиновича была без свойств, как не имеет свойств собственное отражение в зеркале. От них слабо тянуло дорогой туалетной водой и запахом больших денег, что, впрочем, не придавало их чертам индивидуальности, свойственной людям без запаха дорогого “парфюма” и больших денег. Может быть, оттого они, в отличие от похитителей, не нуждались в масках. Енисеев сразу окрестил их про себя Розенкранцем и Гильденстерном.

— Давно хотели с вами познакомиться, — сказал Гильденстерн — Павел Исаакович.

— Те, кто действительно хотел со мной познакомиться, давно уже познакомились, — ответил Енисеев. — А вы захотели познакомиться со мной недавно. Вас что привлекло: злосчастный суд надо мной?

— И суд тоже, — уклончиво молвил Розенкранц — Владлен Константинович. — Можете идти, — махнул он охранникам в масках.

Енисееву показалась, что голос его был тоже ему знаком, хотя наверняка он не стал бы ручаться. Старшой склонился к уху Енисеева и шепнул:

— Пожалуйста, без глупостей. Мы рядом, и просто так уйти вам отсюда не удастся.

— Ну-ну, — погрозил охраннику пальцем Владлен Константинович. — Илья Петрович разумный человек — не так ли? — да и атмосфера нашей дружеской беседы едва ли вызовет у него агрессивные намерения. Просим извинить нас за доставленные неудобства, просто публичность не всегда уместна и не всегда соответствует нашим, да и вашим интересам.

Охранники удалились.

— Я уже второй раз слышу о моих интересах: сначала от того человека в маске, что ушел, теперь от вас, — заметил Енисеев. — Не слишком ли вы печетесь о моих интересах, мне к тому же неведомых?

— Скорее всего, мы мало думали о ваших интересах, упустив при этом и свои, — загадочно сказал Павел Исаакович. — Что вы будете пить — виски, коньяк?

— Нет! — вздрогнул и торопливо отказался Енисеев. — Ничего я пить не буду. Давайте к делу.

— Ясно, — кивнул Владлен Константинович, понимающе поглядев на мешки под глазами Енисеева. — Чай, кофе, сок? Или, быть может, вы голодны и желаете поужинать? Сделайте одолжение, сейчас же накроют.

— Да оставьте вы эти церемонии! Вытащили человека с подпиской о выезде из дома и говорите об ужине!

— Не волнуйтесь: для вашего участкового вы сейчас находитесь именно дома. Кстати, наши секьюрити сейчас сообщили нам, что вас посещали какие-то уголовники. Расскажите, пожалуйста, чего они хотели.

Енисеев коротко рассказал.

— Ну, вот видите, — назидательно заметил Павел Исаакович, — вы нуждаетесь в защите. Мы, можно сказать, появились вовремя.

— А вы намерены меня защищать? С чего бы это?

— Мы полагаем, что суд над вами подтвердил вашу правоту.

— В каком смысле?

— В том смысле, что вы предсказывали правильно. В то числе и про Путина, и про Тимошенко, и про польский самолет, что судья не принял во внимание. Но мы проверяли у Ступара: он сказал — информация от поляков надежная.

— И вам тоже захотелось отведать пророчеств? Вас судьба Бориса Михайловича не настораживает?

— Кстати, о Борисе Михайловиче, — сказал Владлен Константинович. — Этот вопрос нас очень интересует. Скажу вам откровенно: если мы найдем общий язык, то у вас в жизни больше не будет никаких проблем.

— У вас будут. Господи, зачем вам знать будущее? Вы же не сможете им управлять! Пример Бориса Михайловича вас не убеждает?

— Убеждает. Но нас интересует не только будущее, но и настоящее. Разве хорошее будущее — это не правильно построенное настоящее?

— И он так думал. И как же он построил свое настоящее, когда я предсказал ему смерть?

Оба собеседника уставились на него, а потом Павел Исаакович с запинкой спросил:

— Но мы же... не умрем сегодня, как Борис Михайлович?

— Вот видите! Вы на самом деле не жаждете узнать о скорой смерти! И это естественно. Ведь пророчества не бывают только хорошими! Или, скажем, только умеренно плохими, не сулящими угроз для жизни. Пророчества — это надвигающийся на вас хаос будущего. Лично мне о том, что вы умрете сегодня, ничего не говорит. Но я, впрочем, и не напрягался по этому поводу. Я понимаю, что вас, как и всех, страшит безвестность. Вам нужен штатный оракул, чтобы сорвать темную пелену с будущего. Вы полагаете, что с моей помощью сможете обхитрить судьбу. Повторяю: вам лучше не знать ее. Считайте это моим главным предсказанием, и если у вас есть желание отблагодарить меня за него, дайте по рогам Ефрему и его компании, и — разойдемся.

— Знаете, — промолвил Владлен Константинович, — мне кажется, у вас такое настроение оттого, что к вам никогда толком не прислушивались. Те же поляки... Но ведь не всегда так было, что предсказания не помогали людям? Зачем бы тогда древние греки держали оракулов?

— Слушайте, скажу вам честно: я не в форме, и пользы от меня вам будет мало. А дельфийским оракулом я не был никогда. Зачем обманывать себя и других? Давайте так: я вам помогу, расскажу то, что вас интересует о Борисе Михайловиче, а вы, если такие крутые и могли бы устроить мне жизнь без проблем, устраните всего лишь одну проблему — заседающих на меня любителей тотализатора.

— Пусть будет по-вашему. — Владлен Константинович откинулся на спинку кресла. — Начнем с Бориса Михайловича. На вашем суде прозвучало, что его интересовало, насколько реальны поступающие ему угрозы убийства. Но в разговоре со Ступаром мы выяснили, что его интересовало не только это.

— Его много чего интересовало! Например, предсказанная индейцами майя мировая катастрофа 21 декабря 2012 года.

— Но еще его интересовало, кто будет следующим президентом России.

— Да.

— Но вы ему этого предсказать не успели.

— Совершенно верно.

— А нам можете сказать?

— Отчего нет? Путин, конечно.

Владлен Константинович и Павел Исаакович обменялись только им понятными взглядами. Видимо, енисеевское “конечно” было для них неочевидно.

— А вот астролог Михаил Левин, например, считает, что звезда Путина закатилась, — сказал Павел Исаакович. — Мы понимаем, разумеется, что предсказания — это интуиция, не подчиняющаяся логике... Нам ясно, почему Путин хочет... и может снова стать президентом. Ясно также, поче-

му вы отдадите ему предпочтение: мы читали статью “Пришел, увидел, победил”. Нам неясно, почему ему вдруг уступит Медведев, президентские амбиции которого всё более очевидны. Полномочия позволяют Медведеву под благовидным предлогом отправить Путина в отставку и идти на второй срок самому. А дальше, на выборах — сработает административный ресурс. Можете ли вы хоть как-то объяснить: почему Медведев откажется от борьбы? Или они пойдут на выборы вместе с Путиным, и Медведев проиграет?

— Как, по-вашему, Путин разве не понимал в 2008 году, что, несмотря на все предварительные договоренности, человеку, отдававшему вкус президентства, захочется остаться на второй срок?

— Понимал, наверное.

— Вот и разгадка того, почему он выбрал своим преемником Медведева, а не Иванова. Путин знает о какой-то слабости Медведева, которой нет у Иванова.

— Вы имеете в виду некий компромат?

— У вас всё сводится к компроматам. Да нет, не компромат. — Енисеев задумался. — Хочешь узнать правду от политиков, дели всё сказанное ими на два. Или делай вывод, прямо противоположный тому, что говорят они. Например, Путин, передавая власть Медведеву, сказал, что тот еще больший русский националист, чем он сам. Но Путин — вовсе не русский националист и никогда им не был. — Он замолчал.

Владлен Константинович и Павел Исаакович ждали, что он скажет дальше. Енисеев же, размышляя, взял из сандалового ящичка сигарету, закурил. Так они просидели минут пять. Енисеев пускал дым колечками и следил, как они проходят одно через другое. Хозяева недоуменно переглядывались, но терпели.

Наконец, Енисеев затушил сигарету.

— А Медведев, — как ни в чем не бывало продолжил он, — русский националист? Он из ленинградской интеллигентской “тусовки”, где при слове “русский” вздрагивают. Может быть, он и хотел перед Путиным казаться русским националистом, пока тот не выдвинул его в президенты. Но, когда Медведев стал президентом, он сделал всё, чтобы опровергнуть слова Путина. Он не захотел занимать нишу, предложенную ему Путиным. Теперь Медведев не упускает случая предстать либералом-космополитом. В первую очередь перед Западом, конечно.

— Так я вам об этом и говорил! — напомнил Павел Исаакович. — На лицо президентские амбиции, стремление заработать авторитет перед Западом!

— Но это и есть ловушка, устроенная ему Путиным. Медведев, желая прослыть “общечеловеком”, в любых русофобских проявлениях в национальных республиках и диаспорах обвиняет самих русских. И когда снова случится что-то вроде Кондопоги — а это обязательно случится при таком попустительстве властей, — Медведев, не подумав, сделает торопливые антирусские заявления, а Путин, напротив, сделает заявления продуманные, не обидные для русских, как это и было после событий в Кондопоге. И оставит Медведева далеко позади в рейтингах, потому что восемьдесят процентов избирателей у нас — русские.

— То есть Медведев не пойдет на выборы?

— Вы что — смеетесь? Вы бы пошли в такой ситуации? Если Медведев вместе с Путиным пойдет на выборы и проиграет, его ждет судьба Касьянова. Во власть, пока Путин жив, он уже не вернется. А Путин может еще прожить долго. Нет, Медведев пока удовлетворяется ролью при Путине. На посту премьер-министра, скажем.

— Ну, а если не случится новой Кондопоги и не будет опрометчивых заявлений Медведева? — поинтересовался Владлен Константинович.

— Слушайте, вы же от меня не предположений просите, а предсказаний. Вот вам предсказание: к сожалению, новая Кондопога случится, и не одна. И случится скоро. Но дело-то не только в этом. Когда я говорю о слабостях Медведева, я имею в виду не только то, что он “повелся” на провозглашающее заявление Путина о его мнимом русском национализме и стал активно доказывать обратное. Медведев хочет еще предстать перед “мировым

общественным мнением” либералом. А это не менее фатальная политическая ошибка. Либеральные партии у нас даже в Госдуме не попадают. За “космополита” Медведева проголосуют, скажем, на Северном Кавказе. А за “либерала” Медведева кто проголосует, если на выборы пойдет и “нелиберал” Путин?

— Ну что ж, всё более или менее ясно... — проговорил Владлен Константинович. — Весь вопрос упирается в административный ресурс, а Путин его Медведеву не отдаст.

— Конечно! Тут, как говорят в народе, к гадалке не ходи! Не знаю, зачем я вам потребовался!

— Но вы нам потребовались не только для этого. Видите ли, покойный Борис Михайлович поставил свой бизнес в слишком тесную зависимость от политических игр... Не зря его интересовал этот вопрос. Мы хотели бы, с вашего позволения, поставить перед вами более сложную задачу. Ступар сказал, что Борис Михайлович подозревал в организации покушения на его убийство своего бывшего партнера. Имя его он, естественно, не назвал, но бывшие партнеры Бориса Михайловича в принципе известны. Следствие это обстоятельство почему-то не заинтересовало, хотя нам понятно, почему. Здесь за излишнюю любознательность можно не носить головы. А вот нас очень интересует: кто он, этот человек, посылавший Борису Михайловичу угрозы? — Владлен Константинович взял со столика рядом с собой пакет и достал оттуда три фотографии. — Ступар нам сообщил, что вы очень хорошо работаете с фотографиями. Посмотрите на них, пожалуйста, внимательно, и скажите нам: есть ли среди людей на фото человек, угрожавший Борису Михайловичу?

Енисеев взял в руки фотографии. Это были люди, похожие на его собеседников выражением лиц и отсутствием тех свойств, которые бы позволили Енисееву узнать их, если бы через какое-то время он увидел их снимки снова. Он стал вспоминать Бориса Михайловича, то, как он говорил о своем бывшем партнере, последние минуты несчастного бизнесмена, но от этого у него только заболела голова. Ничто не указывало Енисееву, что люди на фото как-то связаны со смертью Бориса Михайловича. Но — странное дело! — одновременно внутри него родилось какое-то знакомое томительное ощущение, что разгадка одной из причин гибели бизнесмена близка. Разложив снимки на столике, он пристально вглядывался в один, другой, третий, однако ни в одном из них не мог найти источника овладевающего им всё сильнее чувства близкой развязки. Енисеев закрыл глаза — не работая “на публику”, как в случае с Ксенией Аркадьевной и Борисом Михайловичем, а чтобы действительно сосредоточиться. В разговоре с Борисом Михайловичем они лишь один раз подошли вплотную к личности “заказавшего” его человека — когда Енисеев попросил показать его фотографию. Бизнесмен отказался, промямлив что-то вроде “мне не хотелось бы заранее”, но теперь Енисеев ясно понял, что фотография у него была. Не только потому, что Борис Михайлович ответил: “мне не хотелось бы”, а не, скажем: “я не взял ее с собой”, а потому, что Енисеев сейчас буквально увидел ее лежащей в конверте во внутреннем кармане его пиджака. И это фото, может быть, до сих пор находится среди “вещдоков”.

Внутренним зрением Енисеев видел конверт в кармане Бориса Михайловича, буквально физически осязал глянцевою фактуру фотографии, просвечивающую сквозь конверт, но не видел лица на фото. Он лишь отчетливо осознавал почему-то, что оно не имеет никакого отношения к лицам со снимков, что лежали перед ним на столике. Правда была в том фото, что принес тогда с собой Борис Михайлович, но не показал Енисееву. Ему казалось, что он каким-то последним усилием воли вот-вот проникнет взглядом за бумагу, однако... всё не удавалось. Между тем каждая жилка в Енисееве дрожала от предчувствия, что развязка совсем близко. Что-то шепнуло ему: “Открой глаза” — он инстинктивно открыл и столкнулся с напряженным, немигающим взглядом Владлена Константиновича. И тогда Енисеев понял, почему ему было смутно знакомо это лицо. Потому что в конверте у Бориса Михайловича лежала фотография именно Владлена Константиновича.

В страхе Енисеев тут же отвел глаза... но поздно, поздно! Владлен Константинович успел увидеть в них отражение того, что увидел в его глазах Енисеев. Легкая судорога пробежала по лицу хозяина — судорога застигну-

того врасплох человека. Сидящий рядом с ним Павел Исаакович был бледен и смотрел в сторону.

— Это вы хотели убить Бориса Михайловича, — тихо произнес Енисеев, отчетливо понимая, что может лишиться за эти слова жизни.

— Bravo! — воскликнул Владлен Константинович, ослабившийся по-лиси, что сразу вернуло ему одно из его природных свойств, скрытых за маской вальяжности и респектабельности. — Мы в вас не обманулись! Ну-ну, что за испуганный вид! Этот Борис Михайлович, по-вашему, ангел был, что ли?

— Он был не ангел, — пробормотал Енисеев. — Но у него не было намерения убить вас.

— Да? А я думал, было. Ошибочка вышла! Но согласитесь, Илья Петрович, убил Бориса Михайловича не я. Его убили вы. В известном смысле, вы — убийца, а я заказчик. Но если вы убийца реальный, то я заказчик виртуальный, ведь я вам ничего не заказывал. Вы стали слепым исполнителем моей воли. Наше сотрудничество, можно сказать, уже началось, хотя и заочно. У вас теперь не остается иного выхода, как его продолжить. Вы теперь слишком много знаете. Мы в одной лодке.

Мысль о том, что он стал слепым исполнителем воли Владлена Константиновича, поразила Енисеева. Прежде он размышлял о самых разных негативных последствиях своего дара, но никогда не думал о таком.

— Что же вы хотите от меня? — выговорил он плохо слушающимся языком.

— Ничего особенного. Будете делать ту же самую работу, что делали сегодня. Нам понравилось. Интересы у нас самые разнообразные — от финансовых до политических. Но никакие деньги и связи не дают того преимущества, какое есть у человека, видящего на несколько шагов вперед. Станете нашими глазами в будущее. Ваши заработки у Ступара по сравнению с теми, что вы будете иметь здесь, — пыль. Собственно, по сравнению с ними и заработки самого Ступара — пыль. Хотите, этот дом, — Владлен Константинович развел руками, — мы отдадим вам? Или любой другой дом, который вам приглянется. Ну и, разумеется, офис в Москве, сколько угодно помощников, автотранспортный парк. С одним условием: работать будете только для нас.

Енисеев собрался с мыслями и предложил:

— Давайте выполним нашу первоначальную договоренность.

— Какую договоренность?

— Ну, я обещал сказать вам всё, что знаю по поводу Бориса Михайловича, а вы обещали избавить меня от “братков”. Я свою часть выполнил, теперь очередь за вами. А дальше — разбежимся. Дело в том, что я решил отойти от этих дел. Они плохо отражаются на моем душевном состоянии и личной жизни. Обещаю, что о нашем разговоре говорить никому не буду, да и кто мне поверит?

Владлен Константинович снова по-лиси ослабился.

— Договорно-протокольной частью у нас ведает Павел Исаакович, ему и слово.

Павел Исаакович поднялся, подошел к бару и налил себе “Мартеля”.

— Видите ли, Илья Петрович... Мы не выполняем невыгодные для нас договоренности. Такова жизнь. Эта договоренность для нас невыгодна. Извините.

— Ну, это некрасиво... Но, в конце концов... Чего еще от вас ожидать? Тогда прощайте. Прошу отвезти нас обратно, потому что мы к вам в гости не напрашивались.

— Пожалуйста, — любезно кивнул Владлен Константинович. — Какой, вы говорите, срок дал вам этот Ефрем? Два дня? Мы даем вам точно такой же срок на размышление, час в час. Вам нужно будет согласиться либо на предложение Ефрема, либо на наше.

— Что за чушь? Почему вы решили, что я соглашусь на предложение Ефрема? И какая вам от этого польза?

— Никакой, естественно. Но если вы согласитесь на предложение Ефрема, мы сделаем всё, чтобы через некоторое время вас посадили в тюрьму

на хороший срок за махинации на тотализаторе. И вытащить вас из тюрьмы сможем только мы. С известным вам уже условием. Если же вы не согласитесь с предложением Ефрема, мы ему еще заплатим, чтобы с вами, с вашей женой и с этой девушкой, которая сейчас мило ужинает наверху, сделали то, что он обещал. Впрочем, отрезать вам голову и выкалывать глаза мы ему не позволим, надеясь, что вы всё же к нам вернетесь. Но вот за то, что случится с вашей женой и этой девушкой, мы ручаться не будем. И никакая милиция вам не поможет, уверяю.

— Вот как вы заговорили... А знаете ли вы, что вы еще хуже этого гнусного Ефрема?

— Мы всё знаем, Илья Петрович. Даже больше, чем вы можете предположить, а вы, как-никак, пророк. Почему мы должны быть лучше этого Ефрема? Ефрем ваш — мелкая сошка. Чтобы достигнуть того, чего достигли мы, нужно быть в сотню, в тысячу раз хуже Ефрема. Лучше Ефрема — такие люди, как вы, ваша жена, девушка Елена... Вас — тех, которые лучше Ефрема, — на самом деле столько, что пора заносить нас, которые хуже, в "красную книгу"! Вас миллионы, а нас единицы. То, что хорошо для вас, не всегда — далеко не всегда! — хорошо для нас. Да и так ли вы лучше Ефрема? — задаю я себе вопрос. Зачем вы пошли к Ступару, который бы прыгал от счастья, если бы мы предложили его липовому агентству то, что предложили вам? Какими высокими духовными интересами вы тогда руководствовались?

— Я ошибся. Мне казалось, пустячная работа в этом агентстве даст мне кое-какую тренировку в смысле предсказаний.

— И деньги, не так ли? Ваша ошибка — из числа тех, которые время от времени повторяют так называемые порядочные люди. Живя в бедности, они хоть раз в жизни неминуемо приходят к выводу, что им позарез нужны деньги. Особенно, если кто-то тяжело заболел из родных, случится какое-нибудь несчастье... И тогда у них открываются глаза. Оказывается — стыдно, это когда у тебя нет презренных бумажек, чтобы помочь страдающим или умирающим близким, а не тогда, когда у тебя много денег, а у миллионов людей, видите ли, их вообще нет. Плевать вы тогда хотели на эти миллионы! Они к вам не придут и не помогут. Да и вы к ним не пойдете. А ко мне, верите ли, приходят. Приходят просить деньги на операцию умирающему от рака крови ребенку, батюшки — на ремонт храма, да мало ли! И я — тот, который хуже Ефрема, — даю. Верите?

Енисеев пожал плечами.

— Почему нет? Вам же нужен положительный имидж. Ходорковский, говорят, не давал денег на православные храмы, а теперь, наверно, жалеет. А вы, видимо, умнее Ходорковского. Ну и что?

— И Ходорковский давал! Идите к своему храму Христа Спасителя и прочитайте его фамилию на доске с именами жертвователей, если ее еще не сняли! Да, я умнее Ходорковского, который предпочитал давать деньги, чтобы его имя выбили на доске, а не просто так! Но только ли в этом дело? А откуда эти деньги, которые я даю на операцию умирающему ребенку или батюшке на храм? Может быть, это деньги убитого вами по моей воле Бориса Михайловича, который тоже заработал их далеко не праведным путем. Пойдемте наверх, я открою сейф и покажу вам кучу денег, а вы скажете, какие из них лучше, а какие хуже! Я, знаете ли, умею считать деньги, а затрудились отделать плохие от хороших, когда вашему ребенку срочно понадобится помощь! Чем больше у вас денег, тем больше вы знаете о добре и зле, потому что всё тогда — и добро, и зло, и правда, и кривда, да всё, что угодно! — зависит от вас, а не от тех, которые лучше Ефрема. Я предлагаю вам войти в этот клуб. Или, если вам это не угодно, отправиться в тот клуб, где стон и скрежет зубовный.

— Послушайте... — хрипло сказал Енисеев. — Не трогайте меня, моих близких... У вас будет неприятности... не с законом неприятности, его вы обойдете, а с вами самими... Никакие деньги не помогут. Я не только по названию пророк, тут кое-что еще, от меня не зависящее... Поверьте, я не подхожу для вашего клуба... Я не смогу быть вам полезен, я иначе устроен.

Пусть вы лучше Ефрема, лучше меня... Живите, как считаете нужным, со своими деньгами, которые не пахнут. Но оставьте меня в покое.

Владлен Константинович усмехнулся.

— Вы, как я вижу, предпочли бы какой-то промежуточный клуб, с пустячной работой по три тысячи долларов за сеанс, чтобы, так сказать, на елку взобраться и жопу не ободрать, но вы в этом клубе встретились с людьми из моего клуба и влезли в то, во что бы вам лучше не влезать. Поэтому я не могу вас отпустить просто так. Я, кстати, не заметил, что вы как-то иначе устроены. По-моему, это ваше заблуждение. Работали у Ступара с Борисом Михайловичем, сейчас довольно бодро предсказывали нам, чтобы мы, как вы выразились, дали по рогам Ефрему и его компании. Что изменилось? А, теперь вы знаете, что те же люди, которые поедут отбивать рога у Ефрема, вполне могли пристрелить Бориса Михайловича... Но ведь это проблема вашего незнания или, точнее, нежелания знать, и ничего больше. Поймите: так называемый промежуточный клуб — это клуб незнания. Вы уже не можете вернуться в него, если получили кое-какое знание. А неприятности... Я думаю, у нас будет куда больше неприятностей, если мы оставим вас в покое. Вы покинете нас с далеко не лучшими чувствами к нам, и это непременно скажется. Для вас мы навсегда останемся хуже Ефрема, независимо от того, полюбовно мы разойдемся или нет. А что такое сила вашей психической энергии, я уже понял, когда вы сказали, что это я хотел убить Бориса Михайловича. Нет, чем ближе вас держать к себе, тем меньше от вас будет неприятностей, я полагаю.

— Вы полагаете неправильно. — Енисеев встал. — Прощайте.

— До свидания, Илья Петрович, до свидания! Убежден, что мы еще увидимся. — Владлен Константинович нажал какую-то кнопку сбоку столика, за которым он сидел.

Из двери за спиной Енисеева вновь появились люди в масках.

— Не пытайтесь скрыться, — тихо добавил Павел Исаакович. — Специально следить за вами мы не будем, но разыщем вас без труда где угодно, если потребуется. Например, данные о том, что вами куплен билет на самолет или поезд, сразу поступят нам. Мы найдем способ проконтролировать вас, если вы сядете и на междугородный автобус. Не стоит искушать судьбу. И, конечно, о нашем разговоре не должна знать девушка, приехавшая с вами. И ваша жена тоже. Помните: чем больше они знают, тем менее безопасной становится их жизнь. Сама по себе огласка нас не очень страшит: мы от всего откажемся, а вы ничего не докажете. Но тогда останется один вариант развития событий: отдать вас в лапы Ефрема. И еще: если вы, паче чаяния, предпочтете тюрьму сотрудничеству с нами, вы в тюрьме скоропостижно умрете. А здесь столь же скоропостижно умрут ваша жена и родные. Если вы примете положительное решение, то бандитам можете отвечать что угодно — мы будем поблизости и быстро с ними разберемся. Вы на какое время сговорились с уголовниками?

Енисеев пожал плечами.

— Во сколько Илью Петровича посетили бандиты? — спросил Павел Исаакович у секьюрити.

— Они находились у него в квартире примерно с семнадцати ноль-ноль до восемнадцати ноль-ноль, — ответил старшой.

— Значит, через два дня в семнадцать ноль-ноль мы свяжемся с вами по поводу принятого вами решения.

4

— Куда прикажете доставить? — осведомился старшой. — Можем отвезти по домам.

С Енисеева и Елены сняли повязки. Микроавтобус сворачивал на улицу Руставели.

— Откуда взяли, туда и доставьте, — сказал Енисеев.

— Хорошо. И вот еще что. Вас обоих предупредили, что не надо предавать произошедшее с вами огласке, не так ли? Вы поняли, что последствия могут быть очень тяжелыми для вас обоих?

— И для вас. Ведь если ваших хозяев возьмут за жопу, то крайними окажетесь вы. У нас отвечают исполнители, а не заказчики. Разве вы не знаете об этом? Всё-таки в ФСБ работали.

— Нас не существует. Вы не найдёте нас в том доме, где вы были, даже если сумеете разыскать его. А те, с кем вы разговаривали, никогда там не были и находились в это время в другом месте, что смогут подтвердить десятки человек. И “минивэна” этого не существует ни в одном из их гаражей. Не пытайтесь, кстати, запомнить его номер. Его тоже не существует.

Микроавтобус остановился.

— Возьмите ваши телефоны, ноутбук. До свидания.

Енисеев и Елена вышли из машины. Она тут уже унеслась, даже автоматическая дверь не успела захлопнуться. Номер, о бессмысленности запоминания которого говорил старшой, был заляпан грязью.

Они стояли на перекрестке, напротив общежития Литературного института: у райотдела милиции “несуществующие” похитители всё же не решились их высадить. Елена смотрела на Енисеева, который смотрел в сторону.

— Ну, что ты молчишь? — спросила она. — Говори, что это было.

— То же самое, что с Ефремом. Уровень другой, а так — никакой разницы.

— И эти хотят играть на тотализаторе?

Енисеев невесело рассмеялся.

— В общем, да. Только не на спортивном. Они хотят поиграть с судьбой.

— А меня они тоже угрожали мучить?

Енисеев склонился к ее уху.

— Слушай, я уверен, что они насовали нам в одежду “жучков”, — прошептал он. — Эти люди куда опаснее Ефрема. Тем более что у меня есть свидетель, то есть ты. Не стоит говорить о них, пока не избавимся от микрофонов.

— Как же ты теперь будешь жить? И как я дальше буду жить?

Енисеев молчал.

— Я иду в милицию, — решительно сказала Елена.

— Иди.

— А ты?

— А я, оказывается, нахожусь сейчас дома, и всё это время находился, что подтвердит мой участковый.

— Ты больной?

— Нет, я цитирую то, что они мне сказали, и у меня нет оснований сомневаться, что они говорили серьезно.

— То есть, милиция на их стороне? — тоже перешла на шепот Елена. — Но ты же сам собирался завтра идти в милицию!

— Милиция всегда на их стороне. Нет, ты можешь идти, я не имею права тебя отговаривать. А мне теперь в милиции про кого рассказывать? Про них? Или про Ефрема с компанией? Или про тех и других? Нас отвезут к психиатрам. Потом тебя отпустят, а меня отправят в суд, где поменяют условный срок на реальный, чтобы я со своими способностями не расхаживал на воле и не соблазнял желающих получить предсказания в корыстных целях.

— Ты хочешь сказать, что не подтвердишь то, что я скажу в милиции?

— Я подтверждаю только то, что ты расскажешь. Что нас возили за город в какой-то дом, а потом привезли обратно. А больше ничего говорить не буду. Я хочу быть эти два дня на свободе.

— Почему именно два дня?

— Потому что они дали мне такой же срок на размышление, как и Ефрем — два дня.

— И что ты сделаешь один за эти два дня?

— Еще не знаю.

— А я что должна делать?

— То, что я сказал тебе перед тем, как нас увезли. Запрись у себя в общежитии.

— Как это — запрись? Общежитие — это проходной двор!

— Тоже неплохо. Это же для своих проходной двор, а не для чужих. Больше свидетелей.

Они шептались, стоя на перекрестке, и редкие прохожие оглядывались на странную пару. Потом они замолчали. Елена посматривала то на райотдел милиции, то на Енисеева.

— Ладно, пусть будет по-твоему, — наконец, сказала она. — Я подожду два дня, а потом всё равно пойду в милицию. Я не кукла, чтобы меня хватили и возили куда-то без моего на то желания. Есть хочу ужасно! А в общезжитии шаром покати. Ты хотя бы предложил мне поужинать, что ли?

— А мне сказали, что ты ужинала в том доме.

— Вот как? Нет, я у них не ужинала. Знаешь, как говорят: кто ужинает девушку, тот ее и танцует. Эти в масках предлагали мне, но я отказалась.

— Правильно. А что же ты там делала?

— Смотрела телевизор. Здоровенный, в полстены.

— Пошли ко мне, поедим. Тут не так далеко. Сейчас поздно, не знаю, где еще можно поесть. Не к Анатолию же идти.

— А ты уверен, что твоя жена не вернулась?

— Тсс, — приложив палец к губам, прошептал Енисеев. — Уверен. Никакая женщина не возвращается в тот день, когда уходит. Впрочем, можно позвонить домой и узнать точно. — Он вытащил мобильник и нажал свой домашний номер в “контактах”. Услышав длинные гудки, он дал их послушать Елене. — Вот видишь. Пошли. Я тебе потом вызову такси.

— Ну, пошли.

Енисеев на ходу набрал номер Ступара.

— Здравствуйте, Илья Петрович! — елеиным голосом сразу отозвался тот. — Нежданная радость, как говорится! Вот уж не чаял дожидаться от вас звонка.

— А уж как я рад! Но мою радость омрачает вот что: с каких это пор вы сообщаете третьим лицам конфиденциальную информацию о работе с клиентом? Вы это сделали исключительно для Владлена Константиновича и Павла Исааковича, или поступаете так всегда, когда вам платят хорошие деньги или угрожают?

Ступар помолчал, потом спросил:

— Под клиентом вы имеете в виду Бориса Михайловича?

— Естественно, кого же еще? Ксения Аркадьевна их вряд ли заинтересует.

— Но ведь Борис Михайлович умер.

— Мне это вообще-то известно. Но живы еще его родственники, наследники. На суде вы были куда менее откровенны, чем с Владленом Константиновичем в частной беседе. Вы ему сообщили не только то, что я хорошо работаю с фотографиями, но и то, что Борис Михайлович подозревал в организации покушения на его убийство своего бывшего партнера. Почему же вы молчали об этом на суде?

— И вы молчали.

— Я и дальше молчал, в отличие от вас. Я сохранял пресловутую конфиденциальность, которая, как выяснилось, для вас гроша ломаного не стоит. И не делайте вид, будто вы не понимаете, что эта информация серьезно угрожает безопасности тех, кто ее слышал. Партнеров Бориса Михайловича нетрудно вычислить.

— Мне и не нужно делать никакого вида. Я ведь сам, некоторым образом... являюсь носителем этой информации.

— Ага... ясно... на вас нажали, и вы выложили всё, что можно, даже то, что Борис Михайлович интересовался проблемой “двенадцать-двенадцать” и тем, кто будет следующим президентом России. В общем, вы меня подставили. А хотите, я скажу Владлену Константиновичу, что вы знаете гораздо больше, чем говорите?

— С иными людьми играть не стоит, Илья Петрович. Им надо говорить не больше или меньше, а только то, что есть.

— Вы влипли в историю, Ступар. Вы не подумали, струсив перед Влад-

леном, что благодаря своим способностям, которыми вы так восхищались, я знаю не только то, что есть, а могу узнать больше.

— Подождите: вы что, ему уже...

— Берегитесь! Прежде чем задавать этот вопрос, подумайте, стоит ли это вам делать. Как источник информации вы для Владлена не менее опасны, чем я: без вас они не узнали бы от меня то, что узнали. Вы хотите знать еще больше?

— Да что вы такое, в самом деле, узнали? Я вообще не придаю большого значения расспросам Владлена Константиновича! Ему интересно, кто преследовал Бориса Михайловича...

— Вы уверены, что ему было интересно именно это? Или ему нужна была какая-то другая информация? И вы ему ее опрометчиво дали? А если он передаст ее тому самому бывшему партнеру, “заказавшему” Бориса Михайловича? Следующий раз перед тем, как разглашать сообщенные клиентом сведения, чего вы им обязуетесь не делать, подумайте об этом. — Енисеев отключился. Он сознательно, в расчете на “жучки”-микрофоны, сделал звонок Ступару. Пусть эти два стратега-изувера на даче не думают, что они так уж мало наследили и дело ограничивается одним свидетелем — Еленой.

— Кто это был? — спросила Елена, внимательно слушавшая разговор.

— Так, сволочь одна. Сегодняшней поездкой мы во многом обязаны ему.

Телефон Енисеева запиликал. Он взглянул на экранчик: Ступар.

— Видишь, завибрировал, гад... Ничего, понервничай. — Енисеев выключил телефон совсем.

— О каком покушении на убийство ты говорил? О каких фотографиях? — Разговор явно произвел на Елену впечатление. — Ты предсказал, кто будет следующим президентом России?

Енисеев поморщился. Предупредил же ведь ее о “жучках”!

— Речь идет о моей работе в агентстве у этого Ступара. Называется: “Агентство всеобщего и политического прогнозирования”.

— Так вы что: ворочаете судьбами мира?

— Вроде того, — усмехнулся Енисеев. — Но беспомощны перед собственной судьбой.

— Так кто же будет президентом России?

— Я. Ты еще не поняла?

— Теперь поняла. Я попала в дурдом.

— Точно. Вот он как раз, мой дом. Идем сюда, в арку. Потом направо.

Миновали двор, поднялись к Енисееву. Елена с любопытством оглядывалась.

— Тут не прибрано, сама понимаешь... — пробормотал он и снова перешел на шепот. — Давай-ка мне свою куртку. Ты ведь ее снимала в том доме? И я снимал. Сейчас искать “жучки” недосуг, лучше я пока повешу куртку в ванной, включу воду и закрою дверь. Пусть слушают. Можешь умыться, сейчас я тебе принесу свежее полотенце.

Доставая полотенце из шкафа, Енисеев подумал, что незваных гостей с обыском за время его отсутствия, скорее всего, не было, потому что полотенца и белье были уложены так, как это делала Надя, чего не смог бы повторить посторонний человек.

Елена, войдя в комнату, первым делом, как всякая женщина, взглянула на себя в трюмо, машинально провела ладонью по стриженной голове, точно на ней были волосы, а потом взяла со столика фотографию Нади в рамочке и, прищурившись, стала ее рассматривать.

— Ну, что ж, твоя верность жене понятна, — промолвила она. — Красивая и невредная, судя по глазам. Видно, долго тебя терпела, прежде чем уйти.

— Точно. Красивая и невредная. И еще умная, — ответил он ей из кухни. — И ты тоже красивая, невредная и умная. Мне везет. Но я однолюб. Итак, уважаемая и красивая пассажирка, что вы предпочитаете: мясо с макаронами, курицу с рисом или рыбу с картофельным пюре?

— А ты что — всё это можешь приготовить?

— Да, могу. Благодаря Наде, конечно. — Енисеев появился из кухни с пластиковыми упаковками, вытасненными из морозильника. — Выбирай.

Елена рассмеялась.

— Это вы так питаетесь?

— Случается. Наде готовить некогда: прыгает с рейса на рейс.

— И не надоело есть это? В самолете, по-моему, кроме этих трех блюд, больше ничего не бывает.

— Скажу тебе по секрету: в принципе, вообще, кроме этих трех блюд, ничего не бывает. Всё остальное — их разновидности. И еще яичница. Что же ты выбираешь?

— Курицу с рисом.

— Ага. Ну, а я поем рыбки, чтобы ноги были прытки. Бегать от разных Ефремов и Владленов.

Енисеев засунул лотки в микроволновку и достал из холодильника другие аксессуары авиационного обеда — завернутые в целлофан ломтики сырокопченой колбасы, ветчины, сыра. Через пять минут стол был накрыт.

— Выпить не предлагаю: у тебя, как ты говоришь, крышу сносит, а я только что вышел из запоя.

— Мог бы вообще-то дать какого-нибудь мартини — снять напряжение. От него не очень “крышу” сносит.

— О! Это можно. — Он пошел к пакету в прихожей, порылся и нашел “мерзавчик” с мартини.

— А почему ты их в пакете держишь?

— Да Надя задумала выбросить, да передумала.

— Она как в воду глядела: чувствовала, что ты приведешь девушку и будешь угощать мартини.

Тут зазвонил домашний телефон. Енисеев и Елена одновременно вздрогнули.

— Ну, вот, это как раз Надя.

Енисеев сделал Елене знак — молчи, мол — и снял трубку. Но это была не Надя, а Ступар, отчаявшийся, видимо, дозвониться по мобильному.

— Илья Петрович, я не очень поздно? Вы меня напугали. На что вы намекали, когда сказали, что Владлена Константиновича интересовало нечто иное, чем желание узнать, что за бывший партнер “заказал” Бориса Михайловича?

— Во-первых, я вам ничего не сказал. Я лишь спросил, не возникало ли у вас самого такой естественной мысли. Я не понимаю, почему вы взяли и выдали Владлену информацию, которой не поделились ни с милицией, ни со следствием, ни с судом? Я ведь знаю: вы дорожите репутацией своего заведения в смысле конфиденциальности. Тем более что вам отлично было известно то, чего не знал о Владлене я. Вы — человек осведомленный.

— Что вы имеете в виду? — с некоторой заминкой спросил Ступар.

— Лев Данилович, не придуривайтесь. Или давайте прекратим разговор.

На другом конце провода повисло молчание. Наконец, Ступар тихим голосом сказал:

— Вы, наверное, говорите о том, что Владлен Константинович — тоже бывший партнер Бориса Михайловича...

— Вы знали это?! Ах, как вы неосторожны! Вы уверены, что теперь, после ваших откровений Владлену, мой телефон не прослушивается? И ваш, кстати, тоже? Я лично ничего не знал о том, что Владлен Константинович — бывший партнер Бориса Михайловича. Но если вы знали, то как могли сообщить ему конфиденциальную информацию клиента? И почему не поставили в известность следствие о том, что один из бывших партнеров интересуется этими подробностями?

Енисеев сделал Елене знак пальцами перед губами: ешь, мол, это надо.

— Чего вы добиваетесь? — хрипло спросил Ступар.

— Я хочу, чтобы вы ясно поняли: вы несколько не обезопасили себя, сделав то, что вы сделали, а как раз наоборот. Подумайте над этим, а мне больше не звоните: я имею право спокойно поужинать?

Положив трубку, Енисеев повернулся к компьютеру, который стоял у него тут же, на кухне, в закутке между посудным шкафом и окном, включил

его, вышел в интернет и написал Ступару письмо на его домашнюю почту: “Лев Данилович, думаю, можно разок довериться электронной почте. Следов пребывания у себя Владленовского спецназа я не обнаружил, а “Касперский” пока ничего не говорит о попытках пробиться в компьютер извне. “Благодаря” Вашей наводке я разгадал, что именно Владлен Константинович шантажировал угрозой убийства Бориса Михайловича. Поняв это, Владлен и этот его Исаакович взяли меня в довольно крутой оборот. Но если я выберусь из этой ситуации (а я постараюсь), то Вашей роли в этой грязной истории скрывать не буду. После этого Вы уже в свой бизнес прогнозирования не вернетесь. Кстати, если я из этой ситуации не выберусь, то информация о Вас всё равно поступит куда надо — надежный человек сообщит. Добавлю, что мой предыдущий телефонный разговор с Вами Владлен, скорее всего, слышал с помощью напиханных в мою одежду “жучков”. Я специально сделал это, чтобы Вы поняли серьезность своего положения. Вы такой же нежелательный свидетель для Владлена, как и я, с той лишь разницей, что я им нужен, а Вы уже нет. Ваша жизнь висит на волоске. Бежать жаловаться на меня Владлену для Вас не имеет смысла: он всё равно Вас уберет. Предлагаю единственный путь спасения. У Вас много хороших знакомых в милиции и Следственном комитете. Завтра же расскажите им обо всем и добейтесь возбуждения уголовного дела против этой парочки. Послезавтра Вы уже сами станете их сообщником. Отвечать мне не надо. Письмо мое сразу же по прочтении уничтожьте. Я сделаю то же самое”.

Отправив послание, Енисеев возвратился к своему уже остывшему ужину. Елена, наливая мартини из бутылочки в рюмку, сказала:

— Ты знаешь, у меня такое ощущение от всего этого, словно я читаю научно-фантастический роман. Когда его открываешь, то понимаешь, что это вымысел, а потом вчитываешься, привыкаешь и даже начинаешь относиться к описанному как к некоей реальности. Я знала, конечно, что мир суеверий и предсказаний для многих людей — реальность, но и предположить не могла, что в нём всё так же серьезно и жестко, как в бизнесе и политике! Конфиденциальная информация, клиенты, партнеры, покушения на убийства...

— То, что это связано с политикой, я давно понял, но слишком поздно понял насчет бизнеса. Люди, обладающие большими деньгами, считают, что можно подчинить себе всё, что угодно, в том числе и сверхъестественные силы. Иначе зачем они нужны, деньги: чтобы в очередной раз приобретать ценности обычные? А те, кто не обладают огромными деньгами, но очень хотят ими обладать, не погнушаются довериться самому черту, если тот сумеет их убедить, что они обогатятся с помощью какой-то магии. В каком-то смысле это самый серьезный рынок на свете — там душу продают.

— И ты, получается, выступаешь в невольной роли искусителя?

— Да. Я не слушал, когда мне говорили знающие люди, что пророчество — это сокровенное искусство. Это всё равно что утверждать, будто вода мокрая, думал я. Мол, какое же пророчество не сокровенное? А не сокровенно то пророчество, которое становится публичным. Формально оно может быть и тайным, как это лживо обещает клиентам в своем агентстве по продаже будущего Ступар, но по сути своей — публичным, потому что тайное превращает в услугу. А в этом случае абсолютно неважно, скольким людям ты предсказываешь будущее — одному, пяти или тысяче. Стоит пророчеству сделаться товаром, как пророк начинает жить по законам рынка.

— А писатель?

— И писатель. Но в литературе есть одна тонкость, подмеченная Пушкиным: не продается вдохновение, но можно рукопись продать. А рукописи пророков не продаются. Или, если кем-то тайком продаются, то пророки не получают за них денег. Их убивают за эти пророчества.

— Я сегодня очень злилась на тебя, а теперь вижу, что благодаря тебе оказалась на пороге огромного неведомого мира. Он тем более огромен и неведом, что я толком не понимаю происходящего в нем. Нас с тобой похищают люди в масках, везут черт знает куда, завязывают глаза, как в приключенческом фильме, я смотрю в неизвестном роскошном доме телевизор, слышу обрывки твоих телефонных разговоров, в которых всерьез идет речь

о жизни и смерти, о будущем президенте, катастрофе “двенадцать-двенадцать”... И это всё происходит со мной, которая еще вчера я сидела на лекциях и с ноутбуком в кафе у Анатолия! Я вроде бы продолжаю оставаться в настоящем, но на меня со всех сторон накатывается гул будущего. А начиналось всё почти анекдотом: с предсказания подвыпившим пророком результата футбольного матча...

— Тебе как писателю и не нужно знать об этом мире большего. И даже не потому, что так безопасней, а потому, что подробности убьют для тебя его притягательность. Я не слышу сейчас гула будущего, о котором ты говоришь, а в детстве слышал. Ты стоишь сейчас на пороге пустого зала, а я — переполненного, причем переполненного всякой дрянью. — Енисеев поднялся, чтобы налить себе чаю. — Чаю выпьешь?

— Да нет, достаточно мартини.

— Найти еще бутылочку? С устатку, как говорится.

— Да нет, хватит. Впечатлений столько, что алкоголя много не надо.

— Слушай, а ты храбрая! Как ты начала стучать по этому “минивэну”, кричать “Милиция!” Эти супермены долбанные, небось, все в синяках после твоих пинков! Мне даже стыдно, что я лежал бревном!

— Пророки не пинаются.

— Естественно: всем известно, что они только глаголом жгут.

Так они сидели, шутили, смеялись, а потом, когда ни с того ни с сего, без видимой причины, начали отводить друг от друга глаза, продолжая шутить и смеяться, Енисеев понял, что они думают об одном и том же, словно не прошло и суток, как обоим — не только Елене (чего греха таить!) — одежда показалась тесной и захотелось услышать стук сердца друг друга без одежды.

Он снова взглянул в глаза Елене, виновато улыбнулся.

— Уже поздно, я вызову такси.

Она ответила ему взглядом, в котором он не прочитал укора и вообще ничего не прочитал, как нельзя ничего прочитать в водах озера, когда на него упала тень от облака и по воде пробежала рябь. Пауза затянулась. Ему втайне хотелось, чтобы облако ушло прочь, чтобы ее взгляд просветлел до самого дна, но тут в наступившей тишине он услышал шум воды в ванной.

— Ой, забыл! Сейчас потечет на соседа!

Он успел как раз вовремя: вода еще не перелилась через край. Енисеев закрутил кран, глядя на колеблющуюся, выгнутую поверхность воды, а сам думал о глазах Елены, переполненных желанием, словно от исполнения этого желания их отделяла секунда, когда вода хлынула бы через край ванны. Но она не хлынула. Не глядя уже на Елену, он подошел к телефону и вызвал такси.

— Поищи “жучка” в куртке, — шепнул Енисеев ей, когда они прощались внизу. — А если не найдешь, одень что-нибудь другое. Будем на связи.

Елена кивнула. Он открыл подъездную дверь, вышел первым, посмотрел по сторонам. Вокруг было пусто, только стояло у подъезда прибывшее такси с тихо работающим двигателем и притушенными фарами.

— Леночка, запомни вот еще что. Мало ли что случится. В вещах, обнаруженных у покойного Бориса Михайловича — ну, того самого, смерть которого я предсказал, — был конверт с фотографией его бывшего партнера Владлена Константиновича, шантажировавшего его угрозой убийства. Запомнишь? Скажешь это только милиции.

— Хорошо, — шепнула она.

Он обнял ее и поцеловал прямо в губы. Елена на миг прикрыла глаза, но потом оттолкнулась от его груди ладонями, резко повернулась и быстро пошла к машине.

5

Проснувшись утром, Енисеев подумал о том, что самое тяжелое испытание для пророка — это когда люди начинают верить его предсказаниям. Пока они не верят или верят наполовину, как вообще свойственно людям, про-

рок защищен: им либо пренебрегают, либо побаиваются с ним связываться, и уж совсем не склонны доверять ему судьбу своих денег. Но стоит молве разнести весть о его успехе, как люди, особенно богатые и влиятельные, понимают, что пророк — это капитал, вложенный в будущее. И тогда он уже не защищен, он желанен, как желанны удача, деньги, власть, слава. Чтобы добиться их, многие ставят на карту всё; когда же им говорят, что можно ставить не наудачу, не в “втемную”, а знать, на какую именно карту ставишь, то и сугубо практические люди превращаются в суеверных маньяков. Всех нас, независимо от достатка и положения, объединяют две вещи: непознаваемость будущего и тайна смерти. Когда же в человеке прочно поселяется мысль о возможности подчинения будущего, то и мысль о смерти уже не так невыносима. Да, смерть нельзя обмануть, перехитрить, но можно, управляя своим будущим, отодвинуть ее на максимально далекий срок. И вот, доселе гонимый, пророк становится великим искушением для поверивших в него, потому что нет в мире соблазна большего, чем тайна. Женщины, деньги, власть, слава — всё отступает перед тайной. Это как у Дюма в “Виконте де Бражелоне”: претенденты на звание генерала ордена иезуитов должны были обладать не деньгами и властью, а знанием великой тайны. Владея тайной, ты владеешь миром, в том числе и женщинами, деньгами, властью, славой. Ни одним из земных благ дьявол не искушал Иисуса Христа в пустыне: он искушал Его чудом, тайной и авторитетом.

Возможно, если бы Енисеев был пророком в пушкинском или лермонтовском смысле, к нему и при желании было бы не так просто подступиться, но молва о нем пошла после суда, на котором его обвиняли в камлании, явившемся причиной смертельного исхода, причем в камлании небескорыстном. То, что он не собирался брать денег с Бориса Михайловича, осталось за скобками сообщений СМИ и, наверное, справедливо, потому что, пока Енисеев не узнал об угрозе жизни клиента, он, вообще-то, рассчитывал на гонорар. И те, кто посчитал Енисеева шарлатаном, и те, кто поверил, что он действительно пророк, увидели в нем человека, готового пророчествовать за деньги. Это была другая слава, нежели у пушкинского и лермонтовского Пророков! Появись они в наши дни, им бы и в голову не пришло забавляться, предсказывая результат футбольного матча, не говоря уже о том, чтобы хлестать литрами виски. Енисеев предстал перед публикой в ореоле сомнительной славы, славы Грабового и Дэви Марии Христос, и как результат от него потребовали предсказаний сомнительных, если не сказать больше. Его захотели видеть соучастником преступлений, уверяя, что он и так уже являлся им пассивно. Возможно, возможно! Даже если бы Енисеев и не совершал преступления, влезая в грязную историю отношений Ксении Аркадьевны и ее молодого супруга, он, получив от клиентки деньги, опустился на уровень человека беспринципного вроде Ступара. А от беспринципности до преступления — один шаг, что он вчера так убедительно доказывал самому Ступару. И вот, не став еще пророком в подлинном смысле этого слова, Енисеев стоит между адом земным и адом небесным, не зная, в какую сторону ему сделать шаг. А пламя подступает уже с обеих сторон. Стать бы маленьким, спрятаться под одеялом, как бывало в детстве... Но от ада земного и небесного не спрячешься.

И, как подтверждение этой мысли, загудел домофон. Енисеев выбрался из спасительной теплоты одеяла, подошел к надрывающемуся аппарату, некоторое время смотрел на него, потом всё же снял трубку.

— Да.

— Илья Петрович, доброе утро. Ступар.

Ступар? Легок на помине!

— Илья Петрович, вы предупреждали насчет телефонов, поэтому я решил заехать. Не спуститесь ли вы вниз? Нужно срочно поговорить по затронутым вами вчера темам.

— Давайте, только я умоюсь, оденусь... Вы меня подняли с постели. Хотите, поднимайтесь, подождите здесь.

— Я, с вашего позволения, подожду в машине. И одна просьба... оденьтесь, пожалуйста, не в ту одежду, что вчера... Ну, вы меня понимаете.

— Понимаю.

Это напоминание было кстати: вчера, после ухода Елены, Енисеев в поисках “жучков”, которых, правда, никогда в жизни не видел, оцупал всю куртку — швы, воротник, подкладку, но ничего не обнаружил. Он вытряхнул всё из карманов, придирчиво изучил бумажник, брелок от ключей — с тем же результатом. Тогда он сказал себе: “Ну, ты, пророк, найди без ошупываний!”, закрыл глаза, попытался проникнуть внутренним взором за подкладку, как было с виртуальным пиджаком Бориса Михайловича, но тщетно. “Видимо, на электронику мой дар не действует”, — усмехнулся Енисеев, скатал куртку в рулон, завернул наглухо в старое одеяло и засунул на антресоли. Бумажник (без денег, естественно) и брелок он выбросил в мусорное ведро. Осмотр джинсов и сапог (и на них, в принципе, могли как-то присобачить микрофончик, пока он сидел с завязанными глазами) тоже ничего не дал, поэтому Енисеев на всякий случай отправил их вслед за курткой. Можно обойтись ботинками и плащом, тем более, что на улице еще не холодно. “И тем более, что теплая куртка и сапоги тебе могут скоро вообще не понадобиться”, — добавил какой-то гнусный голос в голове Енисеева. Он мысленно сплонул на этот голос, потом перекрестился и пошел умываться.

Ступар сидел в своем “Ауди”, шевелил кончиком носа и курил. Вид у него был помятый — плохо спал, наверное. Когда Енисеев сел рядом с ним, Лев Данилович, расплывшись в вымученной улыбке, протянул ему руку, но тот не отреагировал, предложив насмешливо:

— Давайте еще целоваться.

— Неужели вы так обиделись на меня?.. — пробормотал Лев Данилович, убрав веснушчатую лапу.

— Нет, я вас обожаю! Предал меня, не дождавшись и первых петухов, и еще грабли тянет! Давайте ближе к делу, не рассусоливайте. У нас не так много времени: вас завтра убьют — и меня, наверное, тоже. Но меня немного позже — после того, как попросят найти золото КПСС или миллиарды Ходорковского.

Ступар, заслышав о такой возможности, затуманился и задергал носом.

— Я много размышлял над тем, что вы мне вчера сказали и написали... — откашлявшись, начал он. — Поначалу мне казалось, что вы несколько преувеличиваете, но потом, детально проанализировав всё, я понял, что вы, как всегда, правы. Скажите, вы увидели это? — перешел на шепот он, придвинувшись к Енисееву.

— Что? — шепотом же ответил он.

— Ну, то... кто “заказал” Бориса Михайловича.

— Да. В этом можете не сомневаться.

— И сказали им об этом?

— Да.

— Зачем?!

— Затем, что они это поняли уже по выражению моего лица, а я по выражению их лиц понял, что они это поняли. И не имело никакого значения, что я им скажу.

— Так-так-так, — постучал пальцами по баранке Ступар и снова зашептал в ухо Енисееву. — Есть только одна возможность спастись от этих Владленов Константиновичей и Павлов Исааковичей.

— Какая?

— Здесь не поговоришь, надо ехать ко мне в офис. Там прослушки нет, мои парни из группы технического обслуживания регулярно проверяют с приборчиками. И утром проверили, я позвонил.

После смерти Бориса Михайловича в этот офис Енисеева не тянуло, да где, действительно, еще можно без опаски поговорить?

— Что ж, поехали. Но меня интересует возможность избавиться не только от Владленов Константиновичей и Павлов Исааковичей.

— А от кого еще?

— Поехали, по пути расскажу.

Ступар завел мотор, подал “Ауди” задом к арке, а Енисеев, уже не шепча, стал ему рассказывать о Ефреме и его банде.

— Ну, это семечки, — снисходительно сказал Лев Данилович, когда он закончил. — Этих просто вобьют в землю.

— Что ж, посмотрим, кто там вобьет и как. Я иду на сотрудничество с вами, только если мои условия будут приняты, что называется, в пакете.

— Нет проблем. Проблемы, как вы сами понимаете, не с этими господами.

— Понимаю. За нами “хвоста” нет? — спохватился Енисеев. — Вы следите?

— Пытаюсь. Вроде бы нет. Ну, а если есть, что из того? Ну, узнают они, что мы едем в мой офис... Дальше что? — снова зашептал Ступар. — Ничего подозрительного в этом нет, вы же работали у меня. Мало ли какие дела... А в сам офис они не сунутся.

— Да? — усомнился Енисеев. — Вы видели их?

— Мордovorотов Владлена? Видел, он же с ними приезжал... Но вы сейчас увидите не менее впечатляющих мордovorотов.

— Вот как? А вы здорово испугались!

Лев Данилович промолчал.

Действительно, у офиса АВПП стояли один за другим три “Хаммера”. Внутри же, в коридоре, было, как в кино: охранники, уже с оружием в руках и в бронежилетах, стояли, расставив ноги в тяжелых ботинках, у каждой двери. Особенно много их было в приемной Ступара: они маячили в пролетах всех окон и заняли все стулья вдоль стен. Здесь уже и пахло, как в казарме — сапогами и оружейной смазкой. Молоденькая секретарша Льва Даниловича (маленький оазис французского парфюма), в жизни, наверное, не видевшая такого количества мрачно поблескивающего оружия, сидела на своем месте вся зеленая.

“Ну, потратился прижимистый Ступар! — изумлялся Енисеев. — Это ж сколько надо было заплатить за услуги этого взвода!”

— Извините, мы вас должны обыскать, — низким голосом сказал один из охранников.

Енисеев метнул недоуменный взгляд на Ступара.

— Так надо, — коротко подтвердил тот.

К удивлению Енисеева, обыскали не только его, но и самого хозяина кабинета, забрав, как это сделали и “мордovorоты Владлена”, мобильники. Затем предложили снять верхнюю одежду. Енисеев, почувший неладное еще у дверей офиса, вдруг заколебался, стоит ли вообще входить в кабинет Ступара. Но его туда уже никто и не приглашал: охранник, распахнув дверь, просто подтолкнул Енисеева в спину мощной дланью.

* * *

Все жалюзи на окнах кабинета Ступара были опущены, а электричество, между тем, не было включено, отчего тусклый свет ноябрьского утра превратился в полумрак, в коем шемякинские уродцы, и на свету-то не очень приветливые, выглядели еще более злоуще.

Горела лишь лампа на столике, окруженном кожаным диваном и креслами, где сиживали клиенты и гости Ступара. Вот и сейчас там сидели три человека и пили кофе. Один был сед, как лунь, с волчьим взглядом близко посаженных глаз, другой кругл лицом, лысоват и лишен признаков нижней челюсти — она заканчивалась сразу за нижней губой, третий был зализан, скуласт, узкоглаз и всё время как будто улыбался. Все трое были одеты скромно, но дорого, как одеваются банкиры — в неброские солидные костюмы.

— Разрешите представить, господи, — как-то по-особому выгнув спину и склонив выю, подобострастно сказал Ступар, — Илья Петрович Енисеев.

— Мы о вас знаем, — промолвил седой, не шевельнувшись. — Называйте меня Виктором Андреевичем, — добавил он после некоторой паузы. — А это, — повернулся к круглолицему, — Яков Аронович и, — указал на узкоглазого, — Фарид Сабитович.

Он замолчал. Все трое, не стесняясь, разглядывали Енисеева. Тот почувствовал себя перед ними, как перед неким судом.

— Может быть, мы присядем? — повернулся он к хозяину кабинета, хотя в присутствии этой троицы тот явно не чувствовал себя здесь хозяином. — Или вы предпочитаете беседовать с этими людьми стоя?

Не дожидаясь ни от кого приглашения, Енисеев опустился в свободное кресло и оказался напротив Виктора Андреевича, с Фаридом Сабитовичем справа и Яковом Ароновичем слева. Ступару, получилось, места вокруг столика не досталось, а присесть на диван рядом с Виктором Андреевичем он, очевидно, не отважился. Глуповато улыбаясь, Лев Данилович продолжал стоять.

— Садитесь, Ступар, — кивнул Яков Аронович.

Ступар побежал за стулом, втиснул его между креслом Енисеева и Якова Ароновича и сел, сложив руки на коленях.

— Вы служили в армии? — спросил Виктор Андреевич у Енисеева.

— Нет.

— Тогда понятно. В армии просят разрешения присесть.

— И еще курить, — сказал Енисеев, доставая сигареты и закуривая без разрешения. — А вы что — военные? Генералы?

— Вы — дерзкий человек. Особенно в вашем положении, — отметил Виктор Андреевич. — Нет, мы не военные, но для вас мы генералы. Или даже маршалы.

— Любопытно. Я, знаете ли, самонадеянно мнил себя пророком. И, хоть как пророк я не состоялся, я не встречал в жизни другого пророка, которого мог бы считать генералом или маршалом. Для меня таковыми были Моисей, Илия, Даниил... Не думаете же вы, что, оставив пророческие амбиции, я признаю над собой власть светских генералов и маршалов, военных или гражданских? Лев Данилыч, попросите принести кофе, а то вы меня сдернули с постели, не дав позавтракать.

Ступар вопросительно уставился на троицу.

— Принесите, — разрешил Виктор Андреевич. — Ну что ж, вы пророк, и ведете себя, как положено пророку. Но есть на свете выше власть, нежели власть пророков.

— Мне это уже доводилось слышать. Власть золотого тельца, естественно.

— Не только. Поговорим об этом, Илья Петрович.

— Вы знаете, я не располагаю временем для разговоров на общие темы. И вообще не планировал разговаривать с вами. Я обозначил для Льва Даниловича некую проблему, и он предложил мне разрешить ее. А тут появляетесь вы в роли генералов или маршалов. Если вы покровители Ступара, то вам имеет смысл разговаривать с ним, а не со мной.

— Проблемы Ступара мы разрешим и без вас. А вот ваши — нет. Итак...

— Виктор Андреевич, прошу прощения, — почтительно подал голос Ступар. — Дело в том, что у Ильи Петровича есть еще проблема, о которой я не знал. Но знать о ней в контексте нашей беседы, на мой взгляд, необходимо. Позвольте доложить?

— Давайте, — сделал знак рукой Виктор Андреевич.

Вошла секретарша и подала кофе Енисееву. Ступар подождал, когда она уйдет, и рассказал о Ефреме и о том, что Енисеев угадал заказчиков убийства Бориса Михайловича.

— Ну, вот видите, — с легким восточным акцентом назидательно сказал Енисееву Фарид Сабитович. — Вы можете не считать нас генералами, но тогда для вас генералами будут Владлен Константинович, Павел Исаакович или даже этот Ефрем. Нужно проявлять больше почтения к старшим, молодой человек.

— Слушайте, но ведь я не вчера родился и понимаю, что от меня вам потребуется то же самое, чего хотят Ефрем, Владлен Константинович и Павел Исаакович! Беседа бессмысленна. Я, не скрою, попал в тяжелое положение и выполняю — постараюсь выполнить! — одну или две ваши просьбы, чтобы вы успокоили этих уродов, если имеете такую власть, но штатным оракулом у вас не буду. Просто не могу.

— У вас неверное представление о нас, — улыбнулся Яков Аронович. — Ефрем этот — главарь банды, Владлен Константинович и Павел Исаакович — главари другой, гораздо большей банды, цивилизованно именуемой холдингом, мы же — представители иной власти.

— Какой? Исполнительной, что ли?

— Скорее законодательной. Ну, и судебной отчасти. Впрочем, наверное, исполнительной тоже, — совсем уж туманно добавил Яков Аронович. — Власть наша не от золотого тельца, хотя она отнюдь не исключает золотого тельца. Все эти вооруженные люди, которых вы видели в коридоре, принадлежат не нам, но нам стоит только шевельнуть пальцем, чтобы они появились у нас в любом количестве. Наши подлинные имена не произведут особого впечатления ни на Ефрема, ни на этих олигархов, хотя они их, наверное, знают. Но если они узнают, какая власть стоит за нами, они будут ползать перед нами на коленях. Забудьте о предсказаниях, которых требуют от вас эти люди. Это мелочь.

— Ну, и шевельните тогда еще раз своим пальцем, чтобы они упали на колени! Чего вы нагнали сюда эту свору со стволами? У Владлена есть такие же орлы!

— Эти люди просто защищают нас, если ваши недруги вдруг вздумают поиграть мускулами. Мы не пускаем в ход свою власть по мелочам. И тем более не упоминаем о ней по мелочам. Наша власть — тайная, и должна употребляться, когда это может принести нам существенную пользу. Чтобы выручить вас и Ступара, нам надо либо устроить показательную бойню, чего мы ни в коем случае с олигархами делать не собираемся, либо приоткрыть завесу тайны, чего мы тоже делать не собираемся, если не приобретем взамен большего. Мы не нуждаемся в парочке ваших предсказаний. В этом смысле вы нас совершенно не интересуете.

— Я никого в этом смысле не интересую... Что же вы — масоны?

Троица насмешливо переглянулась. И даже Ступар, не переставая дергать носом, скривился в усмешке.

— Люди-человеки... — вздохнул Фарид Сабитович. — Чуть что непонятно — сразу масоны... А что это объясняет? Владлен Константинович и Павел Исаакович — тоже масоны, да будет вам известно. Кто сейчас из мало-мальски влиятельных людей не масон или не член Ротари-клуба? Может быть, и ваш Ефрем ходит в подмастерьях. И что? Пиночет и Сальвадор Альенде тоже были масонами, но один убил другого. Значит, и над масонами есть какая-то более могущественная власть?

— Да что вы всё загадками говорите? Владлен про власть денег, вы про тайную власть... Вам-то чего от меня надо?

— Мы прочитали вашу статью, — сказал Виктор Андреевич.

— Какую статью?

Виктор Андреевич сделал знак Ступару, тот поднялся и принес со своего стола журнал.

— Вот эту.

Енисеев с удивлением увидел, что это одна из последних напечатанных им до смерти Бориса Михайловича статей, написанная после прочтения книги о пророке Лаврентии Черниговском. Но он менее всего мог представить, что ее будут читать люди вроде тех, что сейчас сидели перед ним. В сердце его зажегся огонек надежды. Может быть, эти трое — не такие сволочи, как Розенкранц и Гильденстерн?

— И что — вам понравилось?

— Написано неплохо, — кивнул Виктор Андреевич. — И феномен подлинного пророчества на примере этого Лаврентия показан, на мой взгляд, правильно, если не считать деталей. Этот Лаврентий — не Ванга какая-нибудь. Его сбывшиеся предсказания впечатляют, и еще несбывшиеся — тоже. Но одно из них меня смущает, потому что мы не прочтем ничего подобного ни в Апокалипсисе, ни у других пророков. — Он прочитал: — “Россия вместе со всеми славянскими народами и землями составит могучее Царство. Окормлять его будет Царь Православный, Божий помазанник. В России исчезнут все расколы и ереси. Гонения на Церковь Православную не будут.

Господь Святую Русь помилует за то, что в ней было страшное предантихристово время. Просиял великий полк Мучеников и Исповедников... В России будет процветание Веры и прежнее ликование (только на малое время, ибо придет Страшный Судия судить живых и мертвых). Русского Православного Царя будет бояться даже сам антихрист. А другие все страны, кроме России и славянских земель, будут под властью антихриста и испытают все ужасы и муки, написанные в Священном Писании". Насколько правдиво это предсказание, как вы считаете?

— Вы совершенно верно заметили, что Лаврентий Черниговский — подлинный пророк. Я же — не подлинный пророк, каким мне хотелось быть когда-то, а в лучшем случае предсказатель. Поэтому оценить верность этого пророчества преподобного Лаврентия мне просто не дано.

— А вы пытались?

— Пытался, — признался Енисеев. — Но ничего не получилось.

— Не получилось, значит... — задумался Виктор Андреевич. — А знаете, мне кажется, не потому у вас не получилось, что вы слабее Лаврентия Черниговского. Нет, он, наверное, сильнее, но ведь и вы пытались не предсказать нечто подобное, а почувствовать, насколько оно верно. У вас не получилось потому, что на этот раз Лаврентий пытался выдать желаемое за действительное. Ведь всё развивается так, что Россия одной из первых попадет под власть антихриста. А он говорит: "В России будет процветание Веры и прежнее ликование". Не просто, стало быть, процветание, а еще и ликование! Вам это не кажется надуманным?

Енисеев пожал плечами.

— Если бы я не видел, например, как ликуют люди при сошествии Благодатного огня на Пасху, то, наверное, казалось бы надуманным.

— А где люди больше ликуют: на сошествии Благодатного огня или на футбольном матче? — спросил Яков Аронович.

— Смотря что им ближе: футбольный матч или сошествие Благодатного огня.

— А как вы смотрите на то, что наряду с Россией в так называемое Православное Царство якобы войдут и "славянские народы и земли"? Но ведь среди славянских народов половина — католические?

— Ну и что? Идея панславизма родилась не в России, а в католической Хорватии. Семнадцатый век, Юрий Крижанич. Потом, знаем мы этих славян-католиков: если прижмут, побегут и в Православное Царство.

— Это да, — согласился Яков Аронович. — Или — в неправославное Царство. В смысле — нехристианское.

— Всё же, полагаю, предпочтут Православное.

— Вернемся к пророчеству Лаврентия о пришествии антихриста, — предложил Виктор Андреевич. — Если оно верно, то верно не только потому, что кроме Лаврентия его предсказывали другие пророки, но и потому, что к нему ведет логика истории и логика нынешнего развития России. Так? Где же предпосылки того, что в то время, когда весь мир окажется под властью антихриста, Россия ни с того ни с сего превратится в Православное Царство?

— Я не могу сказать больше того, что сказал преподобный Лаврентий: "Господь Святую Русь помилует за то, что в ней было страшное предантихристово время. Просиял великий полк Мучеников и Исповедников". То есть Богом будут услышаны молитвы этих Мучеников и Исповедников.

— Этот ваш великий полк сияет уже больше двух тысяч лет! И что? Скажите, пожалуйста, отчего так получилось, что народы, взявшие на вооружение идеи Христа, до сих пор пребывают во зле? И пролиты океаны человеческой крови? Может быть, эти народы обмануты? Может быть, никакого пришествия Мессии не было, и оно только грядет с пришествием того, кого Лаврентий и ему подобные называют антихристом? Но ведь и Лаврентий не скрывает, что так называемый антихрист избавит человечество от полного уничтожения! — Виктор Андреевич снова взял журнал и прочитал: — "Будет страшное бедствие на земле, даже воды не будет. Потом будет всемирная война. Будут такие сильные бомбы, что железо будет гореть, камни пла-

виться. Огонь и дым с пылью будут до неба. И земля сгорит. Людей останется очень мало, и тогда начнут кричать: “Долой войну и поставит одного царя!” Этим царем и будет антихрист, говорит дальше Лаврентий. Но меня сейчас интересует вот что: кто же устроит все эти прелести? Антихрист? Нет, нигде об этом не сказано. Это устроят люди, называющие себя последователями Христа, или, во всяком случае, будут активно участвовать в этом. И Церковь, судя по пророчеству того же Лаврентия, термоядерную бойню остановить не сможет. Что же, по-вашему, человечеству предпочтительней сгореть в огне атомной войны, чем признать за Мессию человека, сумевшего положить конец взаимному истреблению? И хороша ли будет Россия, решившая, согласно предсказанию Лаврентия, остаться в мире зла?

— Вы сатанисты, что ли? — тихо спросил Енисеев, недоуменно обводя взглядом сидящих вокруг него. Все они, включая Ступара, показались ему вдруг в неярком свете настольной лампы сошедшими со стен персонажами Шемякина.

На вопрос Енисеева никто не отреагировал, в отличие от вопроса о масонах. В кабинете повисло молчание.

— Вам, очевидно, чтобы понять что-то, надо прицепить к этому “что-то” ярлык, — произнес наконец Виктор Андреевич. — Масоны, сатанисты... Мы предпочли бы, чтобы нас называли сторонниками пришествия истинного Мессии.

— Называемого антихристом?

— Называемого антихристом людьми вроде Лаврентия Черниговского и вас.

— Но антихрист — посланник сатаны, согласно учению святых отцов. Значит, вы всё же сатанисты. Потом, вы, цитируя, передергиваете, как это всегда делают сатанисты, воинствующие антихристиане и подобная публика. Всемирную войну устроит не антихрист, говорите вы? А сатана к ней будет иметь какое отношение? У Лаврентия Черниговского сказано перед теми словами, что вы прочитали: “В последнее время бесов во аде не будет. Все будут на земле и в людях”.

— Ад на земле устроили не бесы, а христиане, — возразил Яков Аронович. — Что же, по-вашему, первую мировую войну начали бесы? И вторую мировую войну тоже? Нет, ту и другую начали люди — немцы, христиане. Не было в дохристианскую эпоху таких кровавых войн!

— Но не было и пулеметов, и пушек, и танков, и самолетов...

— Дело не в пулеметах и пушках, убивать миллионы можно и железом! Ну, подумайте сами: что же это за христианство такое, если в христианских странах всем заправляют бесы? Как это христиане уживаются с ними? И бесы с христианами? А может быть, всё проще, и правильно говорит Виктор Андреевич: эти бесы и есть христиане?

— Разрешите мне поверить Лаврентию Черниговскому, а не вам.

— Разрешаю. Я тоже верю Лаврентию Черниговскому. Его предсказания окрашены христианским фанатизмом, потому что в жизни он был монах-фанатик. Но по своей духовной сути он был пророк, и крах христианской веры предсказал верно. Ну, присочинил к своему пророчеству христианский “хэппи-энд”... Ничего не поделаешь, законы жанра.

— А Страшный Суд он тоже сочинил?

— Почему? Может быть, и не сочинил. Но показал не того Судию.

— Слушайте, Лев Данилыч, — повернулся Енисеев к Ступару. — Я всегда подозревал, что вы с придурью, но не знал, что настолько. Если вы нуждаетесь в помощи сатанистов, то, как говорится, черт с вами. Но почему вы решили, что в ней нуждаюсь я?

— Потому что добрые христиане вам ее не окажут, — тихо ответил Ступар.

— А добрые сатанисты окажут?

— Кто помогает, тот и добр. Судите по делам.

— А зачем вам мне помогать?

— Нам нужны пророки, — ответил Фарид Сабитович.

— Не смешите меня! Не нужны вам никакие пророки! Никому они не

нужны! Вы верите не пророчествам Лаврентия Черниговского, а своей трактовке этих пророчеств! Ну, и пророчествуйте себе сами. Всё, что вам нравится! Спиритизмом занимайтесь, каббалой, черной магией! При чем здесь я?

Фарида Сабитович вдруг нагнулся к Енисееву и положил на его руку свою руку, — на ней блеснул тяжелый золотой перстень с адамовой головой. Енисеев тут же отдернул руку, как от лягушки, что, впрочем, совершенно не смутило Фарида Сабитовича.

— Мы уже полгода за вами наблюдаем, — заявил он. — С тех пор, как узнали о самолете Качиньского. Это мы велели Ступару пригласить вас в агентство. Мы убедились, что вы не фанатик вроде Лаврентия Черниговского. Мы постарались, чтобы приговор суда над вами был максимально мягким. А ведь вас могли осудить и за предумышленное убийство. Вы нам нужны именно как пророк. Потому что Мессия, называемый вами антихристом, придёт не один, а с пророком. Так, во всяком случае, сказано в вашем Апокалипсисе. Эпохе грядущего Мессии нужен пророк.

Енисеев усмехнулся.

— Вот как? А своих у вас нет?

— Пока нет, — серьезно ответил Яков Аронович. — В том-то и дело. Так получилось, что идею пророчества узурпировали христиане. Каббала, черная магия — это всё не от хорошей жизни. Христиане гнали, что пришествие их Мессии предсказывали библейские пророки. И этим опорочили феномен пророчества в глазах тех, кто не верил христианам. Вы вот говорите, что мы трактуем пророчества в свою пользу. А христиане этим занимаются две тысячи лет! И шаблон уже определенный выработали, по которому пророчествуют такие, как Лаврентий Черниговский! Мы ведь не хотим, чтобы вы следовали нашему шаблону. Пророчествуйте себе так, как вы пророчествовали. Но хватит вам заниматься мелочами. Пора переходить к вещам глобальным.

— К каким же?

— К тайнам сильных мира сего.

— Ах, вот как! К тайнам! — Енисеев как будто услышал эхо своих утренних размышлений перед появлением Ступара. — Эх удивили! Вы думаете, одним вам тайны нужны! Они и Ефрему нужны!

— Не все умеют тайны использовать. И не все обладают критерием тайны. Мы хотим знать обо всем в мире, что может мешать пришествию истинного Мессии, отдалять его. Чего бы это ни касалось — религии, политики, культуры. Я, к примеру, не так скептически отношусь к предсказанию Лаврентия Черниговского о Православном Царстве в России во время пришествия истинного Мессии, как Виктор Андреевич. Россия — страна непредсказуемая. Поэтому хотелось бы знать, что будет способствовать усилению фундаменталистских тенденций, чтобы пресечь это на ближних подступах. Предупрежден — значит, вооружен. Для нас не должно быть секретов ни в одной сфере жизни, в том числе и в бизнесе.

— Ну, это как водится!

— Деньги — не главная наша цель, но они — цифровое выражение всякого могущества, оборотная сторона всякой власти, особенно тайной. Наши единомышленники в бизнесе не просто ведут конкурентную борьбу с противниками, они ведут идейную борьбу, своими победами на финансовых рынках усиливая наше сообщество. Вооруженные знанием о будущем, они, естественно, будут действовать еще успешнее. Это касается и сочувствующих нам политиков.

— Слушайте, неужели вы не понимаете, что только вера делает действенными пророчества? Пророк должен верить в то, во что верите вы. А я вам не нужен, потому что я вам не верю.

— Мы это понимаем, — кивнул Виктор Андреевич. — Иначе зачем мы с вами ведем беседы на общие, как вы говорите, темы? Скажите, Илья Петрович, а кому же вам верить, как не нам? Нет пророка в своем Отечестве: первыми на вас обратили внимание поляки. Ну, на это у них были свои, польские причины. А после поляков были мы. Мы начали вам помогать, когда вы об этом еще не знали — на суде, например.

— Ага, сначала вы заманили меня к Ступару, за деятельность у которого я и попал под суд, а потом помогли на суде!

— Хотел бы заметить, вас силой никто к Ступару не заманивал, вы пошли добровольно и работали добровольно. Мы хотели бы, чтобы вы столь же добровольно сделались нашим единомышленником. Что вас ждет в жизни без нас? Ефрем? Владлен Константинович с Павлом Исааковичем? Другие хищники, которые появятся по вашу душу, уж можете не беспокоиться? Кто поможет вам в мире добрых христиан? Никто, потому что это они только говорят: положи живот за други своя, а сами живут по принципу: умри ты сегодня, а я завтра. А мы помогаем друг другу, и не так, как помогают друг другу бандиты, а так, как помогают в семье. У нас есть идея, которой у других либо нет, либо она извращена, как у христиан. Скажите мне, почему христиане так спокойно относятся к предсказанию Лаврентия Черниговского о грядущей термоядерной войне? Если они верят ему, то почему уже сейчас ничего не делают для того, чтобы предотвратить катастрофу? Им все равно, что погибнут сотни миллионов людей — лишь бы сбылись пророчества Апокалипсиса? А мы, которых вы называете сатанистами, готовы в сотрудничестве с вами сделать всё, чтобы спасти будущие поколения людей. Решайте же.

— “Когда говорит он ложь, говорит свое”...

— Что?

— Ну, это непризнанный вами Мессия сказал: “Ваш отец диавол; и вы хотите исполнять похоти отца вашего. Он был человекоубийца от начала и не устоял в истине, ибо нет в нем истины. Когда говорит он ложь, говорит свое, ибо он лжец и отец лжи”. А хорошо Он говорил, не правда ли? Ваш-то так сможет? Едва ли... Попытается, конечно... Сказано же: дьявол — обезьяна Бога, а антихрист, стало быть, — обезьяна Христа. А вы — чьи обезьяны, если идете своему мессии пророков, “чтобы всё было, как у Христа”? Хотя Самого Христа не признаете. Нестыковочка!

— Вот и весь разговор с христианами... — вздохнул Виктор Андреевич, обведя своими волчьими глазами соратников-сатанистов. — Ты им — конкретные вещи, а они тебе — цитатки и оскорбления...

— Нет, отчего же, меня интересуют и детали. Вот я посмотрел сегодня, как Ступар перед вами на цырлах бегаёт... Оказывается, это по вашей наводке он пригласил меня в агентство. И тут у меня возник вопрос: а как это он взял и выложил Владлену всё обо мне, о моей работе с клиентом? Вы что, об этом не знали? Позвольте не поверить: вас Ступар боится больше, чем Владлена. Или он сдал меня Владлену тоже по вашей наводке, чтобы поставить в безвыходное положение и привести в поисках спасения в ваши объятия?

— Ступар бегаёт на цырлах, как вы говорите, потому что знает, что виноват. И получит наказание за свою трусость в разговоре с Владленом Константиновичем, будьте уверены.

— Как хотелось бы верить! Но я не верю. “Когда говорит он ложь, говорит свое, ибо он лжец и отец лжи”. Ступар изворотливый человек и нашёл бы, что ответить Владлену, не раскрывая конфиденциальной информации.

— Вас, я вижу, не переубедить. Да и зачем? Вас послушать, так и бандита Ефрема тоже мы к вам послали. Неужели вы не понимаете, что если бы в вашей жизни не появился Владлен Константинович с известными домогательствами, то появились бы другие?

— Спасибо, успокоили. Сами-то вы Владлена побаиваетесь, вон какой взвод с собой приволокли! Он, видимо, и вас может запросто грохнуть, пока вы не предъявили ему знаков своей тайной власти! А на мне можно поэкспериментировать. Нет уж, я лучше с Ефремом или Владленом, чем с вами. Они хоть не призывали отказаться от Христа.

— Это ваше последнее слово? — поинтересовался Фарид Сабитович.

— Нет, не последнее. Я чего, собственно, сюда пришел? Господа сатанисты, улаживайте ситуацию с Владленом и Ефремом, или я сдам вашего Ступара как сообщника Владлена. И вам всё равно придется вытаскивать его из-под суда и следствия. Мне кажется, менее хлопотно будет договориться

с Ефремом и Владленом сейчас. В связи с новыми открывшимися обстоятельствами я продлеваю срок Ступару до завтра, до семнадцати ноль-ноль. Убирать меня до этого срока бесполезно, потому что информация, как я писал Ступару, будет передана не мной, а другим человеком.

Сатанисты, пораженные такой наглостью, некоторое время молчали, многозначительно поглядывая друг на друга. Потом Фарид Сабитович сказал:

— Вы можете отказаться от нас, но мы не можем отказаться от вас. Вам лучше было не приходить сюда. А теперь вы слишком много узнали. Мы должны будем бороться за то, чтобы вы либо пришли к нам, либо исчезли с лица земли. О Ступаре не беспокойтесь: о его интересах мы позаботимся.

— Вы не поняли: я сдам его вместе с Владленом.

— А что у вас есть на Владлена?

— Всё вам расскажи! Обойдетесь! Кое-что есть.

— Владлен Константинович сам о себе позаботится, что бы у вас там ни было, — заверил Виктор Андреевич. — А мы позаботимся о Ступаре. Что же касается вас... Не исключено, что вам мешает стать настоящим пророком то, что вы не прошли путь страданий. Не будем вам мешать. Извольте получить ваши страдания у Владлена Константиновича или Ефрема, а потом найдем возможность вернуться к нашему разговору. Впрочем, есть еще время свернуть с этого пути. Ради ваших близких, которых, по-видимому, тоже ждут страдания. Какой срок, вы говорите, даете Ступару? До семнадцати ноль-ноль завтра? Этот же срок на раздумье мы даем вам. Если примете правильное решение, свяжитесь со Ступаром. Лев Данилыч, отвезите господина Енисеева домой.

— Да нет, спасибо, доберусь сам. Чем меньше я вижу вашего Льва Данилыча, тем лучше себя чувствую. Прощайте, поклонники Люцифера! Вы ему помогаете, а он-то вам не поможет: унечет в ад вместе со всеми, без привилегий. Такая уж у него сущность. Вы его любите, а он-то вас нет! Это вам мое бесплатное предсказание!

6

Едва Енисеев, бормоча: “Сатанисты — кто бы мог подумать?”, вышел от Ступара, как зазвонил мобильник. Он посмотрел на экранчик: “Номер не определен”. Енисеев подумал и ответил:

— Алло.

— Илья Петрович, что вы там затеваете со Ступаром? — Это был Розенкранц — Владлен Константинович. — Почему вы не отвечаете на звонки по мобильному? Почему меня не соединяют со Ступаром? Что за народ там у него в приемной? Советую вам по-хорошему: играть со мной не надо. Учтите: мне на связи Ступара плевать. Я раступчу его вместе со связями. Оставьте его — он вам не поможет. Он предаст вас при первой же возможности.

— Знаю.

— Так о чем же вы с ним совещаетесь?

— Да вот об этом как раз. Хотел узнать, почему он меня сдал.

— Вы рассказали ему о нашем разговоре?

— В общих чертах.

— Что вы натворили? Мы же вас предупреждали!

— Слушайте, не морочьте мне в голову: о нашем разговоре он мог догадаться и без меня. Вы приезжаете к Ступару, подробно расспрашиваете его о моей работе с клиентом и теперь хотите, чтобы он ничего не подозревал? Тогда не надо было ездить к нему.

Розенкранц дышал в трубку, осмысливая услышанное.

— Что вы сказали Ступару?

— Спрашивал, кто вы и что вы.

— Вы говорили ему о моем предложении?

— Нет, но он сам догадался. Это нетрудно — после того, как вы столь-ко выпрашивали у него обо мне.

— А еще что говорили?

— Из того, что вас волнует, ничего.

— Я проверю.

— Проверьте.

— И еще. Я хочу, чтобы знали: если вы за моей спиной обсуждаете у Ступара какое-то иное предложение, то не тратьте попусту время. Я никому не позволю увести вас у себя из-под носа.

— Так-таки никому? А если это Путин или Обама?

— Скорее, Господь Бог. Не выдумывайте. Вы приняли решение?

— Решение я приму, когда наступит срок.

Владлен Константинович отключился.

Енисеев посмотрел по сторонам. Значит, всё-таки за ним следили, если Розенкранц знает, что он был у Ступара. И сейчас следят? Он резко повернулся и пошел обратно по улице. Никто из идущих навстречу прохожих не сделал того, что и он, и никто не остановился, как будто разглядывая что-то.

Следят из машины? Но в припаркованных вокруг офиса автомобилях Енисеев не видел людей. У самого офиса маячили только четыре охранника сатанистов. Напротив — никаких магазинов или кафе, из которых можно наблюдать. Прохожие идут мимо офиса, не останавливаются. Между тем Владлену известно, что в приемной у Ступара много народу. Но он не знает, кто у Ступара в кабинете, и о чем идет разговор. Микрофон в приемной, которую не проверяли технари Ступара?

И тут Енисеев понял, что “жучок” был спрятан не в приемной, и что напрасно он искал его в одежде, — он был у него в мобильном. И поэтому “слухачи” Владлена слышали голоса в приемной, в которой лежал отобранный у него телефон. “Жучок” был вставлен в отобранный у Енисеева мобильник, пока он разговаривал с Розенкранцем и Гильденстерном на даче! И не только “жучок”, очевидно! Откуда Владлен узнал, что Енисеев вышел из офиса Ступара? Он же ни с кем не разговаривал: взял телефон, плащ и ушел, даже не прощаясь. Значит, помимо “жучка”, в мобильнике — “маяк”, позволяющий фиксировать передвижения Енисеева. И точно такие же устройства — в телефоне Елены. Может быть, — и в ее ноутбуке.

Енисеев повернул к метро.

Спустившись по эскалатору вниз, он отключил мобильник, вынул из него “сим-карту” и стал присматриваться к людям на платформе. Подошел поезд, у дверей образовалась небольшая давка, и Енисеев, проталкиваясь в вагон, незаметно сунул телефон в большой пластиковый пакет парня, входящего перед ним. На следующей станции Енисеев вышел и поехал в обратном направлении, а мобильник отправился путешествовать по метро, а потом Бог еще знает куда. Пусть владленовские шпики поломают голову!

Енисеев доехал до “Тимирязевской” и отправился в общежитие Литинститута. В какой комнате живет Елена, он не знал, не знал даже ее фамилии, поэтому купил в киоске телефонную карту, но сам звонить по таксофону не стал. Он подошел к парню на троллейбусной остановке, студенту-литератору, судя по мягкой одежде и торчащим в разные стороны волосам, и сказал:

— Старик, помоги мне. Я поссорился с девушкой, и она меня не хочет видеть. Позвони ей, пожалуйста, по номеру, который я тебе назову, и скажи, что ее ждет на вахте посылка от Енисеева, пусть спустится, заберет. Зовут ее Елена. Если будет спрашивать, кто ты, что ты, скажи: курьер “Ди-Эйч-Эл”. Вот карта.

— Говно вопрос, — согласился литератор. — Давай.

Они пошли к таксофону. Парень сказал всё в точности, как просил Енисеев, даже про “Ди-Эйч-Эл”. Енисеев протянул ему сто рублей, но студент отмахнулся.

— Не парься. Ты же не с моего мобильника звонил. Иди, встречай.

Енисеев зашел в вестибюль общежития, сталинского шестизэтажного дома, и увидел за вахтой вывеску, которая заставила его задуматься. Ждал он недолго. Елена, придерживая на груди халатик, голоногая, появилась не из лифта, как он предполагал, а с опаской выглянула с лестничной площадки. “Молодец!” — мысленно похвалил он ее за осторожность. Девушка, увидев Енисеева, удивленно подняла брови, просияла и пошла ему навстречу.

— А мне сказали...

Он приложил палец к губам и прошептал:

— Телефон у тебя с собой?

— Да, — она хлопнула по карману халата. Тут он заметил, что из другого кармана у нее торчит ручка молотка, и засмеялся. Елена причины его веселья не поняла.

— Ты чего?

— Пойдем, погуляем. Ты поднимись, оденься, только не бери, пожалуйста, с собой ни телефона, ни ноутбука. Но возьми паспорт.

— Почему?

— Так надо.

— А может, лучше поднимемся ко мне? — предложила, запахивая на непослушной груди халатик, девушка.

Енисеев отрицательно помотал головой.

— Ладно, сейчас.

Елену он дождался на улице. Как он и просил, она вышла не в той куртке, что была вчера, а в другой, “дутой”.

— Что случилось?

— Дойдем до салона сотовой связи? Ситуация продолжает осложняться. Появились новые претенденты на проникновение в будущее. Ты не поверишь — сатанисты. Очень крутые, с вооруженной охраной, тоже угрожают. Мобильник и ноутбук я попросил не брать, потому что “жучки” нам засунули туда, а не в куртки. И не только “жучки”, но и “маяки”. Я это понял, когда мне сегодня позвонил один из вчерашних господ, явно отслеживающий мои передвижения. Сейчас купим себе новые телефоны. Я, пока шел сюда, ломал голову, куда бы тебе получше спрятаться на несколько дней, и вдруг вижу вывеску у вас на первом этаже: “Гостиница”. Это что — настоящая гостиница или просто “комнаты повышенной комфортности”, как говорят?

— Настоящая, они арендуют у института крыло дома.

— А ты сможешь там поселиться без регистрации или по чужому паспорту?

— Запросто. Я знаю девочек, которые там работают. Но у меня нет денег на гостиницу.

— У меня какие-то есть. Скажешь девочкам, что прячешься от своего бывшего парня, с которым больше не хочешь встречаться, и попроси, чтобы они тебя не выдавали, если кто-то надумает наводить о тебе на рецепшене справки. Как я понимаю, там есть и второй вход, с улицы?

— Да.

— Отлично. Постарайся поселиться поближе к другому входу, со стороны общежития. Если вдруг услышишь, что на рецепшене кто-то угрожает портье и называет при этом твою фамилию, тихонько выскользни на улицу и со всех ног беги в райондел милиции.

— А ноутбук в гостиницу можно взять?

— Нежелательно. Может быть, там нет “жучка” или “маячка”, но наверняка закачена какая-то программа, считывающая информацию. Потерпи. Попробуй писать, как русские классики — пером по бумаге.

— Да я уже разучилась! Со школы так не писала!

— Ну, вот, снова научись. А то, случись какая катастрофа и исчезнет электричество, что будешь делать?

В магазинчике сотовой связи Енисеев купил два мобильника “Самсунг” по 800 рублей каждый (надо было оставить Елене побольше на гостиницу) и пакеты подключения.

— Ну вот, теперь у нас будет свой канал связи, — сказал он. — Давай запишем номера. Если надо, конечно, можно и их вычислить, потому что они оформлены на наши паспорта, но на это уйдет время. День-другой, полагаю, можно будет разговаривать свободно. Держи деньги. Снимешь на все, оставь лишь тысяча полторы, купи себе продуктов, забей ими холодильник — там ведь есть холодильники? — чтобы без особой нужды лишний раз не выходить на улицу.

— А ты что будешь делать?

— Ломаю голову над этим. Что-нибудь да придумаю. О фотографии Владлена Константиновича скажешь милиции, если я не дам о себе знать завтра до двадцати четырех ноль-ноль. Расскажешь им всё, что знаешь. Знаешь ты, конечно, немного, но тебе достаточно будет навести милицию на Анатолия и Ступара Льва Даниловича. Запомнишь?

— Запомню. Хозяин агентства по продаже будущего, как ты вчера сказал.

Они вернулись к общежитию.

— А как же Надя? — спросила Елена, когда они остановились на перекрестке.

— Теперь буду заниматься Надей.

— Если вы помиритесь с ней, то мы, наверное, больше и не увидимся?

— Если, Бог даст, увидимся живыми, будет что вспомнить. Когда ты прославишься, я приду к тебе на встречу с читателями, попрошу автограф.

— А ведь я хочу написать обо всем этом.

— А я хочу, чтобы это поскорей кончилось. А оно всё не кончается. Но, независимо от того, чем всё кончится, я очень рад, что познакомился с тобой. Одному бы мне не выстоять! Я бы просто лег и забил бы на всё.

— Будет случай, вспомни, что ты не один. И я буду знать, что я не одна.

Они стояли, держась за руки, хотя, как это получилось, Енисеев не помнил. Он притянул девушку к себе, обнял.

— Ну, иди, — шепнула она.

Оставшись один и, глядя вслед уходящей Елене, Енисеев задал себе тот же вопрос, что недавно задала Елена: что ему делать дальше? Отвечая ей: “Что-нибудь придумаю”, он даже не мог предположить, в каком, собственно, направлении думать. Сначала надо узнать, как там Надя. Он позвонил ей.

Она сразу отозвалась, что было понятно: нового номера Енисеева Надя не знала.

— Надя, это я. У меня новый номер.

— Я это поняла, — ровным, бесцветным голосом — даже, как ему показалось, нарочито бесцветным — ответила она.

— Надя, скажи, пожалуйста, ты где?

— В Москве.

— А когда улетаешь?

— Сегодня около восьми.

— А прилетаешь?

— Зачем тебе это?

— Ответь, пожалуйста, очень надо.

— Послезавтра утром. Почему ты спрашиваешь? Хочешь принести вещи?

— Хочу помириться.

Она отключилась. Но Енисеев ничуть не подосадовал на это. Надя сообщила хорошую новость. Она улетала вовремя и, в общем-то, на нужный срок. Теперь надо решить, что ему самому предпринять до семнадцати ноль-ноль завтра. Енисеев зашагал к дому. Он не знал толком, как избавиться от Ефрема и компании, даже с учетом обращения в милицию, а тут еще к нему протянули мохнатые щупальца такие спруты, как Владлен Константинович, Павел Исаакович и сатанисты. Даже если бы Енисеев мог обрубить хотя бы одно щупальце, что ему делать с другими, обвившими его, как змеи Лаокоона?

Его трюк с телефоном будет скоро раскрыт: встревоженные необычными перемещениями и молчанием мобильника, люди Розенкранца и Гильденстерна выйдут на след того парня из метро и поймут, что их провели. Самого Енисеева им найти еще легче: ведь рано или поздно он придет домой, не слоняться же вечно по городу?

Он пытался собрать волю в кулак и заглянуть в свое будущее хотя бы на сутки вперед, но у него не получалось. Енисеев стал молиться, как когда-то в Смоленском аэропорту, но не подыскивал нужных, как ему тогда казалось, слов, а просто и безыскусно просил Бога помочь. Помолился своему святому — пророку Илие и последнему русскому пророку — преподобному

Лаврентию. Ему стало как-то легче, хотя спасительных мыслей по-прежнему в голову не приходило.

Енисеев уже подходил к своему дому, как вдруг у него всё поплыло перед глазами, не в лад ударило сердце, и ровный шум города ворвался в уши грохотом, скрежетом, завыванием моторов, гудками, криками, шершавым шарканьем подошв, словно резко прибавили звук в телевизоре. Мир быстро закружился вокруг него; он остановился и прикрыл глаза и увидел вдруг кафе Анатолия, разносимое мощным взрывом на куски. “Завтра, в семнадцать часов пятнадцать минут”, — сказал Енисееву неведомый прежде голос. И добавил едва слышно: “Поступи правильно”.

Он открыл глаза. Видение исчезло, мир остановил свое кружение, грохот в ушах снова сменился ровным шумом города, а Енисеев всё стоял, прислонившись к фонарному столбу. Бог услышал его молитвы. Семнадцать часов пятнадцать минут! Это же через пятнадцать минут после того, когда он должен сказать о своем решении сразу трем претендентам на использование его дара! А с Ефремом он договорился о встрече именно в кафе Анатолия. И если Енисеев не придет, то вся эта гнусная компания — Ефрем, Макс, Анатолий — взлетит на воздух! Посторонних в кафе не будет: Анатолий наверняка закроет его на “спецобслуживание”. Им не нужны лишние уши — даже официантку выпроводят. Но кто же устроит этот взрыв? Едва ли банду Ефрема взорвут Владлен и сатанисты, потому что им нет никакого смысла расправляться с ней, пока Енисеев не объявил о своем решении. К тому же им известно, что столь желанный им прорицатель сам должен быть в этом кафе. Бомбу, вероятно, заложит какая-то банда, конкурирующая с бандой Ефрема.

Но много ли даст Енисееву уничтожение Ефрема и компании? Это решит его проблемы ровно на треть. А Розенкранцу, Гильденстерну и сатанистам, скорее, поможет: уберет лишнего конкурента за обладание Енисеевым. Но ведь не за тем же ему было дано это видение? Сказано: “Поступи правильно”!

И тут Енисеева осенило: он должен назначить на семнадцать ноль-ноль встречу в кафе всем — не только Ефрему и Макс, но и Розенкранцу с Гильденстерном, и сатанистам. И пусть все они разлетятся на мелкие кусочки и отправятся к отцу своему — отцу лжи. В Енисееве всё задрожало в предвкушении столь разящего возмездия. Трясущимися руками он достал сигареты и закурил. Всех — одним ударом! Но как заставить отправиться в это затрапезное кафе лощеных богатеев Владлена Константиновича, Павла Исаковича и сатанистов? А не надо их заставлять. Надо лишить их иной возможности встретиться с Енисеевым. Нужно стать для них недостижимым до семнадцати ноль-ноль завтра. И чтобы они знали о его недостижимости. Но как это сделать? Без паспорта не возьмешь билет на самолет или поезд, а по билету, купленному с помощью паспорта, они обещали его быстро найти. На междугороднем автобусе они тоже обещали его перехватить. На электричке далеко не уедешь. И тут он вспомнил, что Надя однажды упростила знакомый экипаж взять его в самолет “без места” — когда ему срочно надо было лететь в командировку, а билетов не было. Всё обошлось без кассы и паспорта: Енисеев прошел в самолет вместе с экипажем.

Только бы Надя снова согласилась! Только бы согласилась! Он бы позвонил этим гадам на взлете, сообщил бы свое условие — о встрече в кафе Анатолия — и отключился бы. Тогда — ищи-свищи! Потыкаются в разные стороны в его поисках и приползут, как миленькие! А у него, к тому же, будет алиби: находился в другом городе. Это на тот случай, если милиция вздумает заподозрить его в причастности к взрыву.

Только бы Надя согласилась! Только бы ответила! Енисеев вошел в арку своего дома, огляделся и выбрал скамейку в центре двора, на детской площадке, откуда хорошо видны были все люди, входящие в арку и перемещающиеся вдоль дома. Никого подозрительного он не заметил, вынул телефон и стал звонить Наде. “Ну, ответь же! Ответь!” — умолял Енисеев, слушая длинные гудки.

И она ответила.

— Да.

— Надя, проведи меня в свой самолет без билета! — закричал Енисеев почти шепотом — в гулком квадрате двора громкий голос услышал бы весь дом. — Как тогда, помнишь? Мне очень нужно!

Похоже, такой просьбы она ожидала меньше всего, потому что несколько секунд молчала.

— Енисеев, ты с ума сошел? Почему я должна тебя проводить без билета? Ты же не едешь уже в командировки! У тебя условное заключение! Что ты придумываешь?

— Надя, Надя! Я в здравом уме! Поверь! Ты всегда мне верила! Я не зря тебе писал, что влип в историю! После этого долбаного суда, показанного по телевизору, на меня открылась настоящая охота желающих получить предсказания в корыстных целях! Мне угрожают вплоть до смерти! Они шантажируют меня тем, что расправятся и с тобой! Милиция у них вся купленная! Поэтому я и написал тебе, чтобы ты не приходила пока домой! Но теперь и мне там опасно! Мне нужно сегодня быстро оказаться далеко от них, в неизвестном для них направлении, без билета, чтобы меня не отследили по паспорту. Ну что мне: идти на вокзал и просить каких-нибудь проводниц, чтобы меня взяли в вагон без билета? Но поезд — долго, там — милиция, могут снять... Надя!

Она молчала, видимо, обдумывая услышанное.

— Слушай, Илья, скажи честно: ты не выдумываешь всё это для того, чтобы найти повод помириться со мной?

— Надя, я был бы счастлив! И помириться, и выдумывать для того, чтобы помириться! Потому что я люблю тебя больше всех на свете, а вчера нес похмельную чушь! Но это, к сожалению, правда! Помоги!

— Хорошо, — сказала она более мягким, как ему показалось, голосом. — Сделаю всё, что смогу. Приезжай в Домодедово за два часа до отлета. Отлет — в семь пятьдесят. Там позвони мне.

— Надюша!.. Солнце!.. А куда летим? — спохватился он.

— В Екатеринбург.

Был третий час. Время еще есть, но лучше просидеть лишний час в заполненном людьми аэропорту, чем торчать здесь, как на юру. Нужно заскочить домой, взять денег, съесть чего-нибудь и ехать в Домодедово.

7

— Ну, рассказывай, — сказала Надя, поправляя на коленях форменную юбку.

Они сидели в одном из многочисленных домодедовских кафе, напротив огромного панорамного окна, за которым, мигая огнями, взлетали и садились самолеты. Енисеев попытался при встрече поцеловать Надю, но она отстранилась.

Он рассказал ей всё, в том числе и про Елену (опустив, правда, позавчерашний разговор с ней у общежития). Он не сказал только о посетившем его видении и о том, что он надумал. Надя сначала слушала его сдержанно, а потом брови ее поползли вверх, превращаясь в треугольники, и на лице появилось то же растерянное выражение, что было после посадки в Иркутске, когда они встретились у выхода.

Енисеев замолчал. Молчала и Надя, теребя сережки.

— А что это даст, если они соберутся все вместе в том кафе? — наконец, спросила она.

— Ну, пусть выяснят, у кого из них больше прав на меня, — уклончиво ответил Енисеев. — Может, перестреляют друг друга. В любом случае, это будет свара, шум, а где свара, там милиция, журналисты, что выгодно нам, но невыгодно им. Огласка заставит их умерить свой пыл.

— А как они узнают, что они конкуренты?

— А я позвоню им, скажу, что не могу договариваться сразу с тремя бандами, и пусть они сначала решат, кто из них круче.

— Возьмут и договорятся. Поделят тебя между всеми поровну. Составят

график: сегодня ты работаешь на одного, завтра на другого, послезавтра на третьего. Что тогда?

— Нет, это здесь, в аэропорту, составляют графики для разных авиакомпаний. Может быть, Розенкранц и Гильденстерн и захотят договориться с сатанистами, но сатанисты этого не захотят, поскольку привыкли действовать тайно. И уж точно те и другие не станут договариваться с Ефремом, — не потому, что им противно, а потому, что это не их уровень.

Енисеев говорил, что в голову придет, не желая открывать Наде весь план, но она задумалась.

— Что ж, наверное, ты прав. Я договорилась с командиром. Сиди здесь, жди вызова. — Потом она посмотрела ему в глаза и спросила: — Ну, а эта Елена... она что — красивая?

— Красивая, — не отводя взгляда, честно ответил Енисеев. — Только забудь всё, о чем ты думала. В мире есть много женщин — красивых и не очень. Но с тех пор, как я тебя увидел, в моей жизни есть только одна женщина. Это ты. Было бы странно, если бы я тебя немного не ревновал. Мне лестно, что меня ревнуешь ты. Но я тебя никогда не предаю и знаю, что ты меня не предашь. Забудь мои вчерашние глупые слова. Ты лучше всех и красивее всех. Елена? Она храбрый человек, хороший товарищ. В пьяном кураже я впутал ее невзначай в чудовищную историю, не дай Бог никому. Хочешь, не хочешь, а выпутываться надо вместе. Вот мы и выпутывались. Близости между нами не было. И не будет. Может быть, я ей нравлюсь. Может быть, она нравится мне. Ведь люди нравятся друг другу бессознательно, а не по трезвому размышлению. Но одно дело симпатия, а другое — жизнь. Моя судьба — это ты, и я сразу сказал ей об этом.

Надя опустила глаза, сняла невидимую пылинку с рукава.

— Мне надо идти.

Она встала, оправила жакет на груди, юбку и торопливо зашагала — светлая, легкая, тоненькая — к лестнице.

* * *

Командир и экипаж отнеслись к Енисееву с неожиданным уважением, весьма странным по отношению к человеку, желающему полетать “на халюду”. Не будучи в силах совсем избавиться от давних предубеждений относительно бравых пилотов, ухлестывающих за Надей, ожидал он и некой затаенной насмешки в их глазах. Но не увидел и тени насмешки, только нескрываемое любопытство. Всё объяснилось просто.

Когда настало время идти к самолету, минуя посты охраны, второй пилот, человек ростом с Енисеева, предложил ему надеть свое форменное пальто, а его плащ взял в руки.

— Что же, вы из-за меня пойдете в одном кителе? — смутился Енисеев.

— А погода-то? — улыбнулся пилот. — Плюс! Не озябну. Вот прилетим в Кольцово, там, конечно, шинелька понадобится. У них уже минус.

Выходя, второй пилот пропустил идущего Енисеева вперед, и — любезность за любезность — пришлось идти с ним по коридору рядом.

— Вы знаете, — сказал летчик, — мне так интересно познакомиться с вами! Ведь мы столько слышали о вас от Надежды. И про иркутский самолет, и про польский! Мы все переживали, когда она рассказывала о суде над вами. Мы не верим, что вы виноваты, и очень рады возможности хоть чем-то вам помочь.

— Надежда рассказывала обо мне?.. — пролепетал ошеломленный Енисеев.

— Конечно! — засмеялся пилот. — У нее только и разговору, что о вас. Наши девчонки на отдыхе начинают перемывать косточки мужикам, а она всегда: “А вот мой муж...” Они смеются: “Ну что ты, всё муж да муж, как будто других мужиков нету, о которых стоит поговорить!”. А она отвечает: “Мой муж — особенный, с таким бы вы тоже о других не думали”.

Шедшая сзади вместе с другими стюардессами Надя услышала, что говорят о ней.

— Вадим Антонович! — воскликнула она. — Можно вас попросить не рассказывать мужу небылицы! Почему это я не разговариваю о других мужчинах? Вон, девочки подтвердят — разговариваю.

— Да ладно, Надежда! — обернулся он на ходу. — Если он у вас пророк, то и так всё знает. У нас иногда летчики из других экипажей безуспешно пытаются приударить за Надеждой и спрашивают: “Почему она такая?” А мы говорим: “Вот если бы ваши жены видели на расстоянии, что вы делаете, вы бы тоже были такие”.

Идущий впереди командир посмеивался.

— А что, Илья Петрович, — осведомился Вадим Антонович, — сегодня нормально долетим, без происшествий?

— Да, нормально, — без раздумий подтвердил Енисеев. — Иначе и быть не может.

Но сам он думал об ином: каким он был идиотом, когда подозревал Надю!

Позже, когда они оказались рядом перед посадкой на автобус, он боялся с ней встретиться глазами, и она тоже смотрела в сторону. Но Енисеев ясно ощущал исходящее от Нади тепло и такое же тепло чувствовал в своей груди.

* * *

Енисееву досталось место в самом хвосте самолета, у туалета, без соседей. “Айрбас” завел двигатели. Енисеев достал телефон, вставил в него старую “симку” и набрал номер Ступара.

— Илья Петрович! — вскричал тот. — Ну, где вы?! Я вам обзвонился!

— Слушайте внимательно, Ступар. Значит, встречу я назначаю в кафе “Визит” у метро “Тимирязевская” завтра в семнадцать ноль-ноль.

— Где?! Какое кафе “Визит”?

— Не перебивайте. Кафе “Визит” у метро “Тимирязевская”. Вы должны пригласить туда как своих сатанистов, так и Владлена Константиновича и Павла Исааковича. Поняли? Можно с охраной. Там уже будет Ефрем со своими. Больше — никого. Кафе закроют на спецобслуживание. Пароль на входе: “Мы от Ступара”.

— Позвольте...

— Нет, не позволю. У меня есть связь только с человеком Ефрема, так что остальных придется приглашать вам. И не вздумайте позвать одних сатанистов, потому что я тогда просто не приду, и от дальнейших контактов отказываюсь. Мое условие: на встрече должны быть именно те лица, с которыми я разговаривал. Все без исключения. Я буду следить за этим со стороны. Придут другие или придут не все, я, естественно, тоже не приду. Пора, пора нам вместе обсудить вопросы сотрудничества напрямую, а то вас слишком много, а я один! И скажите и тем, и другим, чтобы не искали меня до встречи и не пытались связаться, это бесполезно. У меня есть свои возможности, о которых они не подозревают. Если хоть один волос упадет с головы моих родственников, я объявлю им войну. У меня нет мордоворотов с автоматами, но есть сила пророческого проклятия. Знаете, что это такое? Врагу не пожелаю! — врал Енисеев. — Вы всё поняли?

— Понял...

— До встречи.

Надя, идущая по проходу и проверяющая, у всех ли пассажиров пристегнуты ремни, напомнила Енисееву:

— Уважаемый пассажир, во время полета пользоваться мобильной связью запрещается. И застегните ремень безопасности, пожалуйста.

Он улыбнулся ей.

— Да-да, извините! Но мы же еще не летим.

Самолет начал вырывать на взлетную полосу.

Енисеев быстро набрал Анатолия.

— Анатолий! Это Енисеев. Передай Ефрему: как и договаривались, забиваю стрелку у тебя на завтра, на семнадцать ноль-ноль. Будут еще две группы клиентов, добивающихся моих услуг. Серьезные, с охраной.

— Какие еще клиенты? — оторошел Анатолий.

— А ты что думал: один твой Ефрем хочет зарабатывать с помощью предсказаний? Меня теперь все знают после того, как показали по “ящику”, и от клиентов нет отбоя. Все угрожают: убьем, зарежем! И как я вам всем угожу? Разорвусь, что ли, между вами? Поэтому я и забиваю всем стрелку. Надо договариваться.

— Но это же подстава!!!

— Нет, подстава — это когда бы я сказал тем серьезным дядям: рад бы вам помочь, да мешают одни хлопцы. И вас бы просто отстреляли без всяких базаров. Вы этого хотите? Давайте. Если же не хотите, приходите договариваться. Да, скажи еще Ефрему и Максиму вот что: вильнуть и просто не прийти на стрелку нельзя, это будет воспринято как нежелание договариваться, и вашей шайке-лейке всё равно тогда выпустят кишки. Тебе — первому, потому о тебе известно больше, чем о других. Так что постарайся! К шестнадцати тридцати выпроводи всех посторонних из кафе, включая официантку. Подать будешь сам. На дверь повесь большую табличку “Закрывается на спецобслуживание” и держи мобильник наготове, но никаких звонков, кроме моего, не принимай. Я могу задержаться минут на десять и предупреджу об этом.

— А как я узнаю, кто посторонние, а кто эти серьезные кенты? — с тоской в голосе спросил Анатолий.

— Это ты правильно сообразил. Они скажут: мы от Ступара. Запомни: Сту-па-ра. Бывай.

“Айрбас” тем временем уже во весь дух мчался по взлетной полосе и, когда Енисеев закончил разговор, тяжело оторвался от земли. Енисеев перекрестился, отключил телефон и вынул из него “симку”.

8

Первыми, в 16.30, в кафе приехали Ефрем, Макс и еще четыре бандита. Они мрачно уселись вдоль стены, поглядывая на вход. На коленях у них лежали пистолеты. В 16.35 появилась служба безопасности сатанистов. Четыре человека в черном пальто остались у входа, остальные, сказав Анатолию: “Мы от Ступара”, вошли внутрь и сразу взяли на прицел компанию Ефрема.

— Оружие есть? — спросил командир спецназа.

— Есть, — ответил насуспенный Ефрем.

Защелкали взводимые под столом курки.

— Сдайте.

— Такого уговора не было. Сначала сами сдайте.

— Так, ясно, — сказал командир. — Вы, четверо, держите этих на мушке. Шевельнетесь, прошьем очередями! Остальным проверить, нет ли здесь взрывного устройства. Взять под контроль черный ход. Ты кто такой? — повернулся он к Анатолию.

— Х-хозяин.

— Обыскайте! А это кто? — указал он любопытствующую физиономию приходящего повара Рашида, которая торчала в окошечке кухни.

— Повар Рашид. Русский плохо понимает, — подняв руки вверх, почему-то с интонациями Рашида сказал Анатолий.

— Тоже обыскать! Зачем здесь повар? Нам сказали, никакой обслуги быть не должно!

— Я готовить не умею, — пробормотал Анатолий. — Что мне гостей — чипсами кормить? Он вам не помеха: ему не понять, о чем здесь говорят. Приготовит всё и уйдет.

Тем временем двое бойцов шарили ферроискателями по стенам и полу кафе.

В 17.41 снаружи у дверей завязалась перепалка:

— Вы кто такие?

— Мы от Ступара!

Командир открыл дверь.

— Впустите!

Звякнул колокольчик над дверью. Вошли люди от Розенкранца и Гильденстерна в масках с оружием наперевес.

— Сдайте стволы! — приказал командир.

Старшой владленовского спецназа отреагировал на это точно так же, как Ефрем:

— Сами сдайте!

Снова защелкали курки, залязгали затворы автоматов.

— Что вы, с ума сошли? — возмутился розенкранцевский старшой. — Перестаньте целиться! Мы здесь для чего — воевать? Мы должны охранять своих хозяев. Давайте определим им места и способ эффективной защиты.

— Я хочу, чтобы мои хозяева сидели здесь, — командир от сатанистов указал на места вдоль стены, занятые уголовниками.

— Щас! — ошетинился Ефрем. — Кто первый занял, того и место.

— Господа! — подал голос Анатолий. — Давайте, как на корпоративе, составим столы буквой “П”, каждый займет свою сторону и никому не будет обидно.

— Хорошая идея, — согласился владленовский старшой. — Ну-ка, ребята, взялись за столы! И вы тоже! — повернулся он к уголовникам.

Те неохотно засунули стволы за пояса и потащили свои столы к сооружаемой букве “П”.

— Так, добро, — кивал головой командир сатанинского спецназа. — Мои будут здесь, эти здесь, а твои здесь. А мы с вами займем позиции за спиной хозяев.

— Не перестрелять бы друг друга, — покосился на него розенкранцевский старшой, — и хозяев заодно. Может быть, мы оставим здесь переговорщиков без оружия, а сами подождем снаружи?

— У меня таких указаний не было. Приедут начальники, пусть они решают.

— Взрывчатых устройств не обнаружено! — доложил боец с миноискателем.

— Хорошо, — сказал владленовский старшой. — Но береженого Бог бережет: пусть еще и мои поищут. Давайте!

Командир от сатанистов, между тем, доложил по рации:

— Всё чисто. Но охрана у гостей с оружием. Сдавать отказываются. Ваши указания? Есть. Есть. — И объявил владленовскому старшому: — Нам приказано быть здесь и оружие держать наготове.

— Приказано — будем держать, — пожал плечами тот.

Без четырех минут пять вошли трое сатанистов с семенящим позади Ступаром, брезгливо оглядели помещение и уселись во главе импровизированного стола, за перекладной над буквой “П”. Дорогие пиджаки Виктора Андреевича, Якова Ароновича и Фариды Сабитовича топорщились от надетых под них бронжилетов. Охрана с дулами автоматов на сгибах локтей встала за спинами сатанистов.

Еще через две минуты появились Розенкранц и Гильденстерн, тоже с распухшими от бронжилетов грудями, кивнули присутствующим и заняли правое крыло стола.

— Взрывных устройств нет, — встав за спиной Владлена Константиновича, доложил ему на ухо старшой. — Проверяли два раза — мы и они.

Ефрем и Макс медленно, лениво, как воры в законе, которых неопытные вертухаи в тюрьме гонят на работу, поднялись со своих стульев у стены и сели напротив Розенкранца и Гильденстерна. Ефрем гонял желваки по лицу, а Макс двигал шеей, как лошадь.

Теперь все находились на своих местах, в кольце охраны, образовавшей цепочку вокруг буквы “П”. Анатолий, стараясь ходить бесшумно, начал расставлять на столе тарелки. Седой Виктор Андреевич обвел взглядом присутствующих, посмотрел на часы.

— Ровно пять. А где, собственно, Енисеев?

В кармане у командира сатанинского спецназа зазвонил мобильник, отобранный при обыске у Анатолия.

— Это он! — вскричал Анатолий.

— Кто — он? — удивился Виктор Андреевич.

— Енисеев. Он обещал позвонить в пять, если задержится. Дайте трубку!

— Какая наглость! — прошипел Фарид Сабитович. — Он смеет *задерживаться!* Шенок!

— Дайте, — кивнул командиру Виктор Андреевич.

Анатолий взял телефон.

— Алё! — и послушав, объявил присутствующим: — Требуется спросить у Ступара, все ли на месте.

— Все, — крутя носом, подтвердил Ступар.

— Да, все! Что? Теперь требует, чтобы я повторял вам, что он говорит.

— Идиотизм какой-то, — пробормотал Виктор Андреевич. — Ну, повторяйте!

— Мне было пророчество... что вы все сегодня погибнете... и первое, что мне пришло в голову... не препятствовать этому... чтобы покончить со всеми вами разом... Но голос мне сказал: "Поступи правильно"... и я решил, что не предупредить вас будет неправильно... кто бы вы ни были... убийцы или сатанисты... не мне вам выносить приговор... но в благодарность за спасенную вам жизнь... вы навсегда оставите меня и моих близких в покое... Согласитесь, что жизнь — это важнее, чем выгода от моих предсказаний... которую бы вы в могиле не получили... Итак, в семнадцать пятнадцать это кафе взорвется на куски по неизвестной мне причине...

Все сидящие за столом одновременно бросили взгляд на часы и вскочили на ноги.

Повар Рашид, не так плохо знавший русский язык, как полагал Анатолий, с любопытством слушал всё одним ухом, наставленным в окошко. При этом он продолжал заниматься своими делами: открыл газ, чтобы зажечь его и поставить нагревать сковороду, но в это время услышал про взрыв. Рашид повернул ручку газовой конфорки обратно и бросился к окошку. Но ручка эта вращалась туго и не дошла до конца.

— ...Времени у вас еще достаточно... — голосом, срывающимся на фальцет, продолжал повторять Анатолий, — ... не устраивайте давку у дверей... пусть охрана образует коридор и выпустит сначала хозяев... потом по одному выходит сама... Большая просьба к начальнику охраны Владлена Константиновича и Павла Исааковича... вы бывший офицер... у вас, наверное, еще остались какие-то представления о долге... позаботьтесь о безопасности людей на площади перед кафе... чтобы никто не пострадал... Никому никогда не говорите о том... что это я собрал вас здесь... и об этом звонке... не то и я начну говорить о вас... Желаю, чтобы нам никогда больше не встречаться... ни в этой жизни и ни в той.

Анатолий замолчал, дико озираясь.

— Ты же сказал, что проверяли, и бомбы нет! — буравя командира своего спецназа волчьим взглядом, закричал Виктор Андреевич.

— Нет, вот и этот командир скажет! Они тоже проверяли! Даже на крыше смотрели!

— А может, он разыгрывает нас? — предположил Виктор Андреевич.

— Я бы не стал искушать судьбу, — тихо сказал Яков Аронович. — Он обычно слов на ветер не бросает.

Эти слова стали как бы сигналом о начале эвакуации. Не дожидаясь, когда охрана выстроит коридор, хозяева опрометью бросились к дверям, причем впереди всех почему-то оказался Ступар, с которым на этот раз не случился ступор. Но, добравшись до двери, он начал рвать ее на себя, как в своем офисе, а она открывалась наружу. Дверь прыгала в петлях, трещали косяки, немusзыкально надрывался колокольчик, бил копытами в плиточный пол Ступар. Его заколодило. Бандиты, сатанисты, Розенкранц и Гильденстерн пытались оттащить Ступара от двери, но он вцепился в ручку мертвой хваткой, упираясь ногой в косяк.

— Не в ту сторону, не в ту сторону! — визжали Розенкранц и Гильденстерн, сатанисты и бандиты, но Ступар был глух, а охрана никак не могла прорваться к дверям через тела своих хозяев, чтобы оттащить его.

Повар Рашид, который, широко открыв рот, глядел на всё это из кухонного окошечка, побежал к двери черного хода, ключ от которой у него отобрали охранники, и ударом ноги под замок с первого раза вышиб ее, да так, что она вылетела из петель и рухнула на землю горизонтально. Как был, в поварском колпаке и белой куртке, Рашид выскочил на площадь и помчался в сторону улицы Фонвизина, крича всем встречающимся на пути:

— Спасайси! Спасайси! Уй-мэ! Взрыв! Будет!

Но внутри кафе, где стоял грохот ломаемой Ступаром двери, крик и визг, никто не обратил внимания на то, что сделал Рашид, и не увидел освобожденного им запасного выхода. Все — и хозяйева, и слуги — сгрудились у заблокированной Ступаром двери главного входа, которую снаружи рвали на себя охранники в черных пальто, не в силах победить рвущего ее изнутри хозяина агентства по продаже будущего. Ефрем и Макс, ощерившись, уже выхватили ножи, чтобы расчистить себе путь ими.

Тут, наконец, начальник охраны Розенкранца и Гильденстерна пришел в себя, взял стул и с размаху вышиб им широкое, доходившее почти до полу окно. Громовой звон бьющегося стекла отвлек Ступара, он несколько ослабил смертельную хватку, охраннику снаружи удалось мощным рывком открыть дверь, на него полетел вцепившийся в ручку Ступар и сбил с ног. Весело, уже впопад, звякнул колокольчик. Хозяйева и слуги полезли в дверь и окна, как ушеры и вурдалаки из гоголевского “Вия”.

Всё это, казалось, происходило вечно, а на самом деле не более двух минут. Растрепанные, красные Гильденстерн и Розенкранц, бандиты и сатанисты бежали по площади к своим машинам. Охрана едва попевала за ними. Ступар между тем уже отъезжал на своем “Ауди”. Владленовский старшой на бегу вспомнил слова Енисеева, остановился и заорал ошеломленным зевакам:

— Назад! Всем в укрытие! Сейчас будет взрыв! Бомба в кафе!

Площадь завизжала на разные лады женскими и детскими голосами и очистилась в мгновение ока.

Сочился газ из незакрытой до конца поваром Рашидом конфорки, а рядом весело, раздуваемые сквозняком до красных пляшущих лепестков, горели еще две конфорки — под казаном с лагманом и трехъярусной кастрюлей с мантами. В метре от плиты, в нарушение правил пожарной безопасности, стояли в закутке два огромных баллона с газом. От языков пламени, облизывающих бока жирного казана до самой крышки, вспыхнуло полотенце, висевшее на гвоздике над плитой.

В 17.12 на кухне победно загудела от огня пожара вытяжная труба, а в 17.15 один за другим взорвались оба газовых баллона, разнеся сборный домик кафе в клочья.

Этот взрыв слышали уже поворачивающие на своих машинах на Дмитровское шоссе сатанисты и бандиты, Розенкранц и Гильденстерн, и инстинктивно пригнули головы, а потом воровато поглядели на часы. Никто из них при этом не проронил ни слова.

9

Енисеев взял пакет со спиртным и отнес его на мусорку.

Когда он вернулся, Надя ходила по квартире, прибиралась. Енисеев, стоя в дверях, сказал:

— Нам надо что-то менять в нашей жизни.

— Значит, будем менять, — улыбнулась Надя.

— Нет, я серьезно. Заведем ребенка, я снова пойду работать в школу. Меня не заботят больше пророчества. Главное мое пророчество, с помощью которого я смог спасти свою и твою жизнь, исполнилось. Других больше не надо. Они нашу жизнь погубят.

Надя отвела со лба светлую прядь.

— И я серьезно. Я всегда ждала, когда ты это скажешь.

— Но ты же всегда говорила, что надо подождать с ребенком!

— Я говорила лишь то, что ты хотел слышать. Ты взял мою жизнь в свою волю, когда предсказал: “Мы прилетим в Москву, и ты выйдешь за меня замуж”. С тех пор я была твоя и больше ничья. А, может быть, еще раньше, когда ты предсказал в самолете, что двигатели заработают. Я как-то очень запаниковала тогда, мне не хотелось умирать, и тут появился ты и сказал, что я не умру. Потом, когда мы подружились в Иркутске, мне захотелось за тебя замуж. Ну, мало ли что мне захотелось, девушки всегда хотят выйти замуж за интересных мужчин. Да и знакомы мы были всего неделю. Но ты сказал: ты будешь моей женой. Мне стало ясно, что ты — это моя судьба. И в ней всё будет вершиться не тогда, когда я скажу “да”, а после того, как твердо скажешь “да” ты. Да, ты хотел ребенка. Но ты не хотел его так же твердо, как хотел, чтобы я вышла за тебя замуж. Ты хотел, чтобы я ушла из стюардессе, и не хотел этого, потому что боялся настоящей семейной жизни. Ты мучился сам с собой и не готов был принять наше будущее. Ты готов принять его, когда уверенно говоришь: “Через двадцать минут заработают все двигатели” или “Мы прилетим в Москву, и ты выйдешь за меня замуж”. Тогда и я готова принять это будущее.

Надя подошла к нему и обвила тонкими руками его шею.

— Я не знаю, как ты решил поступить со своим даром. Для меня ты — всегда пророк. Как ты скажешь, так и будет. Говори.

— Ты плохо слушала, — улыбнулся он. — Тоже мне — жена пророка! Я уже всё сказал. И жду, что на это скажешь ты.

— ДА! — ответила она. — Да. Да. Да.